Ян Гус

Жизнь замечательных людей - 16

Милош Вацлав Кратохвил

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Жизнь национального героя Чехии — Яна Гуса, документально и красочно воссозданная чешским писателем Милошом Кратохвилом, была столь быстротечной, что костер в Констанце, на котором сгорел Гус, казалось, должен был выжечь даже память о нем. Но случилось иное: этот костер стал зарей великого пожара, в котором в конце концов испепелился феодальный строй Чехии.

В книге М. Кратохиила читатель не найдет захватывающих приключений, пафоса рыцарских поединков и вообще средневековой экзотики. Ян Гус всю свою недолгую жизнь провел или на кафедре проповедника в Праге, или на дорогах южной Чехии, или в темнице в ожидании неминуемой смерти. И все же его жизнь — подвиг, подвиг, совершенный во имя правды, во имя простых тружеников городов и сел. И этот подвиг нашел отклик в сердцах тысяч его последователей. Тридцать три года гуситы с оружием в руках отстаивали право на лучшую жизнь. Начав борьбу под знаменем церковных реформ, они пришли к требованиям социального переустройства общества.

Пусть не смущает читателя богословский язык, так часто звучащий со страниц книги., — другого языка средневековая Европа не знала. Но в каждой проповеди Гуса, в каждом его обращении к Священному писанию слышен могучий призыв, обращенный к народу, отклик на его нужды и чаяния, вера в его силы. Именно эта вера в лучшее будущее своего народа бесстрашно возвела Гуса на, костер и сделала его имя бессмертным.

Книга М. Кратохвила дается в русском переводе с очень небольшими сокращениями.

Популярный чешский писатель, драматург, историк Милош Вацлав Кратохвил родился в городе Вене в 1904 году. В тридцатых годах он начинает свою литературную деятельность, напечатав несколько романов, рассказов, пьес. Наиболее известные из них — «Памятные сражения в нашей истории» (1937 г.), «Ложный путь» (1939 г.), «Одинокий драчун» (1941 г.) и др.

После окончания второй мировой войны и особенно после социалистической революции в Чехословакии в 1948 году Кратохвил заново переоценивает с позиций марксистской историографии прошлое Чехии и создает трилогию о Яне Гусе и гуситском движении, несколько романов из истории чешского народа XVII и XIX веков.

Милош Вацлав Кратохвил не только писатель, но и историк и педагог. Он архивариус Главного музея в Праге, профессор факультета кино Академии искусств.

- Милош Вацлав Кратохвил
  - Предисловие
  - ГЛАВА I
  - ГЛАВА 2
  - ГЛАВА 3
  - ГЛАВА 4
  - ГЛАВА 5
  - ГЛАВА 6
  - ГЛАВА 7
  - ГЛАВА 8
  - ГЛАВА 9
  - ГЛАВА 10
  - ГЛАВА 11
  - ГЛАВА 12
  - ГЛАВА 13
  - ГЛАВА 14
  - ГЛАВА 15
  - ГЛАВА 16
  - ГЛАВА 17
  - ГЛАВА 18
  - ГЛАВА 19
  - Основные даты жизни Яна Гуса
  - Краткая библиография
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16

- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36

Милош Вацлав Кратохвил
Ян Гус

Предисловие

Книга М. В. Кратохвила посвящена жизни, деятельности и борьбе великого чешского реформатора магистра Яна Гуса.

Верный *сын* своего народа, неустрашимый защитник правды, мужественный борец, идей и принципов которого не могли сломить ни гонения, ни тюрьма, ни мученическая смерть, Ян Гус принадлежит к числу тех исторических деятелей, чьи светлые образы навсегда сохранятся в памяти человечества.

Имя Гуса хорошо знакомо советскому читателю. За последние годы нашими издательствами был выпущен ряд популярных работ — оригинальных и переводных, посвященных гуситскому революционному движению в целом[1]; все эти работы определенное место уделяют и бессмертному предтече героической борьбы, ее фактическому основоположнику и зачинателю Гусу.

Предлагаемая книга носит иной характер. Ее автор, современный чешский писатель и историк Милош Вацлав Кратохвил, касается проблемы гуситских войн лишь в самой незначительной мере. Его труд — это прежде всего биография Гуса, изложение и оценка его дел и идей. Надо отдать должное автору: несмотря на сравнительно небольшой объем книги, он сумел создать цельный, запоминающийся образ своего героя. Без сомнения, удачен и ряд других, часто попутных и всегда предельно сжатых, но красочных характеристик, таких, как описание Праги или Констанца, как тонкий психологический портрет предателя Штепана Палеча и др. М. Кратохвил прекрасно знает описываемую им эпоху и хорошо владеет существом предмета.

Однако обилие церковного, теологического материала, который в значительной части дается по первоисточникам, несколько затрудняет восприятие ряда мест книги неподготовленным читателем. Советский читатель крайне далек от религиозной догматики средневековья и проблем, связанных с нею. Поэтому, прежде чем приступить к чтению книги Кратохвила, он будет неизбежно нуждаться в пояснениях. Попытаемся дать самые главные из них.

* * *

Характеризуя роль католической церкви в средние века, Ф. Энгельс указывал, что она «являлась наивысшим обобщением и

санкцией существующего феодального строя»[2].

Возглавляемая римским папой, церковь как организация мало чем отличалась от светского феодального общества. Она была крупнейшим землевладельцем и эксплуатировала в своих поместьях крепостных крестьян точно теми же методами, как и любой светский феодал.

Но церковь была не просто феодальной организацией. Она утверждала — и это главное — феодальную идеологию, то есть те взгляды и понятия, которые оправдывали классовое неравенство и жестокую крепостническую эксплуатацию.

Католические попы внушали своим прихожанам, что все существующее угодно богу, что надо терпеть многообразные формы принуждения, уплачивать все полагавшиеся налоги и выполнять установленные повинности. Всякое недовольство, всякий ропот, уверяли попы, является не только бунтом против господина, но и бунтом против бога; а кто восстает против бога, того ждет страшное наказание в земной жизни и вечные муки ада в загробной.

Для того чтобы внушить угнетенному народу подобные мысли, католическая церковь с успехом использовала самые различные средства. Громады готических соборов с мрачными сводами и тусклыми цветными стеклами, торжественная служба, сопровождаемая своеобразными театральными представлениями, рисующими картины рая, ада и т. п., — все это должно было беспрестанно подавлять мысль и волю верующего. Но главное оружие, которым оперировала церковь, представляли так называемые таинства, особые магические обряды, главным из которых было таинство причастия.

Причастием назывались особые пресные лепешки (облатки), которые священник давал верующему после исповеди в «грехах». Облатка, символизировавшая «плоть Христову», являлась как бы волшебным лекарством, принимая которое человек получал «божественную благодать», дававшую ему силу противиться греху и совершать добрые дела, что, в свою очередь, обеспечивало душе верующего райское блаженство в загробном мире.

Католические попы давали причастие только тому, кто был верным сыном церкви и послушным исполнителем воли своих господ.

Кроме того, чтобы выделить роль и значение самой «матери церкви», попы установили порядок, согласно которому причастие давалось церковникам и мирянам не в одинаковой форме: если миряне получали «благодать» лишь в виде хлеба («плоти Христовой»), то духовенство причащалось хлебом и вином («плотью и кровью Христовой»).

В этих условиях всякая борьба против феодализма, всякое выступление против крепостнической эксплуатации были одновременно выступлением против господствующей католической церкви. Неудивительно поэтому, что подавляющее большинство народных восстаний средневековья оказалось облеченным в форму «ересей» — *религиозных* движений, направленных *против официальной религии.* Народ, стремившийся сбросить ярмо векового рабства, выдвигал против бога господ своего бога, бога угнетенных, обездоленных и страждущих, справедливого евангельского Иисуса Христа. Неудивительно, с другой стороны, что, нападая на католицизм с позиций бесправия и нищеты, «еретики» требовали прежде всего опрощения церкви, отказа прелатов от земель и дворцов, возвращения к бедности и простоте времен начального христианства.

Многие из этих черт и мотивов были характерны для различных форм бюргерской «ереси», получившей широкое распространение в XIII–XV веках.

Рост городов, расширение товарного производства и связанное с этим развитие товарно-денежных отношений создавали новую социальную прослойку — бюргерство, представленное в первую очередь ремесленниками и купцами. Выступая против феодальных ограничений, мешавших развитию ремесла и торговли, бюргеры, естественно, должны были выступить и против католической церкви. При этом бюргеров особенно раздражали богатства_католической церкви и бесконечные поборы, взимаемые ею со своих прихожан. «Средневековые бюргеры, — писал Ф. Энгельс, — требовали прежде всего дешевой церкви… Это дешевое устройство устраняло монахов, прелатов, римскую курию, словом, все, что стоило в церкви дорого»[3].

Оппозиция бюргеров католической церкви носила зачастую, как это было в Чехии, национальный характер. Она встречала решительную поддержку и со стороны городского плебса и со стороны крестьянства, беспощадно эксплуатируемого светскими и церковными феодалами. Мало того, поскольку критика католической церкви связывалась с требованием изъятия церковных земель, она временами встречала поддержку даже со стороны королевской власти и некоторых, преимущественно обедневших, слоев феодалов: и король и рыцари были не прочь поживиться за счет церковных имуществ. Таким образом, хотя конечные цели и задачи у всех социальных слоев, временно объединенных под флагом бюргерской «ереси», были глубоко различны, в течение какого-то периода они могли действовать сообща.

Именно в такой обстановке складывалось учение Яна Гуса, которого Ф. Энгельс относит к числу типичных представителей бюргерской «ереси»[4].

Учение Гуса не было чем-то застывшим, неизменным. Оно формировалось в тесной связи с ходом событий, его положения складывались по мере того, как Гус постигал существо окружавшей его жизни.

На первых порах чешский реформатор еще критикует не. церковь, а отдельных ее представителей. Он бичует пороки духовенства, но не распространяет своих выводов на весь организм католической церкви. Постепенно, по мере углубления внутренних противоречий в стране, его проповеди начинают менять свой первоначальный характер. Они приобретают национальную окрашенность. В них выдвигается все больше общих принципов, которые относятся к самой церковной организации. Теперь он резко выступает против продажи индульгенций — грамот, дающих за особую плату «отпущение грехов», теперь он горячо возражает против неодинаковых форм причастия для церковников и мирян и т. п. Наконец в последние годы жизни, находясь в изгнании, Гус полностью порывает с католическим клиром и всеми его атрибутами. Он отрицает особое положение папы и даже необходимость его власти, обрушивается на кардиналов и других князей церкви, критикует всю церковно-феодальную иерархическую систему и отвергает важнейшее из таинств — таинство причастия. Таким образом, в своей законченной форме учение Гуса представляло страшную угрозу не только для католической церкви «во главе и членах», но и для феодального строя в целом.

Однако, воздавая вслед за М. Кратохвилом должное как учению Гуса, так и бессмертному величию его подвига, мы не можем полностью согласиться с некоторыми положениями авторской оценки.

Мы не можем признать, что Гус был «первым революционером нового времени», и не только в связи с тем, что он действовал не в новое время, а в средние века, но и главным образом потому, что он был действительно далек от революции. Лично Гус не стремился к низвержению существующего строя, хотя и выступал против царившей в нем несправедливости. Выражая объективно интересы народных масс, он был скован ограниченностью, свойственной всему чешскому бюргерству, идеологом которого он оставался прежде всего. Лишь в дальнейшем, в ходе гуситских войн, из его учения сделают те революционные выводы, о которых он сам и не помышлял.

Учение Гуса и революционная практика таборитов — далеко

не одно и то же; об этом не должен забывать советский читатель, знакомящийся с интересной и содержательной работой М. Кратохвила.

Возвращаясь к автору, мы должны будем отметить еще некоторые его положения, являющиеся спорными, а также отдельные неточности, впрочем весьма малочисленные.

Прежде всего нельзя не заметить, что М. Кратохвил чересчур упрощенно объясняет происхождение феодального строя, выводя его чуть ли не целиком из воли короля. В действительности феодализм — это целая общественно-экономическая формация, при установлении которой роль королей и других деятелей не имела большого значения; в основе ее лежал феодальный способ производства, который и определил в конечном итоге все ее институты и особенности.

В. И. Ленин указывает на четыре основные черты, определяющие феодальный способ производства: во-первых, господство натурального, замкнутого хозяйства, когда все, что производится в нем, все в нем же и потребляется; во-вторых, обязательное наделение крестьянина землей и прикрепление его к этой земле; в-третьих, личная зависимость крестьянина от феодала и внеэкономическое принуждение крестьянина феодалом, то есть принуждение силой; в-четвертых, рутинная техника производства[5].

Несколько примитивно выглядят в трактовке М. Кратохвила причины перехода общества к товарно-денежным отношениям. Он говорит, что «люди… начали придумывать новые способы производства ценностей», но забывает, что в основе указанного перехода лежит великое общественное разделение труда — отделение ремесла от сельского хозяйства — и сложение на этой основе нового общественного организма, средневекового города. Надо добавить, что автор слишком рано — гранью XIV и XV веков — датирует «отживание феодальной основы общества».

Вызывает возражения суммарная авторская характеристика борьбы между церковью и всеми другими сословиями как борьбы всех против всех, а также преувеличенное и повторяющееся. подчеркивание антагонизмов внутри феодального общества, образующихся на религиозной почве. Не следует забывать, что различные классы и социальные слои в Чехии выступали против католической церкви по разным соображениям и с неодинаковой решительностью. Основной антагонизм был один: непримиримая борьба между угнетателями — феодалами и угнетаемыми — крепостными крестьянами. Что же касается, например, борьбы между церковью и панами, то это была борьба внутри *господствующего класса,* борьба, имеющая второстепенное

значение, напоминающая, по образному выражению Гуса, грызню двух собак из-за одной кости. В конечном итоге между крупными феодалами и церковью не было и не могло быть *непримиримого антагонизма;* они (как показало будущее, в частности Базельский собор, в отношении оценки которого советские историки никак не могут согласиться с М. Кратохвилом) легко договаривались между собой.

Вряд ли уместны дважды повторенные автором замечания о *безработице* среди бедняков. Для средних веков это звучит как модернизм. При феодализме с господствующим натуральным хозяйством безработица, разумеется, не могла иметь места.

Определенную неточность автор допускает, когда, перечисляя народные восстания XIV–XV веков, «первой ласточкой» называет Флоренцию. Первой ласточкой грозных классовых боев этого времени было, без сомнения, восстание Дольчино в северной Италии, начавшееся в 1303 году. Что же касается восстания чомпи во Флоренции, то оно было скорее одним из последних в этой серии великих движений, ибо произошло лишь в 1378 году — через двадцать лет после французской Жакерии и всего за три года до восстания Уота Тайлера в Англии.

Таковы те основные замечания и сомнения, которыми мы можем поделиться с М. Кратохвилом. Разумеется, они ни в коей мере не уменьшают отмеченных выше больших достоинств книги, книги, которую советская молодежь прочтет с интересом.

Кандидат исторических наук А. Левандовский

ГЛАВА I
ДЕТСТВО

Ян Гус родился в 1371 году в Гусин це, на юге Чехии, недалека от Прахатиц.

Пейзажу в окрестностях Гусинца присуще все то, что определяет своеобразие и красоту южной Чехии: пологие волны холмов, мирные долины, синеющие ковры лесов, яркая белизна деревенских домиков, вьющиеся ленты речек и ручьев — и рядом с этим отвесные скалы, глубокие ущелья и величавые силуэты Шумавских гор на горизонте. Даже залитый солнцем, этот край кажется каким-то задумчивым, серьезным и в то же время приветливым, ласковым.

В те годы, когда Ян был еще мальчиком, Гусинец-представлял собой небольшое селение, находившееся на королевских землях и подчинявшееся королевскому замку Гуси.

Жизнь в предгорьях была нелегкой, и гусинецкие крестьяне должны были тяжелым трудом зарабатывать свой хлеб. Большую часть земель здесь занимали принадлежавшие замку леса и просеки, а небольшие ополья никогда не могли принести такого урожая, как плодородные земли на равнине. Поэтому главным занятием местных крестьян были рубка и сплав леса. Все — и крепостные и свободные — должны были трудиться до изнеможения от зари до зари, чтобы прокормить себя и семью.

Отец Яна не был исключением, И из некоторых позднейших высказываний Гуса видно, что уже в детстве мальчик познал всю горечь бедности и научился чтить редкий и драгоценный дар земли — хлеб.

И еще одно помогло Гусу уже в самые ранние годы осознать тяжелую жизнь своих ближних: он имел возможность сравнить ее с богатством и роскошью горожан в расположенных поблизости Прахатицах.

Прахатицы получили права города лишь за год до рождения Гуса, хотя на деле были давно богатым городом. Город лежал на старой торговой дороге, по которой издавна возили самые различные товары и в том числе один из ценнейших— соль, поступавшую в Чехию из Баварии. Благодаря выгодному местоположению Прахатицы рано сделались значительным торговым центром. Торговля привлекла сюда купцов, перекупщиков, менял; здесь развились важнейшие ремесла, необходимые для торговли, которая, в свою очередь, обогащала тех. кто способствовал ее процветанию, одновременно извлекая

из нее доходы. Это были прежде всего быстро богатевшие прахатицкие бюргеры, умевшие не только использовать свои капиталы, «о и показать свое богатство, возводя красивые каменные дома, щеголяя роскошью нарядов, изощренными развлечениями, пышным великолепием своего собора.

Как резко выделялись нищета и бедность деревни на фоне богатства и роскоши этого города! Хотя в документах не сохранилось прямых указаний на то, что Гус действительно посещал прахатицкую школу, все же, несомненно, он часто бывал в этом городе, как и каждый житель ближайших окрестностей. Видел он и шумный рынок с иноземными товарами, и пестрые краски роскошных одежд, и сияющее золотом убранство костелов. Тогда-то впервые и предстали перед ним два мира, столь различные и противоположные, — мир богатых и мир бедных, каждый со своими особыми признаками и порядками, разделенные такой непроходимой пропастью, что человек, стоящий на одном краю ее, уже не мог разглядеть человека, находящегося на противоположной стороне.

Несмотря на то, что Гус очень много писал за свою короткую жизнь, о себе он почти не упоминает и совсем мало говорит о своем детстве. Он вспоминает только свою мать, самого близкого человека для каждого ребенка. Никогда не забывал он слов, которые *она* заботливо внушала ему: «Чем, о сын май, должен руководствоваться юноша на своем пути? Разве, не словом Божьим?» Следовать слову божьему, почитать его, руководствоваться им… В этой простой фразе деревенской женщины уже заложена, собственно, основа будущих стремлений Гуса: мерить все правдой, почерпнутой в писании, в библии, то есть познанной правдой, и ею «руководствоваться на своем пути».

Родители Гуса — мы не знаем даже их имен, — так же как все, кто любит своих детей, хотели, чтобы жизнь их сына была легче и счастливее, чем их собственная. В те времена для юноши из бедной деревенской семьи был только один путь к более обеспеченному будущему — стать священником. Для этого надо было окончить Пражский университет.

Конечно, бесчисленное количество бедняков желало своим сыновьям этой счастливой доли. И чем больше было тех, кто стремился к «хлебам священника», тем меньше оказывалось избранников, которым удавалось этого достичь.

Число недоучившихся студентов и молодых кандидатов в священники без прихода и доходов непрестанно росло, в то время как количество духовных должностей и «кормов» — пребенд[6] — оставалось почти неизменным.

Эти молодые люди, обманутые в своих лучших надеждах,

рукоположенные и нерукоположенные в сан священника, должны были зарабатывать себе на жизнь как умели. Приходские священники злоупотребляли их трудом, используя на различных плохо оплачиваемых службах, заставляя за гроши совершать богослужения и отправлять требы, иной раз в нескольких приходах сразу; сами же «духовные пастыри», поставленные над приходом, не заботились о своих «стадах», в особенности если их было несколько.

Только тяжелое многолетнее учение обеспечивало надежное будущее и открывало в конце концов путь к званию профессора (магистра) Пражского университета. Но для этого требовалось исключительное дарование, усиленная работа и многие годы самоотречения, если только студент не имел влиятельного покровителя или сам не располагал средствами, с помощью которых мог бы обеспечить себе доходное место.

Именно на этот тернистый путь и вступил Гус.

Несомненно, на выбор его карьеры повлияло желание матери, женщины чрезвычайно набожной. Но немалую роль сыграла здесь и его собственная, человечески совершенно понятная надежда — жить лучше. «Когда я учился, — писал он позднее, — у меня была цель поскорее стать священником, чтобы лучше жить, иметь хорошее платье и пользоваться почетом у людей».

С этой мыслью он отправился в Прагу.

Здесь начались полные лишения, но веселые студенческие годы: «Когда я был голодным школяром, то делал ложку из хлеба и до тех пор ел горох, пока не съедал и ложку». Гус сразу свыкся с образом жизни своих товарищей, разделял их забавы, участвовал в церковных процессиях ряженых, любил играть в шахматы, и от вина не отказывался, и новому платью умел порадоваться. Однако очень скоро к воспоминаниям обо всем этом прибавляются записи другого характера: «В бытность школяром нередко с товарищами певали мы вигилии[7], но лишь для того, чтобы отбыть повинность, ибо деньги за это брали другие, на нас же лишь верхом ездили и пахали». Гус говорит о широко распространенном в то время явлении, когда священники, получавшие высокую плату, сами церковных служб не исполняли, а поручали их нищим священникам и студентам, с которыми расплачивались ничтожной частью своих огромных доходов. «На бедных пахали», а урожай собирали сами! Так повелось и в большом и в малом. И Гусу с его товарищами приходилось за несколько геллеров петь на клиросе за своих духовных «благодетелей».

И вот в Праге, так же как и в Прахатицах, встретились Гусу два противоположные мира: мир полновластных богачей и мир

бесправных бедняков. Но здесь, в столице Чешского королевства, различия выступали еще более резко и отчетливо.

ГЛАВА 2
ЧЕХИЯ И ЧЕХИ В НАЧАЛЕ XV СТОЛЕТИЯ

Как чувствовал себя деревенский юноша, когда в один прекрасный день впервые ступил на пражские улицы? Быстро поблек в его душе образ прахатицкой роскоши, вытесненный потрясающим впечатлением от размеров и богатства пражских городов [8]. Всюду высокие каменные дома, пестро расписанные, с лепными украшениями, на площадях — могучие своды просторных аркад, дома в три, четыре этажа, с широкими многооконными фасадами; большее ратуши с башнями и лестницами, огромные храмы, в каждом из которых поместилась бы вся родная деревня; стрельчатые своды церквей — чтоб взглянуть на их строимые шпили, нужно было запрокинуть голову к небу; великолепие храмовых интерьеров, сияющих золотом и многокрасочностью витражей; большие и просторные площади, лабиринт староместских улочек и в противоположность ему — широкие, пересекающиеся под прямым углом улицы Нового Места; непривычные панели под ногами — все это поражало взор. Но больше всех этих невиданных зданий удивляла сама жизнь, бурлившая на мостовых между ними. Сколько тут было движения, суеты — огромные рынки, застроенные лавками, палатками, ларьками, прилавками с разнообразными товарами; витрины в окнах мастерских нижнего этажа; грохот повозок, непрерывно привозящих и увозящих грузы; и среди толпы разодетые всадники, крытые носилки, в окошечках которых можно разглядеть и важные лица прелатов и разукрашенные головки женщин. А странные костюмы прохожих, богатые одежды горожан; обшитые мехом и подпоясанные драгоценными поясами плащи; накидки из горностая, соболя, белки и леопарда; высокие конусообразные головные уборы женщин с ниспадающими покрывалами; сшитые по французской моде, подбитые ватой кафтаны мужчин с множеством пуговиц, и облегающие трико со штанинами разного цвета; стучащие по мостовой деревянные подошвы, прикрепленные цепочкой к туфлям с остроконечными, загнутыми кверху носами!

И рядом со всей этой роскошью, золотом, серебром, бархатом, парчой и шелком бесконечное мелькание серых и коричневых, грубых, залатанных и рваных сермяг, халатов, лохмотьев, едва прикрывающих тела людей, которые тенями

бродят по улицам, заполняя их своей нищетой и голодом. Эти люди жили не в каменных дворцах горожан, а в сараях и лачугах, в трущобах на окраине города, у реки и в кустах под крепостными стенами, в грязи, тьме и холоде, а то и вовсе ночевали под открытым небом, на свалках, и там же умирали от истощения или болезней. Но был здесь и другой мир — главным образом в Новом Месте пражском: мир мастерских, труда и шума, мир ремесленников и мелких бюргеров, еще не богатых, но уже не бедных, которые боролись за право на жизнь со старожилами-торговцами, купцами и ростовщиками.

Сколько тут было противоречий, контрастов, а отсюда и напряженности, скрытой и явной борьбы!

И не только в Пр are…

Из каких же элементов складывалось население Чешского королевства в годы пребывания Гуса в Пражском университете? Чего добивались и к чему стремились эти различные слои общества и какими силами располагали?

В предшествующие времена в Чехии, как и в остальной части Европы, основой экономической мощи и общественного положения человека была земельная собственность. Тогда, как, впрочем, и столетия спустя, люди и человеческое общество делились на тех, кто владел, и на тех, кем владели. Первые владели людьми потому, что им принадлежали земли, поля, деревни, леса, пруды; вторые же, не имевшие собственности, должны были им служить и работать на них. Эти люди вместе с землей, которую они обрабатывали, также были собственностью хозяина, но отличались от рабов тем, что господин не властен был над их жизнью, ему принадлежал только их труд, они имели собственные орудия ремесла и производства и небольшие хозяйства.

Крупнейшим земельным собственником был король, которому, однако, приходилось держать для управления своим имуществом многочисленных управляющих, чиновников, судей и военачальников. Нуждаясь в их службе, он должен был и вознаграждать за «ее — король платил за службу опять-таки землей. Сначала он давал лены, то есть поместья, во временное пользование только на срок службы или пожизненно. Но со временем эти лены сделались наследственными в семьях королевских избранников, пока, наконец, не превратились — в постоянные родовые владения. В конце концов эти избранные люди — дворяне— стали наряду с королем той частью общества, которая основывала свою власть на земельной собственности.

Лен по-латински называется «феод», и от этого старого слова произошло название тогдашнего общественного строя. Этот строй

мы называем феодальным, а общество той эпохи — феодальным обществом.

Основная черта феодализма заключается в том, что его экономическая, а следовательно, и политическая власть опиралась на земельную собственность и что знатность происхождения отделяла глубокой пропастью феодалов от всех прочих людей. Каждый младенец, принадлежавший к «высокородному», дворянскому, семейству, с самой колыбели сопричислялся к кругу сильных мира сего.

Все это казалось таким прочным и постоянным, словно никогда не могло измениться.

Крупным феодалом была и церковь; ее епископства, монастыри и приходы владели богатыми земельными угодьями. Поэтому церковь тоже провозглашала существующий порядок правильным и вечным.

Какое-то время он действительно отвечал положению дел, до тех пор, пока люди создавали ценности, используя землю, воды и леса. Но в жизни нет ничего вечного и постоянного. Люди, непрерывно стремящиеся облегчить, ускорить и улучшить процесс добывания средств к жизни, начали придумывать новые способы производства ценностей. Возникали различнейшие ремесла; ремесленные изделия нужно было доставлять и продавать потребителям; возникли торговля, рынки, в удобных местах выросли центры всего этого оживившегося производства и товарообмена— выросли города. А потребности производства и торговли обусловили появление и нового средства обмена, более целесообразного и гибкого, чем неповоротливая форма прямого обмена товара на товар; они обусловили появление денег.

Ремесленное производство и торговля быстро приносили гораздо большие доходы, чем медленно развивающееся сельское хозяйство, а поэтому город и горожане начали богатеть быстрее, чем феодальное землевладельческое дворянство. Понятно, что это не способствовало взаимной любви между горожанами и дворянством и, напротив, порождало постоянную то явную, то скрытую вражду и соперничество. Ведь обе эти части общества были и в самом деле совершенно различны: дворянин опирался на свои земли, которые были неподвижны и год за годом приносили приблизительно одинаковый доход, и на свою врожденную знатность. В противоположность этому горожанин, независимо от происхождения, производил, торговал, зарабатывал деньги, копил их, ссужал и одними только собственными силами (с помощью, конечно, тех, кого он для этого использовал) пробивался вперед. Прошло немного времени, и горожане стали ссужать деньгами дворян, а города — короля.

Старая истина гласит, что кто сильнее экономически, тот превращается и в политическую силу, а когда осознает свою действенную мощь, то требует и добивается, чтобы ее признали все. Это признание должно выразиться в том, что с мнением экономически сильной личности будут считаться, что ее допустят к разрешению вопроса о судьбах страны и т. д.

Все это начали осознавать и требовать в Чехии города и сословие горожан в гуситскую эпоху.

В XIV веке королевские города начали с того, что пожелали, чтобы в рамках города горожане сами устраивали собственные дела, отвергая вмешательство королевских чиновников-дворян.

Уже одно это требование порождало напряженные отношения между основными элементами общества— между городами и дворянством.

Однако это не было единственным противоречием. Аналогичное соперничество, нараставшее веками, разделяло дворянство и короля. Денежное хозяйство способствовало более быстрому обогащению дворянства (хотя и не столь быстрому, как городов). Собственники земли, которым их крепостные платили дань натурой, теперь заменили ее денежным оброком (разумеется, оставив в неприкосновенности барщинную повинность). Денежные оброки позволяли дворянам накапливать капитал и использовать его. Усиливавшееся экономически дворянство добивалось у короля все больших политических прав, на что король шел очень неохотно, так как тем самым он ослаблял собственную власть. Именно в годы жизни Гуса, когда в Чехии правил Вацлав IV — государь, не отличавшийся особой силой, — борьба между королем и дворянством приобрела очень острые формы, и Вацлав IV даже дважды оказывался в плену у могущественных панов[9].

Третьим и самым сильным источником напряжения и раздоров была в тогдашнем обществе церковь, В начале XV века церковь была самым могущественным феодалом в Чехии. Ей принадлежала половина всей обработанной земли в Чешском королевстве! И церковь, в свою очередь, очень ловко использовала в своих Интересах денежное хозяйство, так как она располагала складывавшейся веками прекрасной организацией, простирающейся по всему христианскому миру. Из всех стран Европы, которые признавали крест, а тем самым и папу, в Рим стекалась непересыхающим и все более усиливающимся золотым потоком папская доля десятины [10] и других церковных поборов. Каждое духовное учреждение, каждый, кто получал приход, епископство, аббатство и т. д., уплачивали определенную дань Риму. Рим, собственно говоря, продавал духовные должности,

мало этого — он продавал и право на ожидание должностных мест, которые только в будущем должны были освободиться, продавал он первую, вторую, третью очередь на одну и Ту же должность, а если являлся новый, особенно богатый претендент, он мог купить более близкую очередь и обойти предшествующих «покупателей». Церковь разыскивала и закрепляла за собой — часто довольно бесстыдно — завещания имущества «для спасения души» умершего и требовала платы за все церковные обряды от крестин и исповеди вплоть до окропления могилы и заупокойной обедни. Когда же папская казна особенно остро нуждалась в деньгах, она прибегала к таким источникам доходов, как продажа индульгенций; верующий мог купить за деньги отпущение вины и грехов (иногда даже и тех, которые он только собирался совершить).

Ясно, что церковь, всеми признаваемая за верховного владыку и духовного наставника, высасывала деньги из всех слоев тогдашнего общества — от богатейшего феодала до деревенского бедняка.

Так росло напряжение и раздоры, строго говоря, между церковью и всеми остальными сословиями. И это напряжение носило не только экономический, но и политический характер. Сосредоточив все свои интересы прежде всего на увеличении доходов, на накоплении денег и земельной собственности, папа стремился тогда и к расширению светского папского государства[11] — церковь начала пренебрегать всеми другими своими функциями и обязанностями. Она перестала заботиться об отправлении церковных обрядов, разлагалась морально, а во времена Гуса дело дошло даже до ее раскола: появились одновременно три папы (два в Италии и один во Франции, из которых каждый провозглашал себя единственна, настоящим, и все трое предавали друг друга анафеме, причем каждый объявлял других дьявольскими антихристами).

Так при взгляде на общество того времени выясняется, что, собственно, все его элементы находились в состоянии взаимного соперничества и в борьбе всех против всех, а это означало, что существовавший общественный строй не мог уже удерживать общество как единое целое, не отвечал больше его потребностям и близился к распаду, ибо он базировался на отживавшей уже феодальной основе. Феодальная основа, некогда удовлетворявшая людей, занимавшихся сельским хозяйством и живших доходами с земли, не удовлетворяла и не могла удовлетворять общество, которое чем дальше, тем все больше опиралось на ремесленное производство, торговлю и денежное хозяйство.

Издавна известно, что если два человека производят товар и торгуют, то тот, кто располагает большими средствами, быстро богатеет и входит в силу, в то время как другой остается позади и часто разоряется окончательно.

То же самое происходило и в обществе, во всех его частях в начале XV столетия. И постепенно каждое сословие стало делиться внутри себя на преуспевающих и разоряющихся.

Дворянство дифференцировалось: с одной стороны — собственники владений, так называемые паны; им принадлежали огромные земельные угодья, которые они непрерывно увеличивали, округляли, получая с них возраставшие доходы (например, в южной Чехии — род Рожмберков); с другой стороны — низшее дворянство, рыцари и земаны, которые, наоборот, беднели. Почему? Потому, что мелкие хозяйства не могли выдержать конкуренции с крупными поместьями панов и к тому же не могли увеличиваться, так как у владельцев их не было денег на покупку новой земли, да и паны не стали бы продавать ее земану, так как сами стремились скупать новые наделы. Если же у такого небогатого дворянина были сыновья, ему оставалось только разделить между ними свое имущество; сыновья, в свою очередь, делили его между внуками, и *так* до тех пор, пока родовой надел не становился до того мал, что уже не мог прокормить хотя и «высокородного», но обедневшего владельца. В конце концов рыцарь или земан покидал родное гнездо и отправлялся на поиски пропитания на чьей-нибудь «службе» — большей частью на военной службе у короля или у какого-нибудь могущественного пана. Такова, например, была судьба и Яна Жижки из Троцнова.

То же самое происходило и в церкви. С одной стороны — богатые прелаты и приходские священники, которым принадлежало по нескольку приходов и «кормов», с другой — большое число бедных священников, которые зарабатывали, собственно, наемной духовной работой.

Такая же дифференциация существовала и в сословии бюргеров, о чем наглядно свидетельствует пример пражских городов.

Но прежде нужно сказать о самой многочисленной части чешского общества в XV столетии — о сельских крепостных и о городских трудящихся и бедноте. Народ не оказывал тогда ни малейшего влияния на формирование общественной жизни, он был политически бесправен, юридически неправомочен, а экономически — угнетен и эксплуатируем. Один немецкий рисунок изображает крестьянина, на спине которого сидит пан, бюргер, король и выше всего — папа. Это символическое

изображение целиком соответствует действительности: трудящийся народ нес на своих плечах всю тяжесть труда, создавая богатство тогдашнего общества; народ трудился, а те, кто стоял над ним, пожинали плоды. На народ смотрели только как на источник доходов, столь же несомненный, как, например, пахотные земли, которым надлежит приносить золотые колосья. Но в нужде и страдании народном, естественно, накапливался могучий взрыв, вылившийся впоследствии в революционное движение, потрясшее основы разваливающегося общественного порядка.

Этому трудящемуся люду города и деревни, этой бедноте нечего было терять, положение ее уже не могло быть хуже, а потому все свои силы она отдала борьбе против старых порядков, давивших ее. Народ стал главнейшей ударной силой гуситского революционного движения.

Но возвратимся теперь к городу, дыхание и дух которого ежедневно, много лет подряд окружали Гуса, — возвратимся к Праге.

ГЛАВА 3
ПРАГА В ЭПОХУ ГУСА

Когда Гус приехал в Прагу, она была но тому времени большим городом, насчитывая более тридцати тысяч жителей. Ни один город Германской империи не мог сравняться с ней размерами, и только старые торговые города в северной Италии и Фландрии превосходили Прагу. Нельзя забывать, что в период правления Карла IV Прага в течение тридцати лет была столицей Римско-Германской империи[12], ее центром и резиденцией императора. Сюда, ко двору Карла, устремлялись купцы из разных стран, сюда приезжали посольства и послы с многочисленной свитой, здесь сосредоточивались материальные и культурные ценности, чтобы служить прихотям сильных мира сего.

Каков же был состав пражского населения?

Если оставить в стороне двор и дворянство, которые жили своей особой жизнью привилегированного феодального класса, то остальное, и основное, население делилось на несколько групп.

Прежде всего так называемый городской патрициат. Патриции были самые богатые горожане, старожилы, большей частью потомки старых бюргерских родов, которые некогда участвовали в строительстве и расширении города.

Так как Новое Место было заложено позже, во времена Карла IV, патрициат сосредоточился главным образом в Старом Месте. Здешние патриции — богатейшие коммерсанты, купцы и финансисты — благодаря своей экономической мощи удерживали в руках всю экономическую и политическую власть над городом, хотя численно представляли собой несравненное меньшинство… Они сами, члены их семей и родственники сменяли друг друга на коншельских креслах в ратуше и как подлинные хозяева города получали большую часть доходов с городского хозяйства, с торговых и судебных поборов, с принадлежавших городу угодий. И, разумеется, они прилагали все силы, чтобы ни с кем не делить этих доходов.

Остальная часть населения подчинялась не только политически, но и экономически городской управе, которую патриции держали в своих руках. Делали они это и другими способами при помощи займов. Большей частью это происходило так: если какой-нибудь небогатый пришелец или ремесленник хотел построить себе дом или мастерскую в городе, то обычно ему не хватало собственных средств и он был вынужден занимать.

У кого? У того, кто имел свободные деньги: у какого-нибудь патриция. Но за это он должен был обязаться платить с этого дома своему кредитору так называемую вечную плату — своего рода проценты с долга. Как правило, этот процент составлял одну десятую часть одолженной суммы. Однако такое обязательство, весьма обычное в средние века, имело одну неприятную особенность: выплата не прекращалась и по истечении десяти лет, когда погашался весь долг, а оставалась вечной. Отсюда и ее название. Это была своего рода постоянная ипотека, которую выплачивал сначала владелец дома, затем его сын, внук и сын внука, короче, каждый последующий наследник и даже лицо, купившее дом. Вносить такую вечную плату было железной обязанностью, и промедление могло привести к потере дома.

В Праге не было почти ни одного непатрицианского дома, который не был бы обложен вечной платой, а многие патриции получали эти нетрудовые доходы с пятидесяти и даже со ста домов менее состоятельных горожан. Из этого ясно, каким тяжким бременем ложилось на большинство населения господство горстки всемогущего патрициата.

Вражда между патрициатом и остальным населением в Праге усиливалась еще и тем, что старые патрицианские роды были большей частью немецкими, в то время как беднейшие слои населения, ремесленники и позднейшие пришельцы, заселившие, например, все Новое Место, были чешскими. Так к социальным противоречиям добавлялись национальные.

Гораздо многочисленнее патрициата были менее состоятельные мелкие бюргеры, занимавшиеся по большей части ремеслом. И так как цеховой устав[13] удерживал производство в застывших рамках, представители этого слоя не могли надеяться быстро разбогатеть, как крупные купцы из патрициев, и подняться до высшего класса.

Полноправными горожанами считались все домовладельцы вместе с их семьями. Во всех пражских городах насчитывалось тогда до трех тысяч домов, из этого числа нужно, однако, вычесть дома дворян и патрициев, чтобы установить количество остальных «оседлых» горожан.

Но на этом еще не кончалось расслоение пражского населения. Гораздо более многочисленную группу составляли те, у кого не было ни собственных домов, ни мастерских, у кого были только руки, чтобы заработать на жизнь.

Этот довольно разнородный слой населения и составлял городскую бедноту. К ней принадлежали по денщики и, как мы сказали бы сегодня, неквалифицированные, подсобные рабочие, ремесленные подмастерья, которые из-за недостатка денег или по

другим причинам не могли стать самостоятельными мастерами; обедневшие ремесленники, лишившиеся мастерской, и так далее — вплоть до безработных и просто нищих. Те же из них, кто имел работу, не мог надеяться на постоянный заработок. Их нанимали временно для выполнения определенной работы, и для них периоды занятости часто сменялись вынужденным бездельем, а следовательно, и голодом.

Оплата труда была очень низкой. Подмастерья, обученные какому-нибудь ремеслу, зарабатывали в среднем два гроша в день, неквалифицированные рабочие, поденщики — один грош. Питание же одного человека в день стоило примерно два гроша. Поэтому поденщики большей частью питались одним хлебом. Где же им было взять денег на одежду? О расходах на жилье уже нечего было и говорить. И к этому еще по большей части прибавлялась необходимость кормить семью, детей. При таких обстоятельствах было исключено, чтобы кто-либо трудом мог улучшить свое положение. Ухудшить же его было очень просто — стоило в течение некоторого времени пробыть без работы или лишиться, к примеру, своего рабочего инструмента. Если, допустим, плотник лишался своего топора, стоившего два с половиной гроша, ему никогда уже на него не заработать, так как без топора он мог исполнять только поденную работу, платы за которую едва хватало на самое жалкое существование.

Так постоянно возрастало число бедняков, в особенности когда в Прагу потянулась деревенская беднота в напрасной надежде, что в городе все же легче прокормиться. Толпы безработных бродили по пражским улицам от одной стройки к другой, жадно подстерегая даже самый малый и самый недолговременный заработок. Большой избыток дешевой рабочей силы позволял работодателям всячески эксплуатировать труд людей, причем одним из главных эксплуататоров, чье корыстолюбие не останавливалось даже перед страшной нищетой бедняков, была опять-таки церковь. Плата за крещение, похороны, исповедь имела твердые границы, во всяком случае нижние, и такса за эти «христианские обряды» колебалась от трех до шести грошей. Никто, однако, не решался экономить на этих расходах, ибо для верующих ужасной казалась мысль о том, что их покойник будет погребен без последнего помазания и окропления святой водой и, следовательно, попадет в ад.

Правовое состояние бедняка ставило его в очень невыгодное положение. О каком-либо равенстве перед законом не могло быть и речи. Совершенно различные наказания были для богатых, которые большей частью могли откупиться денежным штрафом хотя бы и за убийство, и для бедняков, которым даже за

воровство, совершенное с голоду, грозило отсечение руки или другое жестокое телесное наказание. Процессуальные правила предписывали также, что свидетели, приглашенные в городской суд для защиты обвиняемого, должны владеть имуществом стоимостью не менее двадцати коп грошей [14], что составляло цену хорошего пражского дома. Где же мог бедняк взять такого свидетеля? К тому же судебное дело было заранее проиграно, если одна из сторон не могла нанять адвоката, который следил бы за точным исполнением всех весьма сложных процессуальных формальностей и порядков судопроизводства. Достаточно было, к примеру, неправильно поднять пальцы во время присяги или ошибиться при произнесении — какой-либо положенной формулы, чтобы проиграть процесс, Адвокат же стоил очень дорого и, следовательно, был недоступен для бедняка, который подавал в суд или привлекался к суду.

С горькой иронией рисует народная песня того времени положение пражской бедноты:

> В лачуги к нам грозят ворваться, стучатся в ставни холода.
> Проснитесь, братья-оборванцы, ведь одежонка-то худа!
> Гуляет ветер по карманам, сзистит в проулках и дворах.
> Нам из отменного тумана похлебку варят повара.
> Из ночи жарят нам дичину, окорока коптят во сне…
> О братья, значит, есть причина считать, что мир хорош вполне.
> Пооблиняли наши шубы, не греют нос воротники…
> О бедняки, вам не до шуток, что будем делать, бедняки?.. [15]

В Праге из тридцати тысяч жителей дворяне, патриции и домовладельцы с их семьями составляли только немногочисленную верхнюю прослойку. Все остальное население — это беднота всех ступеней и оттенков. Число ее не только в Праге, но и в других имперских городах приближалось к половине всего городского населения.

Из всего сказанного становится ясным, сколько было в Праге противоречий, сколько здесь скрещивалось интересов, как постоянно нарастало напряжение между отдельными слоями общества, напряжение прежде всего экономическое и социальное, усиливавшееся к тому же национальными противоречиями.

А в годы пребывания Гуса в Праге все эти конфликты стали особенно острыми, так как уже в течение нескольких лет длился непрерывно углублявшийся экономический и политический

кризис.

Он начался вскоре после смерти Карла IV (1378 г.). Когда над королевским гробом красноречивый университетский профессор Войтех Ранькув произносил надгробную речь, то он помимо прочего сказал: «Все должны скорбеть о смерти императора, нам же, в королевстве Чешском, тем труднее перенести ее, чем больше боимся мы, что среди бурлящих волн и грохота угрожающих нам войн ладья наша, то есть Чехия, вероятнее всего, станет игралищем в руках врагов, коль скоро лишились мы столь великого гребца и таким кормщиком покинуты».

Бури и опасности вообще грозили со всех сторон чехам и в самой Чехии и в империи. Сын же и преемник Карла — Вацлав IV был несравненно более слабым и неопытным «кормщиком», чем его отец. Он не мог подчинить себе свое дворянство, не умел разобраться в сложных отношениях, создавшихся в империи, и дело дошло до того, что в 1400 году он лишился императорской короны и трона.

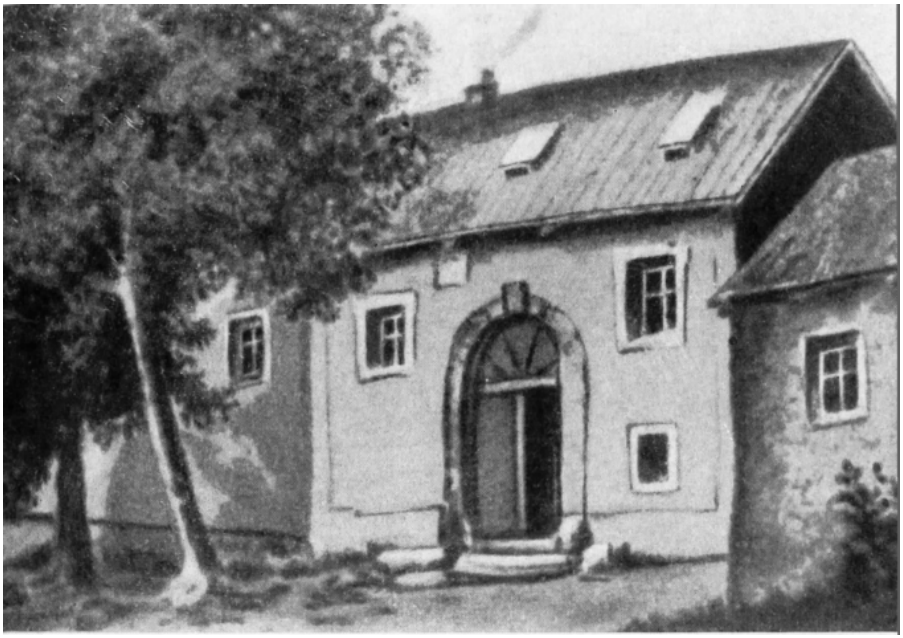
Для Чехии и Праги это имело не только важные политические, но главным образом и экономические последствия. Некогда богатейшая страна Европы начала беднеть. Прага перестала быть императорской резиденцией, сюда уже не приезжали посольства и послы из разных стран, не находили спроса дорогие товары, заглохла здесь и международная торговля. Новые торговые центры начали возникать и развиваться в других местах. В сравнении с предшествующей эпохой уменьшилось и строительство, зато увеличились дороговизна и безработица.

Только церковь изо всех сил стремилась удержать свои былые позиции; в эпоху Карла IV ее богатства неизмеримо росли, и она никоим образом не желала их терять, по-прежнему неустанно стремясь к их умножению. Чем дальше, тем больше пренебрегала церковь своими духовными обязанностями, сосредоточивая все свои заботы на материальных интересах.

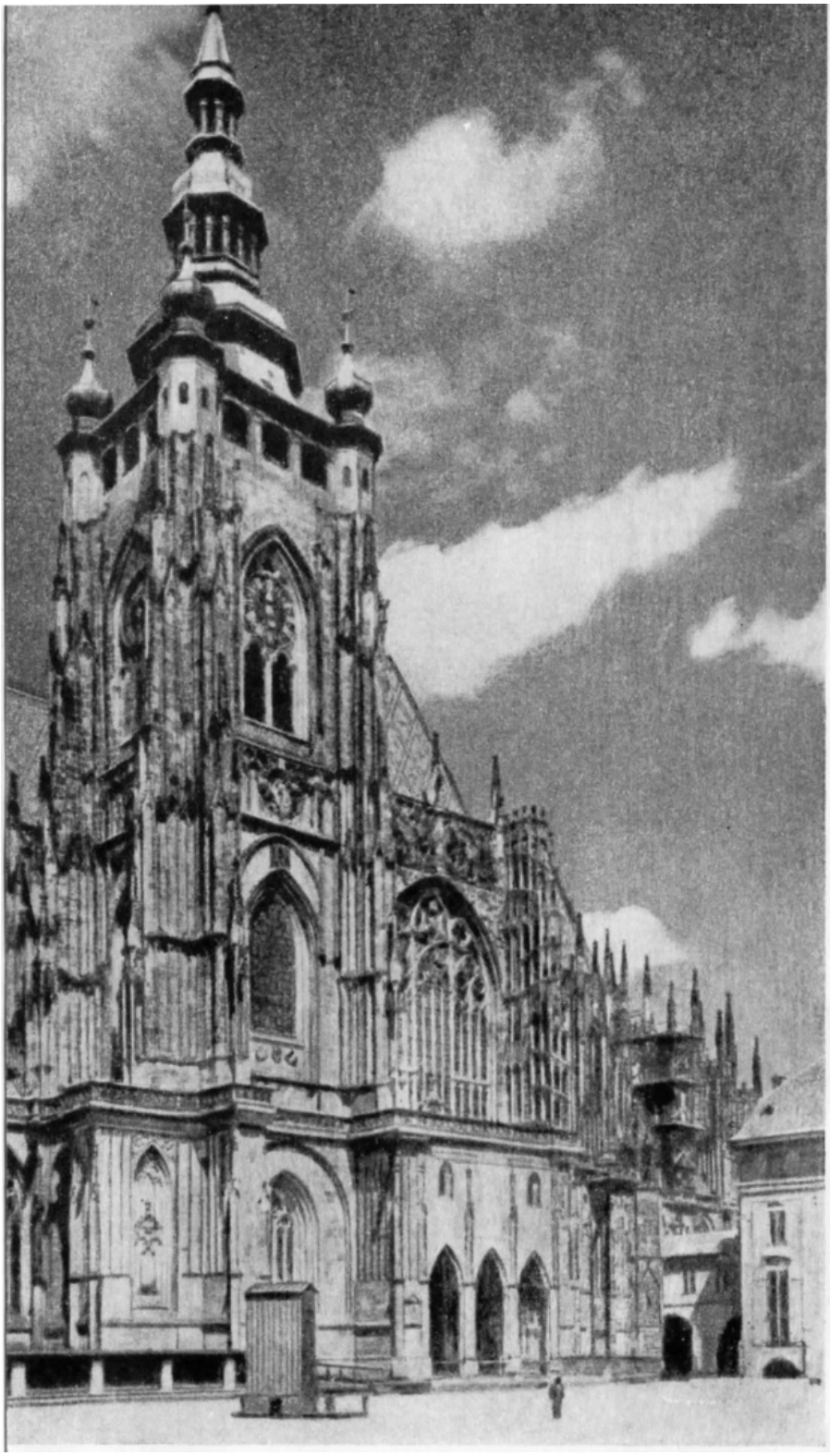
ГЛАВА 4
ПРЕДШЕСТВЕННИКИ И УЧИТЕЛЯ ГУСА

Мы попытались представить взору читателя картину чешского и пражского общества начала XV века, познакомились с его составными частями, определили их интересы и экономическую силу; и перед нами раскрылись противоречия и несоответствия, двигавшие и сотрясавшие это общество.

Конечно, с такой наглядностью картина эта рисуется нам теперь, много веков спустя, человек же, живший в ту эпоху, ее современник, не представлял да и не мог представить себе все это с такой ясностью. Но хотя современники Гуса и не могли составить представление обо всех движущих силах и явлениях своего времени, однако и они чувствовали и более или менее осознавали основные недостатки и трудности той общественной жизни, с которой ежедневно сталкивались. Противоречия эпохи они ощущали как ее современники. Более всего донимала людей церковь, которая упорно и систематически выкачивала деньги из сундуков и кошельков богатых и бедных. Средневековый человек чувствовал, что что-то неладно в общественном устройстве: всюду недовольство, войны, борьба, неопределенность, и чем дальше, тем больше несправедливых обид и ударов, а так как был тот человек верующим и набожным, то и ожидал помощи прежде всего от бога и от тех, через кого он общался с богом, — от священников, от церкви. Но именно церковь и ее представители горше всех обманули его надежды. Он искал у них утешения и помощи, а вместо того слышал лишь кое-как прочитанные проповеди и небрежные богослужения; зато к верующим тянулись алчные руки служителей церкви, и все они. требовали одного: «Плати нам, заплати нам! До твоей души нам дела нет, но деньги твои нужны нам!» Вместе с тем верующие видели пышную роскошь монастырей и храмов, видели, что при капитулах больших пражских соборов сотни церковников жили беззаботно и праздно, алтари и ризы сверкали золотом, а жизнь высоких духовных сановников и богатых приходских священников являла образец распущенности и падения нравственности. Чего уж боле, если о некоторых пражских священниках было известно, что они содержали… публичные дома, извлекая прибыль из этих предприятий.



Дом, в котором родился Ян Гус, в Гусинце (до пожара). Прага «Стобашенная».



Собор св. Витта в Праге.

Недовольство и возмущение практикой церкви давно уже росли в городах и деревнях. И всегда напрашивалось сравнение между тем, что слово божье — библия — требовало от христиан, и тем, как эти священные заветы исполнялись священниками, то есть теми самыми людьми, которые должны были быть руководителями и наставниками верующих. Так вновь и вновь сопоставлялся образ первоначальной, неиспорченной христианской общины с действительностью.

Люди, так жестоко обманутые церковью и разочарованные в ней, делились своими мнениями, и постепенно стали группироваться вокруг тех, кто умел найти словесное выражение их недовольству. Так прежде всего в глухой провинции, вдали от городов, начали возникать самые разнообразные народные секты со своими глашатаями справедливости, проповедниками и народными вождями. **Как** бы ни отличались друг от друга все эти сектантские учения, их объединяло одно: требование очистить церковь от всего наносного, мирского и возвратить ей раннехристианский характер. Это было типичным не только для чешских сект, но и для всех религиозных движений в Европе того времени.

Интересно, что в Чехии народное сектантское движение более всего распространилось на юге, в той местности, откуда родом был Гус.

В больших городах, — если говорить о Чехии, то в Праге, — всеобщее недовольство церковью проявлялось иначе. С церковных и университетских кафедр начали раздаваться голоса выдающихся одиночек, которые критиковали церковь и указывали путь к исправлению. Причем заслуга этих одиночек состоит только в том, что они в меру своего разума и мужества умели выразить в словах общее стремление людей своего времени.

Из предшественников Гуса следует прежде всего назвать троих.

Первый, поднявший свой голос еще в шестидесятых годах XIV века, был немецкий монах Конрад Вальдгаузер, священник в Тынском костеле. Резко осуждая роскошь церкви и светских господ, Вальдгаузер уповал на то, что они исправятся сами. Но самое важное заключалось в том, что свои взгляды Конрад Вальдгаузер провозглашал публично, перед простыми слушателями. Он был первым в плеяде проповедников, которые сеяли свои мысли" в массах, обращаясь к общественности. И хотя Вальдгаузер был по происхождению немец, к его мнениям начало

присоединяться все больше чехов.

По стопам Вальдгаузера, только гораздо энергичнее, пошел и другой проповедник, моравец Ян Милич из Кромержижа. Его выступления получили несравненно больший резонанс: он обращался к более многочисленной чешской аудитории и не только увлекал людей словами, но и примерным соблюдением собственных принципов в личной жизни: Милич отрекся от всех церковных и светских должностей (он был нотариусом королевской канцелярии и пражским каноником), одевался и питался крайне скромно, вел строго нравственный образ жизни. Того же требовал Милич и от окружающих; известно, как резко он выступил против самого Карла IV, которого публично назвал антихристом; известно, что он организовал прибежище для публичных женщин, которые под его влиянием отказались от своего ремесла и где им помогали перейти к честному труду.

Так как Милич видел спасение мира единственно в точном следовании закону божьему, то ему неминуемо пришлось столкнуться с многочисленными принятыми в то время общественными институтами и порядками. Так, прежде всего он столкнулся со светской властью вообще, ибо провозгласил принцип: «Все владыки духовные или светские, которые правят несправедливо, — не владыки, а грабители!» Он восставал также против торговли, осуждая продажу вещей по более дорогой цене, чем та, за которую они были получены, а в особенности ополчался против купчих сделок с вечной платой, что находило исключительно горячий отклик у пражских слушателей. В других своих проповедях Милич страстно боролся против чрезмерного возвышения священников над простыми верующими во время обряда причастия.

Правда, выступления Милича не были еще систематическими, касались лишь отдельных вопросов и по большей части не выходили из границ критики, но в сопоставлении с существовавшим тогда строем они являли образец бесстрашия и революционности и нередко затрагивали самые основы общественного порядка.

Последним из славной троицы проповедников-реформистов до Гуса был таборский уроженец Матей из Янова, впоследствии проповедник в староместском соборе св. Микулаша. Это был исключительно образованный человек. Учился он в Париже на факультете теологии и свободных искусств (так тогда именовали философию) и получил там звание магистра (профессора). Много ценных познаний приобрел он затем в Италии, в Риме. По возвращении в Чехию Матей с большой энергией отдался ученой литературной деятельности и проповедническим трудам.

В речах Матея из Янова с небывалой откровенностью и воинственностью прозвучали уже некоторые основные принципы будущей программы реформ. Матей из Янова резко восставал против внешней пышности церкви и требовал, чтобы она отвернулась от всего показного, поверхностного и обратилась к сущности своего послания.

Он отвергал чрезмерное почитание святых, икон и мощей: «Любая виселица в городе полезнее, чем самая почитаемая икона или скульптура в храме. Ибо виселица есть средство справедливости Божьей и уменьшает зло людское… в то время как от икон и почитания их пошло все языческое поклонение идолам». Гораздо последовательнее развил Матей из Янова протест Милича против возвышения священников при причастии: «Священники, служащие мессу, пользуются правом причаститься телу и крови Христовой. Почему же не дают они этого права и остальным мирянам? [16] Если ответят они, что сие им было дано, то это чистая ложь, ибо Господь дал себя всем. Если же говорят: достойны мы, но не миряне, или — мы достойны больше мирян, то сие есть гордыня, а от нее — зависть и неспособность, ибо не должность делает человека достойным причастия, но вера и любовь и добродетельная жизнь». С небывалой остротой рисовал он перед своими читателями и слушателями образ чистой ранней церкви и сравнивал ее с современной церковью, которая служит мамоне [17], погрязла в мирских заботах и подвластна уже не Христу, а антихристу. Ибо именно антихрист пользуется внешней пышностью для обмана людей, превращает слуг господних в рабов золота, и «чем более высокое место занимает кто в церкви, тем больший есть он у антихриста; если же на самом высоком месте во главе всех находится, гот и есть высший антихрист». Образец же, по которому следовало изменить церковь и весь мир, христианин мог найти в одной только библии.

Слова любимых проповедников падали на особенно плодородную почву в Праге, в большом городе, где жили сотни студентов, где в недавно созданном университете усердно занимались научными трудами и, главное, где в сознании населения острее всего отражалось бремя раздоров и напряжения.

В эту-то атмосферу, в гущу страстных университетских дискуссий, полемик и споров, которые велись и словом и пером, и попал Гус.

Возможно, что сам Гус еще слышал Матея из Янова или по крайней мере читал его труды. Но до него доходили голоса и более ранних проповедников. А учеба в университете захлестывала его волнами новых идей и знаний. Факультет свободных искусств давал своим слушателям все то, что было

тогда достоянием различных наук, начиная с естествознания, истории и языков и кончая сложнейшими философскими системами. Двадцати двух лет Гус достиг звания бакалавра свободных искусств, в 1396 году стал магистром с правом чтения лекций, в 1400 году записался на богословский факультет и вскоре, уже посвященный в сан священника, получил звание бакалавра богословия.

Как раз во времена учебы Гуса в Пражский университет проникло еще одно реформаторское течение, на этот раз извне, из Англии. Тогда оба двора — лондонский и пражский — сблизились в результате брака сестры короля Вацлава IV с английским королем, и несколько чехов стали студентами Оксфордского университета. Возвратившись домой, они привезли оттуда копии некоторых трактатов английского реформатора Джона Уиклифа. Реформы Уиклифа тоже были направлены против церковных порядков и прежде всего против папы, да и в богословские вопросы учение оксфордского профессора вносило много нового.

Гус и многие его друзья приветствовали учение английского реформатора, видя в нем еще одного союзника в дальнейшей отечественной борьбе за реформу. Гус, переписывая трактаты Уиклифа, часто не мог справиться с волнением и сопровождал переписываемые слова восторженными комментариями на полях: «Золота стоит то, что здесь написано», и в другом месте: «Боже, пошли Уиклифу царствие небесное!»

Рассматривая все источники нового реформатского, критического движения, нельзя забывать еще об одном: не только богословы, университетские магистры и образованные люди, но все христиане вообще были тогда поколеблены в своем доверии к церкви расколом, разделившим само верховное руководство христианства. Ведь церковь столетиями внушала верующим, что их главою является папа, преемник апостола Петра, от которого он принял ключи духовного господства, владыка владык, наместник Христа на земле. Но в 1378 году произошел раскол: римскому папе, поддерживаемому Францией, противостоял антипапа, обосновавшийся в Авиньоне. Это раздвоение — схизма[18] — было продолжено в лице преемников обоих пап. Каждый из двух пап провозглашал себя единственно законным и предавал соперника проклятиям и анафеме; оба владыки спорили из-за оброчных владений, следовательно, боролись главным образом за десятину и прочие доходы. К концу первого десятилетия XV века к двум папам прибавился даже третий антипапа. Нужно представить себе доверчивый образ мышления средневекового христианина, привыкшего к почитанию папы и

послушанию, чтобы понять, каким страшным смятением и ужасом должно было все это потрясти души верующих. Как внезапно открылись двери для сомнений и недоверия, которые, не будь этого, вряд ли пришли бы на ум христианину.

Вот что окружало Гуса, взывало к его знаниям и совести, обращалось к нему языком ученых трактатов и университетских диспутов. Но сильнее всех предшественников, учителей, писателей и ученых воздействовал на Гуса самый красноречивый, убедительный и властный наставник — сама жизнь, частью которой был и Гус, жизнь, от которой он никогда не отворачивался, чтобы замкнуться в безжизненных стенах ученого кабинета. Сын бедной деревни, с детства познавший нужду, тяжелый труд и заботь бедняков, Гус не переставал видеть то великое, коренное противостояние мира властителей миру угнетенных, с которым он впервые столкнулся в Прахатицах, а затем в Праге. Осознание этих противоположностей, соединенное со способностью видеть век вытекающую отсюда несправедливость и жестокость, становится постоянной основой всего мышления и деятельности Гуса. Так жизнь и страдания притесняемых, эксплуатируемых и униженных направляют и подстегивают Гуса на всем его дальнейшем пути гораздо сильнее, чем любой предшественник-реформатор и любое критическое сочинение.

Гусу мало было занятий университетского профессора, и центр тяжести своей деятельности он перенес на кафедру проповедника. Гус стал подлинно народным проповедником, лучше всех других умевшим понимать свою народную аудиторию.

ГЛАВА 5
ПРОПОВЕДНИК ВИФЛЕЕМСКОЙ ЧАСОВНИ

Кто-то из друзей и последователей Гуса назвал магистра Яна «громозвучной сигнальной трубой, неутомимым глашатаем правды, устами Божьими». Из этой характеристики видно, как ее автор старался найти самые убедительные и хвалебные выражения, чтобы выразить превосходство ораторского искусства и значение Гуса-проповедника. И действительно, Гус достиг исторической известности прежде всего как проповедник. Он был магистром университета, автором многих научных и популярных трактатов, одним из самых образованных мужей Пражского университета. В то время когда большинство его коллег довольствовались деятельностью ученых и учителей, Гусу этого было мало. Не в его натуре было замыкаться в четырех стенах кабинета ученого, он не умел бороться одним только письменным словом, молча поверяя его бумаге, ему даже казалось недостаточным обращение к ограниченному числу студентов. Он не мог отказаться от необходимой для него связи с настоящей жизнью. Он хотел и должен был говорить с людьми, с широкой аудиторией, с теми, кто трудился, с теми, кто был лишен даже права продавать труд рук своих, а равно и с теми, кто распоряжался трудом, кто властвовал над людьми, постольку, поскольку эти последние соглашались его слушать; короче, он стремился обращать свои речи к людям, творившим жизнь, бурную, полную борьбы, со всеми ее светлыми и темными сторонами, кипевшую вокруг Гуса, кипевшую и в его крови.

Нет, Гус никогда не был отрекшимся от мира и замкнувшимся в себе ученым-одиночкой, окруженным безмолвными фолиантами; Гус с юных лет шел по жизни, полный любознательности и любви к ней и к людям. Он принимал людей, не закрывая глаза на их недостатки, уважал человека — носителя жизни и возможного творца добра; именно поэтому он был строг к людям, чтобы помочь торжеству доброго начала в человеке. Несмотря на бесчисленные препятствия, с которыми сталкивался Гус, несмотря на разочарования в людях, часто самых близких, несмотря на все страдания, выпавшие на его долю, вплоть до страшной смерти, — никогда ни в одном из сочинений Гуса, ни в одной из его проповедей не прорывалось ни слова отчаяния, безнадежности или неверия в лучшее будущее. Он был

провозвестником великой любви к людям.

Его манера обращения привлекала на его сторону сердца слушателей. Ибо только окончательно погибший человек устоит перед любовью, любой иной откроет ей свою душу и укрепится ею.

Так любовь Гуса к людям стала главной основой успеха его проповедей.

В год своего посвящения, то есть в 1401 году, Гус вступил на кафедру костела св. Михаила в Старом Месте. Его не назначили проповедником — он сам добился разрешения читать проповеди и делал это добровольно. Он имел такой успех, что уже весной следующего года был избран и назначен проповедником в Вифлеемскую часовню.

Вифлеемская часовня, заложенная в 1391 году двумя пражскими горожанами, не была церковью в обычном смысле слова и не имела даже прав приходской церкви. Ее основатели предназначали Вифлеемскую часовню главным образом именно для проповедей, «для службы, наиполезнейшей и наилучшей для церкви».

В основополагающей грамоте буквально говорится: «Господь завещал нам, чтобы слово Божье не было связано, но чтобы пользовалось оно величайшей свободой и служило бы церкви и членам ее успешнейшим образом».

К этой-то свободе слова, ограниченной единственным законом — беззаветным служением правде, и прибегал Гус в самой полной мере.

Перед ним стояла нелегкая задача, он должен был обращаться к пражанам, которые слышали Вальдгаузера, Милича и Матея из Янова. В самой Вифлеемской часовне предшественником Гуса был известный оратор Штепан из Колина.

Гус, однако, превзошел всех и вскоре стал самым любимым проповедником пражских городов.

В чем крылась причина его исключительного успеха? О главной уже было сказано. Но к ней присоединились и другие.

Что слышали верующие во время проповедей в других костелах? Обычно проповедь была лишь дополнением к наиболее торжественным богослужениям, и, как правило, она ограничивалась изложением жития святых или разбором некоторых мест из библии, делалось это в безлично-восхваляющей или назидательной манере, причем никто никогда не затрагивал того, что волновало слушателей в их личной и общественной жизни. Неискусные ораторы по большей части кое-как «отбывали повинность проповедника», рассматривая ее как тяжелую дополнительную работу.

Теперь же с кафедры Вифлеемской часовни зазвучал голос, который, правда, тоже говорил о великих понятиях справедливости, жизни и смерти, но говорил о них в связи с каждодневной жизнью, с обычной будничной жизнью любого из пораженных слушателей. В речи, которую они слышали, приводились примеры из быта ремесленников, бедноты, горожан, студентов, эта речь была сочной, конкретной, и слушатель всегда мог сказать «Смотри, это он обо мне говорит, о моих заботах, о моих горестях, о моих страхах и надеждах». Именно в этом была сила воз действия Гуса на слушателей. Все абстрактное, от влеченное, все, что другие выражали безличной возвышенной и оторванной от жизни фразой, Гус крепко увязывал с действительностью, знакомо каждому по собственному опыту. Каким образом достиг Гус такого эффекта — станет ясно, когда мы узнаем, о чем он говорил.

Так же как и его предшественники-реформаторы Гус прежде всего сосредоточил свое внимание на критике церкви. И понятно почему. Во-первых, он сам был служителем ее, во-вторых, и это главное, церковь претендовала быть верховным руководителем всего христианства и вести его по пути справедливости к спасению. А кто может сотворить большее зло: ведомый ученик или ведущий учитель? Конечно, учитель, который направляет мысли и суждения вверенной ему паствы. На учителе, то есть на церкви, лежит поэтому наибольшая ответственность. Она сама прежде всего должна быть совершенна, коль скоро призывает остальных слушаться ее слова, она должна служить образцом, коль скоро провозгласила себя пастырем вверенных ей стад. Разве церковь не требует от них безграничного послушания и признания своего авторитета? И наоборот, верующие имеют бесспорное право требовать от церкви, чтобы она была им светлым примером, самым совершенным в пределах человеческих возможностей.

В действительности же церковь в ту эпоху больше чем когда бы то ни было заразилась мирской суетой, совсем отвернулась от своего духовного послания и заботилась лишь о приобретении возможно больших земных владений и денег. Как же могла она внушать своей пастве добродетель и справедливость, кто же мог верить ей, видя в ее практике прямую противоположность ее учению?

Никто не мог бы убедить Гуса, что он идет против церкви, служителем которой он был. Наоборот, он всегда был глубоко уверен, что служит ей наилучшим образом, вскрывая ее пороки и взывая к исправлению.

Он всегда, до самого конца, считал себя праведным и

честным сыном церкви, даже когда его противники пытались доказать ему обратное. В действительности же он был опаснейшим врагом церкви, потому что критика его подрывала самую основу церковной системы.

Гус не мог даже осознать всего значения своих выступлений. Разоблачая гнилость церковных порядков, несоответствие между учением церкви и ее делами, указывая, насколько изжили себя внутренняя организация и деятельность церкви, Гус восставал одновременно и против важнейшего и сильнейшего представителя феодального общества, а тем самым обрушивался на основы феодального строя вообще. Гус не избежал того, что его критика церкви переросла уже рамки клира и затронула светскую часть феодального общества; он не мог не критиковать короля, дворянство, бюргерство, и если сам Гус рассматривал свою деятельность прежде всего как миссию священника-реформатора, то его слушатели, хотя бы и подсознательно, чувствовали за его словами критику всего общества, его устройства и законности его порядков. Люди стали особенно чуткими к этому, ибо в ежедневном соприкосновении с высшими властями, как духовными, так и светскими, претерпевали множество страданий и несправедливостей.

Что это было именно так, доказал дальнейший ход исторического развития, приведший от Вифлеемской часовни на поля гуситских битв.

До трех тысяч слушателей собиралось в Вифлеемской часовне — «почти вся община Праги».

И пламенный проповедник увлекал эти тысячные толпы словами, понятными всем, ибо Гус прибегал в своих проповедях к понятиям, знакомым каждому из жизни.

Ведь не мало людей на собственном опыте испытали, как «священники заставляют народ платить за крещение, за исповедь, за погребение, за причастие, за святой елей, за венчание, за тридцать месс, за введение. Но что означают такие поступки священников?.. То, что они… продают святые таинства, которые, по завету Божию, обязаны раздавать верующим! Продают как купцы, которые сами платили за товар, а потому и отдать его могут только за деньги. Священники же ничего не платили за таинства и право их свершения», — а потому Гус призывал: «Даром взяли, даром и отдайте!» Те, кто не согласен с этим, поистине торговцы божественной благодатью, сторонники симонии [19], они обменивают духовные ценности на материальные, на деньги и, обогащаясь против воли божьей, копят земное добро.

Симонию Гус считал величайшим злоупотреблением, потому

что в ней проявлялся основной порок церкви. Гус полностью признает право священников на приличное вознаграждение, которое удовлетворяло бы их первейшие жизненные потребности; священники должны взимать умеренную плату с богачей и даром служить бедным. «Разве может священник, — спрашивает Гус, — съесть за один раз больше, чем мирянин? Или он надевает на себя больше одежд, чем другие?»

Вместе с тем он заранее опровергает любые аргументы, с помощью которых церковь пыталась оправдать свое торгашество.

«Быть может, скажут еще: папе нужно много денег, дабы принудить к послушанию непослушных и упрямых; поэтому он должен добывать деньги, как может, и нет у него более удобного способа, чем взимать дань и продавать отпущение грехов… Ведь Спаситель поражал непослушных единым словом!»

«Священники оправдываются, конечно, тем, что берут деньги за физический труд, затраченный во время обряда, а не за самый обряд; если бы это была правда, — насмешливо говорит Гус, — то как долго пришлось бы трудиться епископу на крестьянском поле, прежде чем он заработал бы столько же, сколько получает за один взмах руки, когда освящает алтарь!»

«Во времена апостолов все, потребное для телесных нужд, было общим для всех, ныне же священники и монахи считают: кружечка, кошелек, грош, монета и мошна — это все личная собственность. Христос сказал: «Кто не отречется от всего, чем владеет, не может быть учеником моим». Церковь же не только не отрекается от собственности и власти, но, наоборот, сосредоточивает все свои усилия на том, чтобы по возможности приумножить их. «Те же, кто хотят разбогатеть, впадают во искушение и сети дьявола».

Так Гус убедительно и ясно не только перечисляет и критикует пороки церкви, но и вскрывает их причину: «Конечно, корень всего зла есть любовь к деньгам!»

Церковные пастыри, вместо того чтобы стеречь свои стада, «стригут шерсть» с христианских овечек.

Сосредоточив все свои интересы на земном добре, на доходах, церковь начала пренебрегать опекой душ «малых сих», отсюда пошло и обдирание верующих, и драка за доходные места, и подкупы и взятки в духовных учреждениях. Это повлекло за собой распространение безнравственности среди церковников. «Отсюда прелесть блудниц, шутовская одежда, королевская роскошь, золото на шпорах и уздечках, сияющих ярче алтаря, отсюда столы, ломящиеся от яств, кутежи и пьянство, отсюда гитара, лира и флейта, отсюда изобилие винограда в давильнях и полные кладовые, отсюда бочки сала и тугие кошельки. Вот ради

чего хотят они быть и делаются настоятелями церквей, деканами, архидьяконами, епископами и архиепископами. Поелику же множится добро духовных лиц, множится и число дьяконов со священниками. Ибо ежели бы жили священники, как раньше святые жили, мало их было бы!» Раньше священники добросовестно вопрошали себя, достойны ли они предложенного звания, «святые бежали от епископства, как святой Григорий, а св. Марк-евангелист отрубил себе палец, лишь бы не сделаться епископом. О, как мало теперь тех, кто укрывается от епископства и пальцы отсекает, дабы избежать этого», — иронически заканчивает Гус. Плохих священников он сравнивает с воронами, которые радуются смерти тех, кто стоит на их пути к получению более выгодного места, радуются и смерти своих овечек, так как получают деньги по завещанию, плату за похороны и заупокойные обедни. «Зачем же огорчаться папе смертью пражского архиепископа, если эта смерть приносит много золотых?» И с язвительной насмешкой вспоминает Гус слышанную им проповедь одного священника о трех чертях, которые вышли в мир: «Один злой, сердца запирал, другой, еще хуже, запирал уста, предназначенные для молитвы, третий же, самый худший, кошельки запирал, — ха-ха, дети мои, этот хуже всех! А потому, милые дети, не давайте этому худшему дьяволу запирать ваши кошельки, а приступайте к таинству, держа их открытыми!»

Но тут исчезает усмешка Гуса, и он обрушивается на алчную церковь со страшной угрозой: «Покайтесь, грабители бедных людей, убийцы, воры и святотатцы! Бог проклинает вас! Сказано в писании: кто обманывает бедного, кровавый тот человек; кто отнимает хлеб, добытый в поте лица, виновен столько же, сколь убийца ближнего своего».

Гус не ограничился тем, что вскрыл источник зла, он пошел еще дальше — указал и средство борьбы с ним. Поскольку в упадке церкви повинны деньги, собственность и светская власть, что же нужно' сделать? Конечно, устранить причину болезни, отнять у священников излишек в деньгах, собственности и власти и возвратить к их первоначальной миссии в состоянии апостольской бедности. Лишенные возможности служить мамоне, они сразу найдут время и интерес, чтобы вернуться к служению богу. Кончится «драка за места», когда церковные должности перестанут приносить доход, исчезнут и все другие дурные последствия политики церкви в отношении денег и власти. «Псы грызутся из-за кости; возьми кость — перестанут», — убедительно заканчивает Гус.

И тотчас он ставит вопрос: кто должен исправить церковь? Конечно, власть, поставленная над всеми сынами земли, —

король. «Но из лесу выскочит вепрь, что подрывает виноградник Христов, и скажет: «Не властны ни короли, ни паны, ни другие светские вельможи править духовными особами!» На это отвечу: поскольку каждому королю Богом дана власть над его королевством, дабы правил он королевством своим по правде и справедливости, и поскольку священники в королевство то входят, то и ими должен править король. Допустив их жить в явном зле, нерадивым был бы он королем. На то и поставлены Богом король и иные вельможи, дабы наказывать зло и вознаграждать добро. В духовных делах должны быть светские господа послушны церкви, в мирских же церковь подчинена светскому владыке. Поскольку же король— наивысший господин в своей стране, постольку стремится наставить на путь истинный священника, если тот грешит сверх меры. Самое же мягкое воздействие— лишение собственности».

Так логически и последовательно вскрыл Гус основные пороки церкви и критиковал ее. Он далеко обогнал своих предшественников-реформаторов тем, что так убедительно показал истинную причину всего, и становился прямо революционным, указывая путь и способ исправить дело.

Светская власть была одним из главных опорных столпов церкви. Вторым был принцип безоговорочного и непререкаемого авторитета, который церковь проводила по отношению к мирянам — не допуская его критики.

Но Гус обрушивался и на эту вторую основу могущества церкви. «Многие священники, требуя от народа послушания, ввели его в заблуждение, говоря: «Что ни прикажет папа, следует исполнять», как будто папа не может заблуждаться. А ведь многие папы были еретиками. Другие же учат: хотя бы и дурное повелит сотворить высший епископ или папа, низший должен выполнить, ибо не на том будет якобы грех, кто подчиняется, а на том, кто приказывает. Но это уловка дьявола, который рад подчинить себе любого; ни тот, кто приказывает дурное, ни тот, кто его слушает, не останутся без греха, ибо сказал Спаситель: «Если слепой поведет слепого, оба в яму упадут».

Хороший христианин не должен повиноваться слепо, всегда надо соображаться с характером полученного приказа. И Гус требует, чтобы люди повиновались властям как духовным, так и светским, но лишь в пределах «дозволенного», то есть только в тех случаях, когда приказ не противоречит заповедям божьим, учению Христа. Если же приказ не согласуется со всем этим, то его не только не должны выполнять, но даже грешно подчиняться ему, и христианин обязан воспротивиться такому приказу. Это подводит Гуса к дальнейшему выводу: власть, отдающая такие

нехристианские приказы, власть, сама нарушающая заветы божьи, не может быть в глазах христианина властью, признанной богом. Папа, живущий в смертном грехе, не может быть папой перед лицом божьим, а король — королем.

Сколь мятежными должны были казаться эти слова сильным мира сего! Ведь это была явная крамола и призыв к бунту. «Я возмущаю народ? — отвечает Гус. — Это обвинение напоминает обвинение Христа: возмутил всю Иудею — от Галилеи до сих мест. Кто проповедует, чтобы священники не распутничали, не грабили бы в алчности своей народ, продавая ему святые таинства, а довольствовались бы одной пребедной, того сейчас же называют хулителем церкви и еретиком. Кто же проповедует, что священники праведны, что они Божьи помощники и имеют власть спасать и губить души верующих, что никто не смеет их наказывать, они же имеют право на самую лучшую пищу и самые богатые владения, тот достойный проповедник и ему разрешается проповедовать».

ГЛАВА 6
РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ИДЕИ

Положения Гуса о том, что церковь не должна иметь мирского имущества и светской власти и что она не может пользоваться непререкаемым авторитетом, являлись опасной атакой на самую основу церковной системы, на учение церкви, ее практику и организацию. Одного этого было бы достаточно, чтобы церковь объявила Гусу войну не на жизнь, а на смерть.

Но сам способ мышления Гуса был, может быть, еще революционнее, чем содержание его идей. Когда он доводил свои мысли до логического конца, перед ним открывались такие дальние горизонты, которых не мог охватить даже его острый взор и проницательный разум. Лишь позднее по этим путям двинулись революционные массы гуситов.

Обличая пороки церкви и разбирая основные проблемы греха, послушания, справедливости всякого рода земной власти, Гус не мог ограничить свои выводы одной лишь церковью. Они вышли за ее рамки и затронули область светского общества. Что же говорить о взглядах Гуса на собственность, если он утверждал, что каждый человек владеет имуществом только как достоянием, вверенным ему богом для справедливого пользования на благо себе и своим ближним. По учению бога, всякая собственность должна принадлежать справедливым, а кто живет в тяжком грехе, владеет имуществом неправильно в ущерб справедливым, которым оно принадлежит, такой человек, собственно, отобрал у них имущество и присвоил себе, а посему он не владелец, но попросту вор. Отсюда необходимое следствие, хотя сам Гус его и не высказывал: отнять добычу у вора!

Весь феодальный строй был построен на том принципе, что люди занимают положение в обществе по праву рождения, независимо от их характеров и каких-либо нравственных соображений и обоснований. Рожденный под гербом становился и оставался дворянином со всеми правами и привилегиями своего сословия; тот же, чья колыбель стояла в бедной хате, никогда не мог улучшить своего положения в обществе. Какими бунтарскими должны были казаться взгляды Гуса, для которого нравственный критерий был единственным мерилом в определении ценности человека. Что могли думать люди феодального общества, когда Гус проповедовал: «В области духовной священник выше короля мирян. Король же, будучи так же помазан (посвящен), выше священника в области светских дел. Но выше их обоих стоит

перед Богом простая женщина, ибо блюдет она все заветы Божьи не по долгу, но по святости жизни своей».

Как революционно изменяет здесь Гус оценку людей! Пусть он делает это с оговоркой — «перед Богом», «перед лицом Божьим», но как это должно было действовать на мышление людей, когда они думали о своем положении здесь, на земле, где их притесняли и эксплуатировали именно те сильные, которые за грехи свои считались отверженными «перед Богом» и недостойными своих должностей!

Столь же резко критиковал Гус светские власти и богачей. «Господа излишне обирают бедноту, отнимают заработки за малую провинность, своевольно налагают дани, не позволяя людям обороняться. А ведь по закону Божьему они обязаны и защищать своих подданных».

Следуя своей привычке, Гус очень конкретно вскрывал в проповедях пороки светского общества. О пражских богатых купцах он, к примеру, говорил, что они велят «своим помощникам в Венеции и другим писать себе, будто дороговизна в Венеции, а когда сие напишут им, и показывают (эти письма) другим, чтобы запугать их и к торгу принудить. И кто может описать их уловки и ростовщичество, которым они души свои порочат и людей одурачивают!»

Вспомним теперь требование Гуса, чтобы каждый человек мерил приказы, получаемые от высших, меркой священного писания, чтобы взвешивал каждый такой приказ — согласуется ли он с заповедями христианства. Но как можно это сделать? Единственно с помощью разума!

Это была одна из самых революционных и для существовавшего порядка одна из самых опасных идей. Вместо слепого повиновения приказу, поучению, догмату дать всем людям право рассуждать и решать, надо или не надо быть «послушным подданным»! Правда, понятие «разум» совпадало у Гуса с понятием «ум, просвещенный Богом», но все равно он признавал право на это свойство, как бы ни толковать его, за любым человеком. «Кто ты? Ответь: человек. Живое, разумное и смертное. Отвергнешь разум и станешь поганым псом, ржущим конем, ослом ленивым. Разум есть дар Божий!»

«Стало быть, любой сапожник или портной сам должен решать, что хорошо и что плохо?» — насмешливо возражали противники Гуса. И Гус отвечал словами, которые лучше всех других свидетельствуют, как безмерно уважал он мнение простого человека, как уважал он народ и его мудрость. Конечно, это был еще один страшный проступок в глазах феодальной церкви. «О, сколь скверно сделал Христос, — иронически

восклицал Гус, — что не явился сначала прелатам и докторам. Он же пришел в бедности и чистоте, а так как равный ищет равного, явился Христос прежде простым людям, а не гордым прелатам. Так же поступает он и ныне, являясь чаще и прежде бедным, чем богатым». В других проповедях Гус цитирует писание: «Мудрость — достояние покорных». И добавляет: «Простые люди веруют без ненужных искажений, иное дело мудрствующие, ибо искажают они смысл слов Христовых. За то хвалил Христос Отца, говоря: «Хвалю тебя, Отче, Господине земли и неба, что сокрыл ты эти тайны от мудрых и осторожных и явил их малым сим и отверженным».

Какое сознание собственного достоинства, какую гордость внушали эти слова Гуса народу!

Безгранично сильным делала Гуса огромная нравственная решительность. Однажды признав что-нибудь справедливым и верным, он уже не мог отступиться— разве что более веские доводы убеждали его в ошибке. Раз познанной правде нельзя изменить, нельзя от нее отречься — это было бы предательством и отрицанием жизни. И вот эту свою нравственную строгость и мужество Гус воспитывал и у своих слушателей: «Посему, верный христианин, ищи правду, слушай правду, учись правде, поддерживай правду, защищай правду хотя бы и ценой жизни, ибо правда освободит тебя».

Здесь Гус не знал уступок и компромиссов. «Если правда вызовет возмущение — лучше возмущение, нежели отказ от правды». Никакие угрозы или опасности не в силах были «отгрозить его от правды» (устрашить); и он произнес слова, не зная, что им суждено стать пророческими: «Как купец, который несет при себе золото, не уверен в жизни своей, так и те, кто слово Божье без лести проповедуют, не могут поручиться за свою земную жизнь. Сказал Христос: «Посылаю вас, как овец к волкам; посему будьте осторожны, как змеи, и чисты сердцем, как голубицы. Ибо выдавать вас будут советам нечестивых и в собраниях своих будут бичевать вас».

Как и каждый, кто страстно предан своим идеям, Гус стремился распространять их и пропагандировать всеми способами. Наиболее удобным были, конечно, проповеди. Но Гус хотел использовать все возможности, чтобы сблизиться со всеми приверженцами* желая сделать так, чтобы они сумели сами двигаться по указанному пути — в случае, если он не сможет направлять их или тогда, когда его уже не будет.

Вот почему он велел написать и сопроводить рисунками основные положения своего учения на стенах Вифлеемской часовни. Вот почему он так ценил народные песни духовного

содержания. Сохранились даже две песни, которые он сам сложил. Вот почему, наконец, он стремился упростить чешское правописание: чтобы людям легче было выучиться читать, чтобы они могли самостоятельно делать выводы и составлять собственные суждения о библии.

До тех пор чешское правописание было довольно сложным, смягчение согласных производилось при помощи группировки нескольких букв, долгота гласных обозначалась удвоенными гласными. Вместо такого «сопряженного» правописания, в котором «сопрягалось» несколько букв для выражения одного звука, Гус ввел различительные диакритические знаки[20]: для обозначения долготы — черточку над гласной, для обозначения мягкости — точку, замененную ныне галочкой. Примером может служить слово «крест», которое до Гуса писали буквосочетаниями «krtijzz», после реформы правописания — «Kriz». А результат? Много лет спустя один кардинал, путешествуя по гуситской Чехии, записал в своем дневнике, что в Чехии многие деревенские старухи знают библию лучше, чем средний итальянский священник.

Почему мог Гус прийти к столь смелым заключениям, почему удалось ему найти все эти способы поделиться своими мыслями с широкими народными массами?

Да только потому, что он сам вышел из народа и никогда от него не отрывался. Ведь все свое знакомство с жизнью он всегда черпал из опыта людей, окружавших его, он знал их горести и страдания, но знал и красоту их и чаяния. В общем Гус выражал то, что чувствовали и более или менее ясно осознавали его слушатели. Он охватил все это своим разумом, обнажил взаимосвязь между отдельными явлениями, понял систему и порядок, который все это связывал и обусловливал, и выразил познанное в ясных и понятных словах. Другими словами, он сформулировал идеи, отражавшие общие устремления его современников.

Самым большим грехом Г'уса в глазах церкви и феодальных властителей было то, что свои идеи он делал достоянием народных масс, на материале, почерпнутом из их жизни, он создал программу и вернул массам отшлифованную революционную идею. На основе идейной подготовительной работы Гуса родилось могучее и победное гуситское революционное движение.

На одно нужно обратить внимание современного читателя: пусть его не вводит в заблуждение то обстоятельство, что в выступлениях Гуса, так же как в проповедях и сочинениях его предшественников-реформаторов и в аргументации их

противников, используются в подавляющем большинстве религиозные понятия и почти исключительно богословский язык. Это может навести на мысль, будто в основе всего, что тогда происходило, в основе всей борьбы лежали чисто религиозные вопросы. Кстати, именно так и пыталось охарактеризовать Гуса и его эпоху большинство старых историков, нередко они это делали умышленно, из политических убеждений, чтобы отвести внимание читателя от социальных тенденций и социального значения Гуса и гуситства. Наиболее значительный из таких историков, Иозеф Пекарж, объявил даже гуситство апогеем средневекового мракобесия, шагом назад, к бредовой мистике. Такого рода истолкованием Пекарж сознательно стремился свести на нет революционный пример одной из славнейших эпох нашего прошлого.

В действительности было иначе. Правда, Гус и другие трибуны того времени пользовались, за небольшими исключениями, упомянутыми нами религиозными понятиями и терминологией библии, но почему? Потому, что средневековье не имело другого языка для выражения своей философии, этики и даже общественных юридических взглядов, кроме богословского лексикона. Только для материальных понятий и для основных взаимоотношений между людьми существовали «светские слова», для обозначения же почти всех отвлеченных понятий слова заимствовали из Священного писания и богословских трудов. Это было связано с тем, что вся официальная культура и идеология с самого начала христианского общества находилась в руках церкви, которая, естественно, прибегала к богословской терминологии. С помощью религиозных понятий средневековый человек выражал все, буквально все — и свои социальные, и экономические, и политические взгляды и программы. Понятно, что тогдашняя антифеодальная и антицерковная идеология пользовалась тем же словарным запасом, потому что другого не было. Важно, однако, не то, какими средствами выражались эти взгляды, важно что они выражали!

В идеологической борьбе, которую вел Гус, возникало, конечно, немало проблем чисто теологического характера, такие, как проблема толкования отдельных богословских выражений и понятий и так далее, но опять-таки все это не было чисто богословскими вопросами.

Таким был, например, вопрос, как толковать понятие «церковь»? Гус утверждал, что церковь — не видимый собор священников с папой во главе, как гласило римское вероучение, но невидимое сообщество (следовательно, такое, какое нельзя учредить видимым образом) всех, чье спасение предопределено

их праведной христианской жизнью. И главой этой церкви является Христос. Но что означало это практически? А то, что Гус тем самым отрицал за светскими представителями церкви и прежде всего за папой право на те прерогативы[21], которые они присвоили себе вопреки писанию. Это привело Гуса впоследствии к тому, что «праведного мирянина» он ставил выше грешного священника.

Второй вопрос касался причастия. В период раннего христианства священник при причастии подавал верующим не только гостию (тело Христа), но и вино из чаши (кровь Христову), в соответствии с притчей о тайной вечере [22]. Позднее, и даже значительно позднее, порядок был изменен, церковь предписала подавать верующим только «тело Господне», оставляя право на полное причастие (то есть гостией и вином) исключительно за священниками. Побуждение было ясно: возвысить служителей церкви над остальными христианами и внушить покорным верующим еще большее уважение к представителям церковной власти. Этим были недовольны еще и некоторые предшественники Гуса, а позднее, уже в Констанце, и сам Гус выступил против такой противоречащей писанию искусственно введенной церковной практики; известно, что требование причащения из чаши и сама чаша стали символом гуситского революционного движения, символом равенства всех людей перед богом.

Достаточно, следовательно, правильно оценить содержание выступлений Гуса, и как бы ни пользовался в них он церковной терминологией, подлинная социальная и революционная сущность их всегда выступает на первый план.

ГЛАВА 7
НАЧАЛО БОРЬБЫ

Идеи Гуса складывались в единую революционную программу. Революционную потому, что в конечном итоге идеи эти устремлялись к одной цели — к изменению существовавшего порядка, прежде всего в отношении могущественнейшего представителя феодального общества — церкви. Программа Гуса расшатывала две основные и самые прочные опоры церкви: ее светскую власть и принцип безусловного авторитета. Отказывая церкви в праве распоряжаться людьми, ибо повиноваться следует только тому, что сказано в библии, признавая за любым верующим право с помощью собственного разума самому определять степень законности и правомочия не только духовной, но и светской власти, Гус восстал против самой общественной системы того времени, против ее законов и установлений.

Понятно, что правящий класс не мог отнестись к этому без внимания и скоро понял грозящую опасность. Нужно было не только обороняться от Гуса, но и наступать на него. Поскольку Гус оставался верен своей точке зрения, в конце концов он вступил в борьбу с общественным строем, уже находившимся под угрозой, — завязалась борьба не на жизнь, а на смерть. При жизни Гуса основное бремя этой борьбы легло на церковь. Она бдительно следила за малейшим отклонением в религиозных догмах и толкованиях своего учения, ибо веками возводимое здание института церкви было прочным только в том случае, если каждый его камень крепко держался на своем месте. Церковь знала: достаточно выбить самый маленький камушек из ее пьедестала, нерушимость всего здания будет поколеблена. Как бы ни сосредоточивала она свое внимание на богословских и чисто религиозных вопросах, она слишком хорошо понимала, что разногласия в области религии ведут в итоге к опасным социальным противоречиям, тем более в эпоху, когда феодальный порядок уже дрогнул под первыми ударами новых сил и нового времени. Ибо противоречия и несогласия в мире, которому согласно учению церкви и желаниям феодалов надлежало бы оставаться неизменным, от века освященным богом, уже довольно давно давали о себе знать во всех областях. В течение XIV и в начале XV века по всей Европе появились эти зловещие предзнаменования. Первой ласточкой была Флоренция, где вспыхнуло серьезное восстание ремесленников, построивших баррикады и начавших кровавую борьбу; в середине XIV века во

Франции поднялись крестьяне: они жгли дворянские замки и мечом карали своих господ; в восьмидесятые годы то же самое, но в более крупных масштабах, повторилось в Англии, там крестьяне временно даже захватили Лондон.

Идеология двух последних восстаний опиралась на толкование библии, отличное от официального: английские повстанцы сделали своим знаменем учение Уиклифа, и феодальному миру, а церкви в первую очередь, стало ясно, что когда отклонение от догмы делается достоянием масс, отсюда только один шаг до грозного народного волнения.

Поэтому церковь подстерегала каждую новую мысль, чтобы задушить ее в зародыше, если только подозревала в ней какую-либо тенденцию к изменению существующей догмы и порядка.

При этом глашатаи новых идей могли сколько угодно заявлять, что вовсе не имеют в мыслях противопоставлять себя церкви, что они, наоборот, пекутся лишь о пользе ее, все напрасно. Так все три реформатора, которые предшествовали Гусу, не избежали церковного суда. Вальдгаузер был обвинен в ереси и, не дождавшись окончания процесса, бежал из Рима и вскоре умер; Милич дважды привлекался к суду инквизиции и дважды сидел в заточении — один раз в Риме, второй в Авиньоне, где и умер, не дожив до конца процесса. Подобно им был обвинен и Матей из Янова, который в конце концов покорился и отошел от общественной деятельности. Мог ли Гус избежать подобной судьбы?

Он с самого начала обратил на себя внимание церкви, встав на защиту учения Уиклифа. Но наибольшую ненависть к себе со стороны клерикалов он возбудил своими проповедями. Слишком самостоятельного мыслителя, который бунтовал бы лишь в своих письменных трудах да в ограниченном кругу университетских ученых, еще можно было известным образом изолировать и кое-как заставить замолчать. Таков был удел Уиклифа. Но человека, который решился выступить со своими опасными идеями публично, _ обнародовать их перед тысячными толпами мирян, связать их с подсознательными мечтами и с более или менее осознанными стремлениями и желаниями простолюдинов, — такого человека нужно было заставить замолчать совсем, такого следовало устранить, уничтожить!

Мы уже упоминали, что пражское реформатское движение встретило учение Уиклифа как подкрепление в борьбе за осуществление давних национальных чаяний. Но в той же мере идеи Уиклифа вызвали отпор со стороны церковных властей. И начало борьбы между обеими сторонами датируется уже вторым годом деятельности Гуса в Вифлеемской часовне, то есть 1403

годом.

Борьба вокруг Уиклифа разыгрывалась, конечно, главным образом в стенах университета, членом которого был Гус. За идеи английского реформатора выступило большинство чешских магистров, в то время как немецкие профессора заняли такую же отрицательную позицию, как и официальная церковь. По университетскому уставу немцы пользовались привилегированным положением, имея большее число голосов по сравнению с чехами. Они-то и осудили идеи Уиклифа.

В защиту Уиклифа выступил прежде всего старый учитель Гуса Станислав из Знойма и еще более пламенный, чем сам Гус, его однокашник Штепан Палеч.

Пражским архиепископом незадолго перед этим был назначен выходец из могущественного феодального рода северной Чехии Збынек из Хазенбурка. Тридцатилетний человек, он имел скорее опыт придворного и воина, чем духовного лица. Пан Збынек отличался прямолинейностью характера и считал честь и преданность первыми своими обязанностями. Так как в тот период участились случаи несогласия чешского короля с Римом, то и для молодого архиепископа, верного вассала короля Вацлава, чешская сторона была ближе, чем немецкие противники Уиклифа, ориентирующиеся на Рим. В то же время Збынек не был достаточно эрудированным богословом, чтобы идеи Уиклифа и другие, идущие вразрез с официальным учением церкви, могли бы оттолкнуть его от чешских реформаторов.

Это было огромным преимуществом для чешских ученых и профессоров реформаторского толка. А у архиепископа, который начал свою деятельность с объезда приходов и обнаружил при этом многочисленные неполадки, вызывали особую симпатию стремления чешских священнослужителей исправить церковь.

Характерным для отношения Збынека к реформаторам был следующий интересный случай: вскоре после своего назначения архиепископ поручил Станиславу из Знойма, Гусу и еще одному магистру расследовать так называемое «чудо в Вильснакке». Однажды во время пожара в этом бранденбургском городке сгорел костел, и его настоятель заявил, что нашел на пожарище не тронутую пламенем гостию [23], на которой заметны были даже следы крови Христовой. По словам священника, эта гостия сотворила многие чудеса. Прошло немного времени, и Вильснакк превратился в место паломничества, толпы богомольцев устремились сюда из ближних и дальних мест в надежде получить от чудесной гостии исцеление своих ран и болезней.

Конечно, комиссия, посланная пражским архиепископом расследовать дело, быстро раскрыла обман: «чудесно

исцеленные» раны были найдены в еще худшем состоянии, две женщины, якобы вновь прозревшие в Вильснакке, как выяснилось, никогда и не были слепыми. Самым убедительным было свидетельство одного пражского горожанина: надеясь спасти свою больную руку, он приказал изготовить серебряную руку и принес ее в дар на алтарь Вильснаккского костела. Однако болезнь не отступала. И вот однажды, зайдя в костел, он увидел, как вильснаккский священник показывает эту серебряную руку верующим, объясняя, что даритель этой лепты был чудесно исцелен. Короче говоря, все эти «чудеса» были рассчитаны на привлечение к Вильснакку денег доверчивых верующих.

Так в общих усилиях исправить церковь встретились архиепископ Збынек и Гус, Станислав из Знойма и их соратники.

И осенью 1405 года, когда архиепископ созвал синод, перед духовенством наряду со Станиславом с пламенной речью выступил Гус.

«А посему да исследуем сами себя, о священнослужители, — не отпали ли мы от закона христианского! Ибо охладела церковь, столь пламенная и горячая во апостолах и мучениках; исполненные духа святого отдавали они предпочтение духовному перед светским. В наши же времена любовь к Богу и к ближнему, увы, остыла настолько, что почти никто не помышляет о духовном, и все наши заботы и устремления — копаться в мирском мусоре. Ибо светские властители, прикидываясь нищими, обдирают своих подданных поборами. Но еще более предосудительно, что прелаты церкви, сиречь папы, архиепископы, епископы, архидьяконы, аббаты, настоятели, каноники дьявольски вымогают платы по своему произволу, отбросив законы Божьи и человеческие, лишь бы наполнить кошельки да увеличить владения. О, вы все, идущие путем этим, вспомните пример Христа: «Вот я хожу в рубище, священники же веселятся в одеянии пурпурном. Я в смертной борьбе истекаю кровавым потом — они же в роскошнейших банях забавляются. Я ночь провожу, опозоренный и оплеванный, они же в пирах, наслаждениях и пьянстве. Меня, изнемогающего под крестом, ведут на смерть — их, пьяных, на отдых. Я от великой любви душу за них отдаю — они же даже по долгу не исполняют закона любви, который я дал им: «Возлюби Господа Бога своего и ближнего своего как самого себя».

Выступление Гуса было одобрено синодом, и сам архиепископ попросил текст его речи.

Большинство же высшего духовенства, в особенности прелаты пражских капитулов, весьма встревожились этой речью; не решаясь выступить против исправительных тенденций

реформатской партии, они ограничились богословскими вопросами. Речь шла о том, действительно ли гостия и вино во время причастия превращаются в тело и кровь Христа. А эти богословские лазейки открывали путь к наступлению на реформатскую партию вообще. Оно началось с нападок на учение Уиклифа, которое прочно вошло в арсенал священников — сторонников реформы. Под знаменами религиозных догм началась борьба против партии, учение которой грозило опасными для церковных властей социальными и экономическими последствиями. И понятно, что Гус, который резче и непримиримее других формулировал и выражал программу реформы, привлек к себе наиболее пристальное внимание врагов, уже ощутивших себя под ударом. С горькой насмешкой заметил тогда кто-то из *них,* что «чехи считают Гуса пророком».

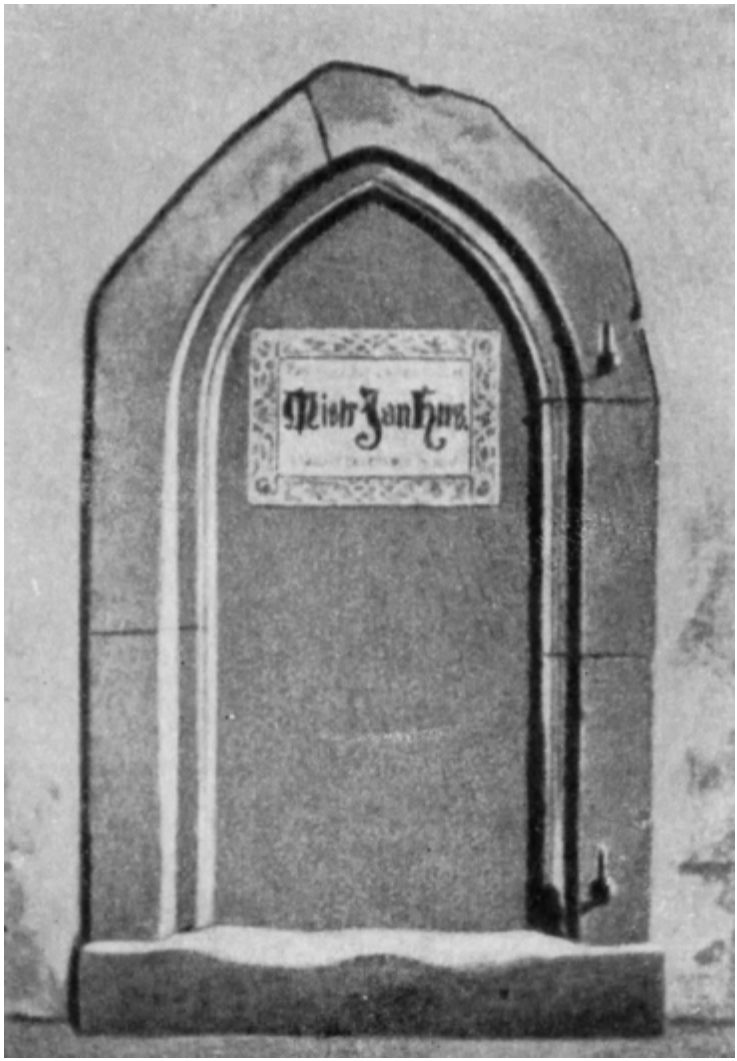
Тогда-то и началась великая борьба, которую консервативная, живущая традициями, церковь предприняла против Гуса. Борьба старого, застывшего в неподвижности мира, чья власть основывалась на неизменности и неприкосновенности строя, против того, кто возвестил перемены. Но так как Гус пользовался расположением и защитой архиепископа, короля и королевского двора, так как за Гусом стояла и чешская часть университета, его противники сначала объявили войну всем, на кого он опирался, и использовали малейшие возможности извратить его замыслы и п, оказать их ошибочными и еретическими. Стали распространяться клевета и жалобы. Надо было отравить всю атмосферу вокруг Гуса, любой незначительный частичный успех в этом деле был желанным. Публично осуждать жизнь священников? Разве это не опасное умаление избранного сословия в глазах мирян? Почему Гус вводит в Вифлеемской часовне народное пение на чешском языке и даже сам сочиняет песни на этом языке черни? Ведь верующие должны слепо подчиняться тем, кто ведет их спасительными, путями, и не имеют права сами помогать этому!

Здесь противники Гуса добились первого успеха: пение народных, песен в церквах было в конце концов запрещено, и прежде всего запрет коснулся Вифлеемской часовни. Затем была предпринята атака против Гудова метода проповедования. Были использованы все выражения, Гуса, которые совпадали с учением Уиклифа или были подобны и родственны ему, упор делался главным образом на, богословские вопросы, в которых Гус более всего отходил от римской «истинной» веры. Это был правильный расчет и тактически великолепный ход противников Гуса: если и теперь архиепископ будет защищать Гуса и его партию, он неизбежно окажется, на антиримской позиции. Враги Гуса

прекрасно понимали, что на это архиепископ Збынек не отважится. Этот рыцарь в сутане священника, для которого основным законом совести было сохранение верности и выполнение слова или обещания, никогда не воспротивится приказу своего, римского господина, если только его ловко поставить перед необходимостью сделать решительный выбор.

Старогородская ратуша.

Вифлеемская часовня.



Портал жилища Гуса на Вифлеемской площади в Праге

Следующий удар был направлен против ближайших друзей Гуса, против Станислава из Знойма и Палеча. В 1408 году, следуя в Рим с королевским посольством, они были арестованы в Болонье и заключены в тюрьму. Их обвинили в ереси; прошло немало времени, и потребовалось серьезное вмешательство пражского двора, прежде чем удалось спасти их жизнь. Когда они вернулись в Чехию, энергия старого Станислава оказалась подорванной, теперь это был сломленный человек, исполненный ужаса перед всемогуществом церкви. Штепан Палеч тоже пережил глубокое потрясение, хотя последствия его сказались не так скоро.

Тем временем политическая обстановка в мире значительно

осложнилась — все играло на руку врагам Гуса, которые теперь сосредоточили все свои усилия на том, чтобы лишить его второй опоры — расположения и защиты архиепископа.

Франция, с которой Вацлав IV был в юности связан многими узами, начала кампанию, направленную на прекращение двоепапства, схизмы, тяжело отражавшейся на всем христианстве. Чешский король до сих пор сохранял верность римскому папе и возлагал на него свои надежды, рассчитывая, что тот поможет ему вернуть корону Римско-Германской империи, потерянную в 1400 году. Однако, несмотря на всю верность Вацлава IV, римский папа Григорий XII не постыдился поддерживать в империи соперника Вацлава императора Рупрехта. Поэтому теперь, когда французы предложили созвать в Пизе собор всего христианства, который покончил бы со схизмой, сместил бы обоих враждовавших пап и назначил бы одного, нового, разочарованный Вацлав IV решил не поддерживать больше Григория XII и провозгласить нейтралитет. Одновременно он присоединился к требованию кардиналов собрать церковный собор в Пизе.

Таким образом, для всех настал решающий момент, когда каждый должен был показать, стоит ли он за реформу церкви, за устранение схизмы, или хочет пребывать в традиционном подчинении Риму.

Понятно, что на точку зрения короля полностью встала вся реформатская партия, то есть прежде всего Гус и его приверженцы, — другими словами, почти все чешские профессора Пражского университета. Немецкие же магистры, симпатизировавшие больше немцу Рупрехту, чем чешскому королю, единодушно приняли сторону римского папы Григория XII и протестовали против созыва Пизанского собора. Верным Риму остался и архиепископ Збынек, считавший, что слово и честь обязывают его к послушанию. Так неожиданно глубокая пропасть расколола страну на две антагонистические, непримиримые партии.

ГЛАВА 8
БОРЬБА ЗА УНИВЕРСИТЕТ И СТОЛКНОВЕНИЕ С АРХИЕПИСКОПОМ

Архиепископ твердо решил удержать свою епархию в покорности римскому папе и потому резко выступил против всех сторонников Пизанского собора; всем, кто становился в оппозицию Григорию XII, он запретил исполнять функции священнослужителя, и в первую очередь это коснулось Гуса, как непокорного сына церкви.

Чехи — магистры университета ответили на этот запрет многочисленными протестами и речами, из которых наиболее страстными были речи магистра Иеронима. Тем самым чешские ученые безоговорочно приняли сторону короля, в расчеты которого входило сопротивление давящему владычеству Рима, тем более что Рим столько раз обманывал его надежды.

Однако чехи имели в университете меньшинство. Такова была структура университета, делившегося согласно учредительной грамоте Карла IV на четыре группы: баварскую, саксонскую, польскую и чешскую, причем каждая из них имела по одному голосу. Первые три группы сплошь были немецкими, ибо в польской тоже преобладали силезские немцы, и только четвертая представляла отечественный национальный элемент. Но королю было нужно, чтобы университет поддержал его политику. Натолкнувшись на сопротивление немецких профессоров, он, посоветовавшись с чешскими магистрами, решился на крутую меру: в январе 1409 года декретом, изданным в Кутной Горе, король Вацлав изменил структуру и устав университета. В университетских советах, в сенате, на выборах и во всех официальных делах чехам принадлежали впредь три голоса, иностранцам — один. Так чехи одним махом получили большинство в университете, а тем самым сделались его руководителями.

На решение короля оказала влияние не только политическая ситуация, но также Иероним и Гус. Вацлав IV сразу приобрел в лице университета защитника своей антиримской позиции. И он поспешил назначить членов посольства, которое должно было представлять в Пизе королевство Чешское.

Немецкие члены университета не намеревались, однако, смириться с резким ограничением своих прав, и так как их

протесты не имели успеха, они вместе с иноземными студентами в мае того же года демонстративно покинули Прагу.

Теперь в Чехии один только архиепископ Збынек с высшими клерикалами отстаивал суверенность папской власти. Он находился в затруднительном положении, ибо не только вступил в противоречие с чешскими сторонниками реформы — профессорами и священниками, но одновременно оказался в оппозиции и к чешскому королю. Немецких же магистров, которые могли стать союзниками архиепископа, здесь уже не было. Но Збынек считал своею обязанностью неуклонно исполнять повеления папы и с неослабевающими усилиями продолжал теперь открытую борьбу против Гуса и его сторонников. Ведь они не подчинились архиепископскому запрету, которым тот думал пресечь их деятельность.

Архиепископ приказал членам университета сдать все принадлежащие им произведения Уиклифа. А когда этот приказ не возымел последствий, архиепископ не поколебался наложить проклятие на владельцев трактатов Уиклифа. Но обе эти меры оказались холостым выстрелом. Архиепископ и его партия уже настолько изолировали себя от народа, что никто не счел нужным придавать значение архиепископским запретам и проклятиям. Гус же продолжал учить, писать и проповедовать, и именно в это время из-под его пера вышел выдающийся труд — третья и четвертая части его толкований «Сентенции».

Интересно, как и в этом чисто богословском сочинении сказывается умение Гуса разбираться в практических вопросах жизни. Говоря о проклятии, ибо сам только что подвергся ему со стороны архиепископа, он заявляет, что невинному незачем страшиться его или чувствовать себя связанным им. В другом месте он возмущается заупокойными мессами, ради которых родственники готовы засыпать священника деньгами, лишь бы помочь душе усопшего; «но если спросить, как лучше помочь умершим, ответом будет: надо помогать живым, ибо они в этом больше нуждаются. Кто поймет это, тот не будет устраивать пышных похорон со множеством обрядов, ибо такие вещи любят одни богачи ради мирской суеты». Гус подчеркивает также, что священники незаконно присваивают себе видимость власти, которая принадлежит одному богу, в то время как они должны рассматривать себя только служителями его. И вновь и вновь повторяются в его трудах упреки священникам за их корыстолюбие. Им, как преемникам апостола Петра, доверили ключи к душам христиан, они же предпочитают использовать эти ключи, «чтобы отпирать кошельки и денежные мешки», а это ведет к торговле святыней и к погоне за выгодными должностями

и доходными пребендами.

Между тем летом 1409 года собор в Пизе сместил обоих пап, римского и авиньонского, и избрал нового папу — Александра V. Однако архиепископ Збынек, чье могущество и карьера до сих пор опирались на Григория XII, решил сохранить ему верность. К его прежней солдатской преданности присоединилось теперь тщеславное упрямство, которое чем дальше, тем больше раздувало в его душе неразумную и уже совершенно некритическую враждебность ко всем, кто не хотел подчиняться ему. Чтобы настоять на своем и продемонстрировать свою власть, он наложил на «непокорную» Прагу интердикт, то есть запрещение всех богослужений и религиозных обрядов, включая крещение и отпевание.

Это был открытый вызов, брошенный в лицо нации и королю. Он породил бурю, и, конечно, в своей Вифлеемской часовне не молчал и Гус. В Праге начались демонстрации против архиепископа, от которых тот бежал в свою резиденцию в Роуднице, прихватив с собою сокровищницу храма св. Витта.

Это, очевидно, исчерпало терпение короля Вацлава. У всех, кто вместе с архиепископом покинул Прагу, король приказал конфисковать имущество; священников, осмелившихся провозгласить с кафедры интердикт, разгневанный народ прогнал из костелов.

Эти энергичные меры помогли: осенью архиепископ снял интердикт, который и без того нигде не выполнялся, и смиренно подчинился новому папе Александру, избранному в Пизе.

Казалось, что наконец-то, после стольких бурных событий, наступит продолжительное успокоение — успокоение, ради которого прогрессивным, ратовавшим за реформу, магистрам и священникам не пришлось сделать ни одной уступки; наоборот, оно принесло им полную победу.

И когда осенью 1409 года приступили к избранию нового ректора Пражского университета, то выбор по праву пал на Гуса, выдержавшего самые сильные атаки противника.

На торжественной церемонии утверждения ректора 20 октября 1409 года Гус произнес свою вступительную речь. Такие выступления вновь утвержденных ректоров обычно отличались высоким красноречием, но и здесь проявилась особенность Гуса-проповедника, его способность увязывать отвлеченное с конкретным и жизненным; то место его речи, где он обращался к университетским магистрам, прозвучало как настойчивый призыв, такой страстный и одновременно человечный: «Бодрствуйте, стойте за веру, ведите себя достойно мужам; будьте сильными, да творятся в любви все дела ваши… Надо еще нам

учиться никого не обижать, желать всем добра, чтить старших, не завидовать равным, остерегаться надменности, руководствоваться разумом и любить добродетель. Будем же придерживаться того, что дозволено, и остерегаться того, что угрожает спасению души нашей; не устыдимся говорить правду. Да не остановим мы слов наших в час искупления, не скроем мудрости во всей красоте ее; не воспротивимся ничем слову правды, последуем за словом мира и справедливости, дабы с нами были мир и справедливость».

Период ректорства Гуса, когда магистр Ян достиг вершины своего университетского пути, когда атмосфера вокруг него была полна радости от достигнутых побед, — этот период был последней интермедией покоя и безопасности.

Но на горизонте уже начали стягиваться тучи новой бури, которая продлится, почти без перерыва, до конца жизни Гуса.

Архиепископ Збынек не простил своего поражения чешским магистрам и прежде всего Гусу. Признав Александра V, он тотчас начал интриговать при папском дворе, посылая в Рим жалобы и… дары. И хотя чешский король относился к новому папе лучше, чем к его предшественнику, папская курия всегда держала уши открытыми для жалоб на нарушителей церковной дисциплины. Таким образом, архиепископу удалось вскоре добиться папского запрета учения Уиклифа и его книг, а также было запрещено проповедование в «частных часовнях» помимо церквей. Эта мера должна была отнять у Гуса Вифлеемскую часовню.

Из осторожности Збынек выждал, пока кончится год ректорства Гуса, и в июне 1410 года обнародовал оба запрета; непослушным грозило проклятие церкви.

Гус не испугался этой угрозы. Он ответил на нее страстной речью в Вифлеемской часовне. Ссылаясь на то, что Христос проповедовал на горе под открытым небом, Гус делал следующий вывод: «И так как наши (церковные) законники хотят, чтобы не было больше проповедей в часовнях, даже в тех, что утверждены папской властью, я, желая больше слушать Бога, чем людей, и подражать скорее Христу, чем им, отказываюсь подчиниться этому несправедливому приказу и апеллирую прежде всего к Богу, которому по преимуществу надлежит наделять правом проповедовать, а затем к престолу апостольскому, ибо он должен сиять большей властью, чем наши прелаты… Разве им было знамение от Бога, что заблуждался Христос и доктора святые, которые учат проповедовать всюду?» Изложив таким образом свою точку зрения, Гус обратился с прямым вопросом к своим слушателям: «Вот я апеллировал против приказа архиепископа, — хотите поддержать меня?» И все в один голос отвечали: «Хотим и поддержим!»

Еще прежде, чем апелляция Гуса могла быть разобрана, архиепископ приказал торжественно сжечь на своем дворе все сданные к тому времени сочинения Уиклифа. Эта варварская демонстрация только подлила масла в огонь. Борьба архиепископа с Гусом и его приверженцами давно перестала быть делом только церковных инстанций. Пражский народ, постоянно осведомляемый в Вифлеемской часовне о ходе борьбы, понимал, что здесь речь идет о большем, что тут затронуты его собственные интересы, интересы всеобщей справедливости и права. Народ понимал, что борьба идет против произвола и властолюбия феодальной церкви.

Вскоре на пражских улицах зазвучали насмешливые куплеты. Наряду с известной сатирой — «Епископ Збынек Буки-аз книг немало сжег у нас, что в них писано, не знает», распевалась и песня, которая заканчивалась грозно: «Опозорил Чехии сынов, но проучим лживых мы попов». И если где-нибудь какой-либо священник задевал Гуса, ему отвечали криком и поднятыми Кулаками; в соборе св. Штепана возмущенный народ, обнажив мечи, прогнал священника от алтаря. Священники не решались с кафедр оглашать проклятие, и в конце концов самому королю пришлось вмешаться, чтобы водворить спокойствие в Праге.

Партия архиепископа, сильная высоким саном своих членов, численно была слишком слаба. Поэтому Збынек удовольствовался повторением своей жалобы папскому двору, где тем временем, после смерти Александра, на престол Петра сел новый папа — Иоанн XXIII, тот самый кардинал Бальтазар Косса, который когда-то приказал в Болонье схватить Станислава из Знойма и Палеча.

Между тем в университете продолжались жаркие диспуты. Гус по-прежнему проповедовал в Вифлеемской часовне, на проклятие епископа никто не обращал внимания. Прошло то время, когда запуганный раб божий трепетал перед волей своего церковного начальства: авторитет церкви и ее высоких представителей был серьезно подорван по вцне самой церкви. Ибо, когда собор в Пизе избрал нового папу в расчете покончить со схизмой, никому из прежних пап и в голову не пришло подчиниться и отказаться от притязаний на папский престол. Таким образом, в христианском мире снова оказалось трое пап: Иоанн XXIII, преемник Александра V; Григорий XII, имевший прежде свою резиденцию в Риме, а ныне скитавшийся как беглец по итальянским городам, и Бенедикт XIII, засевший во французском Авиньоне. При этом каждый из них провозглашал себя единственно законным наместником Христа и все трое осыпали друг друга проклятиями, жалобами и клеветой. Что же должны были думать обо всем этом простые христиане, по-

настоящему набожные, которые надеялись (и ежедневно терпели разочарование), что именно церковь поведет их души к вечному спасению?

Король Вацлав IV со своей стороны ходатайствовал за Гуса перед папой. Почему он это сделал? Да потому, что Гус провозглашал в своих проповедях, что в мирских делах священники должны подчиняться светскому владыке. А ведь именно в эти годы Вацлаву IV пришлось против воли мириться с тем, что церковь часто присваивала себе его права и еще чаще вмешивалась в его планы. Как же ему было не приветствовать человека, который поддерживал принципы королевского суверенитета в стране? Вот почему Гус встречал такую поддержку при дворе, вот почему на его сторону стало высшее чешское и моравское дворянство, которое видело в богатой, владевшей несметными земными ценностями церкви своего опаснейшего соперника.

Но церковь не шла на уступки и компромиссы, вернее, не хотела идти, когда ей это не было выгодно. Осенью 1410 года по приказу римской курии архиепископ наложил на Гуса еще более тяжкое проклятие, пытаясь прямо обвинить его в ереси. Это было уже проявление личной ненависти, которая порождалась боязнью снова потерпеть поражение. Для Збынека теперь уже все было поставлено на карту — его авторитет и его положение в стране. Собираясь начать процессы, он нашел при папском дворе отличного помощника, который занимал там важную должность «прокурора по делам веры». Это был чешский немец, Михал из Немецкого Брода, прозванный впоследствии Михал де Каузис. Его прошлое заслуживало внимания — он был ловким стяжателем церковных доходов, «многооброчник», сумевший получить сразу пять церковных доходных мест, сутяга и интриган, сосредоточивший все свои интересы на накоплении денег. В 1409 году он убедил короля Вацлава, что восстановит королевские золотые рудники в Иловом, но, получив аванс, бежал из Чехии и вскоре добился значительного положения в Риме. Он-то и стал теперь адвокатом архиепископа и обрушивал громы и молнии на «неправоту» Гуса. Через некоторое время его союзниками стали немецкие богословы, которые не могли простить Гусу его участия в подготовке кутногорского декрета, лишившего иностранцев владычества над Пражским университетом. Сколько личных и материальных интересов, сколько вопросов самолюбия и власти сплеталось в этом процессе, который, по существу, должен был решать чисто богословские проблемы.

Обвинение Гуса в ереси, в этом величайшем из христианских грехов, обвинение священника, за которого стояли двор и

университет, угрожало доброму имени всего королевства Чешского. Но прежде всего это задевало честолюбивые планы Вацлава IV, ибо он упорствовал в надежде, что все же еще вернет себе императорскую корону. Разочарованный тем, как продвигался процесс в Риме, Вацлав решил круто расправиться с теми, до кого мог добраться, то есть до архиепископа и его партии. Он приказал конфисковать все доходы пражских каноников и приходских священников, распространявших клеветнические обвинения Чешского королевства в ереси, и поручил своим чиновникам проинспектировать монастыри, капитулы и приходы по всей стране. Эти обследования и ревизии проводились очень основательно и беспощадно, простой народ, захваченный пафосом борьбы, нередко сам прикладывал к этому руку. Не одна фара [24] подверглась разгрому после того, как священника заставали с любовницей; много священнослужителей было заключено в королевские тюрьмы или выставлено к позорному столбу. Летом 1411 года Вацлав повелел земскому суду одобрить все принятые им меры.

Теперь король уже не обращал внимания на то, что часто выходил за рамки своих правомочий. Наконец-то он показал архиепископу, а в его лице и Риму, кто хозяин в стране.

После этих энергичных шагов, затронувших духовенство в самом его чувствительном месте — в доходах, большинство священников сразу подчинилось королевской воле. В конце концов архиепископ Збынек остался почти в одиночестве. Да и папский двор не спешил с процессом. В данной международной обстановке не в его интересах было слишком уж раздражать чешского короля. А «вечный Рим» иной раз мог себе позволить отложить на время какое-либо дело, не приходилось опасаться, что оно будет забыто.

Итак, архиепископу оставалось только склониться перед волей короля. Он сделал несколько попыток сорвать или отдалить третейское разбирательство, и когда уже невозможно стало уклоняться или как-то примирить обе спорящие партии, Збынек в последнюю минуту бежал из Праги. Через владения литомышльского епископа Яна Железного, верного «римлянина», он направился в Венгрию к брату Вацлава — Сигизмунду, который для короля был скорее опаснейшим соперником, чем братом. Однако Збынеку не суждено было достигнуть цели своего пути, он внезапно умер в Братиславе 28 октября 1411 года.

Со смертью архиепископа Збынека завершается первый период великого подвига Гуса. Магистр Ян остается победителем на поле боя. Теперь в стране нет никого, кто бы угрожал ему, а процесс в Риме заглох, хотя и не прекратился совсем, но

временно прерван до удобного случая. Университет очищен от противников, королевский двор показал себя надежным союзником. В самом деле, никто из друзей Гуса не мог пожелать большего для любимого магистра.

И все же это кажущееся спокойствие было только передышкой перед главным натиском бури.

ГЛАВА 9
ВЫСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ИНДУЛЬГЕНЦИЙ

Прошло немногим более полугода, и гроза разразилась с новой силой.

Что породило ее?

В мире продолжалась борьба трех конкурирующих пап: Иоанна XXIII, Григория XII и авиньонского Бенедикта XIII. К странам, признававшим Иоанна XXIII как законного преемника избранного в Пизе Александра V, принадлежало и Чешское королевство. Дело дошло даже до военного столкновения между Иоанном XXIII и Григорием XII, который привлек на свою сторону неаполитанского короля Ладислава, чтобы с помощью его войск завоевать папский престол. Кто хочет воевать, нуждается, конечно, в деньгах. Иоанн XXIII усердно принялся их добывать. Обычных доходов давно уже не хватало, и он решил выжать из признававших его дополнительную лепту. Для этого папа прибегнул к испытанному средству — объявил широкую продажу индульгенций.

Исходя из предпосылки, что папа, как наместник Христа, властен отпускать грехи именем божьим, Иоанн XXIII заявил, что своими всесильными папскими индульгенциями он «поможет христианам», отягощенным грехами, сократить срок их мучений в чистилище. Папские буллы[25] — индульгенции уверяли, что каждый, кто поспешит на помощь находящемуся в опасности наместнику Христа, тем самым искупит часть своих грехов. Но кто окажет помощь? Тот, кто заплатит, кто даст денег на эту крестовую войну, которую Иоанн XXIII вынужден вести против наемника Григория XII — неаполитанского короля.

Для продажи индульгенций была разработана остроумная система, делавшая честь искушенному папскому финансовому ведомству. Для этого грандиозного предприятия папа назначал доверенных лиц, которые затем в странах, куда они посылались, в свою очередь подыскивали посредников, добиваясь, чтобы сеть торговли отпущениями грехов охватила всю страну. С этой целью посредники, назначенные главными организаторами, передавали право на продажу индульгенций в отдельных районах низшим инстанциям: аббатам, приходским священникам, которые, конечно, взимали «за труды» определенный процент с выручки. Продавцы индульгенций продавали «полное отпущение вины и

кары», которое избавляло покупателя от одного до ста дней чистилищных мук, в зависимости от того, сколько он заплатил. Глашатаи оповещали о папской «священной войне», о воздвижении креста и сзывали всех христиан на помощь «его святейшеству», терпящему бедствие. Соглашаясь, что очень немногие могут с оружием в руках отправиться в бой, они предлагали более легкий способ помочь папе: внести свою долю деньгами. «Поелику же сам не можешь принять участие в предприятии нашем, но хотел бы, и так как ты, по велению комиссаров и моему, оказал поддержку предприятию нашему, то даю и дарую тебе полнейшее отпущение твоих грехов, то есть освобождаю тебя от вины и кары».

Пожалуй, не было более утонченного способа извлекать выгоду из страха средневековых верующих перед посмертными карами, но не было и более вопиющего злоупотребления верой.

Уже в декабре 1411 года папа уполномочил для проведения этой кампании в Чешском королевстве двух агентов, из которых главным был пассауский декан Вацлав Тим, уроженец моравского Микулова, человек весьма подходящий для этой задачи. Ловкость свою он уже доказал, будучи великим мастером сосредоточивать в своих руках церковные пребенды и доходы, — так он ухитрился одновременно быть каноником в трех городах: в Пассау, Вроцлаве и Регенсбурге, и, кроме этого, получал доходы еще с пяти часовен и прочих пребенд.

В мае 1412 года продавцы индульгенций прибыли в Прагу.

Под барабанный бой возвестили они «распродажу спасения душ», и в трех пражских храмах поставили свои сундуки и столы: в сундуки укладывали собранные деньги, на столах вписывали в грамоты отпущения грехов, кто сколько дал денег и сколько выкупил дней посмертных мук. Расположились они в соборе св. Витта на Граде, в Тынском костеле и капитульном храме на Вышеграде.

Ярмарочные приемы этого явно коммерческого предприятия вызвали всеобщее возмущение. Его истинная цель была слишком прозрачна. Пражская улица с готовностью откликнулась сатирическими куплетами:

Пражане! К вам легат приехал,
к себе каноников собрал,
чтоб этот сброд в святых доспехах
от короля до нищих чехов
всю землю нашу обобрал.

А о том, как велась продажа индульгенций, пели:

В повозке ездит барабанщик
и обирает всех подряд.
Он рад любой козе ледащей,
а если кто бычка притащит, —
греши вовсю, не страшен ад!

В самом деле, слишком грубо были задеты сознание и совесть простых христиан. Как это так: отпущение грехов, над которым властен один только бог, продается теперь всякому за деньги? Значит, тот, у кого есть деньги, кто может заплатить, тот спасется, а кто беден, тот без всякой жалости обречен гореть в аду? Может ли это быть волей божьей?

В полном соответствии с этими естественными чувствами народа ответил на продажу индульгенций и духовный вождь Праги — Пражский университет. Наиболее страстно ратовали против этого торга Палеч и Гус. Лалеч, который запретил продавать/индульгенции в своем Коуржимском приходе, был,/ возможно, горячее Гуса, что соответствовало его пылкому характеру, всегда стремившемуся проявиться как можно заметнее и выдвинуться на первое место! Гус выступил устно и письменно в своей обычной воинствующей, но строго логичной манере.

В конце мая 1412 года он обратился к своим вифлеемским слушателям с речью о торговле отпущениями грехов:

«Разве можно принять весть легатов о воздвижении креста против христиан (против неаполитанского короля) так, как если бы была она вестью, от Христа исходящей? Разумеется, никоим образом, во-первых, потому, что сам Христос, глава церкви, не таким способом (войной), но терпением отстаивал свою правоту, во-вторых, потому, что сей крест воздвигнут не ради любви и исполнения заповедей Божьих или ради укрепления церкви, в-третьих, потому, что вряд ли глашатаи сего от Бога исходят, ибо в булле, которая объявила продажу индульгенций, не содержится совета жить праведно, любить ближнего и недругам отвечать добром на зло, в ней есть один призыв: давать деньги за отпущения грехов, а это не Божьи слова… Они же советуют враждебно нападать на ближнего и убивать. Оное воздвижение (войны) не от Христа, ибо только дела из любви творимые одобряет Господь. И можно доказать, что ни это воздвижение креста, ни грабеж бедных по королевствам, ни свирепое нападение на ближних не порождены любовью, а следовательно, и не должно быть принято как весть Господа нашего Иисуса Христа».

А письменно против отпущений грехов Гус выступил в своей

«Реплике», написанной по-латыни, здесь он отрицал необходимость крестового похода и последовательно опровергал все, что утверждала папская булла. Он доказывал, что внесенные деньги никак не могут влиять на отпущение вины и грехов, последнее достигается лишь тогда, если грешник сам исправит образ своей жизни. Крестовый поход можно объявить только против язычников и еретиков, а неаполитанского короля Ладислава никто в ереси не уличал и даже не обвинял.

Гус, его сторонники и слушатели по праву считали торговлю индульгенциями оскорбительной, ибо прерогатива, принадлежавшая единственно богу, становилась с помощью обмана и лжи предметом торговых сделок.

Реформатская партия в Праге, которая до того времени всегда была в согласии с королем, надеялась, что и на этот раз она может рассчитывать на его помощь. Она ждала, что и двор выступит против этого неслыханного оскорбления христианской совести.

Но король не вмешался. Любопытные, толпившиеся вокруг продавцов индульгенций, могли видеть около их сундуков королевскую стражу, поставленную для охраны, а посвященным вскоре стало известно, что королевская казна даже получает часть доходов от торговли индульгенциями. Но главная причина подобной позиции Вацлава IV заключалась в том, что король не решался открыто противодействовать мероприятиям папы. Он опасался нажить себе врага в лице Иоанна XXIII, ибо все еще надеялся на возвращение императорского трона и не хотел лишиться возможной поддержки Рима.

Позиция короля поставила Гуса и всю его партию перед трудным выбором. Если она и дальше будет бороться против продажи индульгенций, то уже не сможет рассчитывать на королевскую помощь, наоборот, в этом случае ее действия будут направлены против короля.

Для самого Гуса это было особенно опасно: его процесс в Риме не был прекращен, а лишь временно отложен, и все прекрасно знали, что сделано это главным образом потому, что надо было считаться с королем Вацлавом. Но как только эта причина отпадет, преследование Гуса возобновится, и ничто уже не помешает довести процесс до самых устрашающих результатов.

А они могли быть очень далеко идущими. До сих пор Гус находился в споре только с пражским архиепископом, и в Рим его дело попало, так сказать, естественным путем, по инстанции. Но продолжать теперь борьбу против продажи индульгенций, против этой кампании папской курии означало прямо и открыто

восставать против самого папы, главы церкви, против всей римской церкви. Действительно, настал решающий момент, следующий шаг мог оказаться шагом в пропасть, а Гус прекрасно видел ее глубину.

Вместе с тем он понимал всю огромную ответственность по отношению к принципам, которые до сих пор защищал. Он, выступавший против малейших непорядков и пороков церкви, имеет ли он право теперь струсить, замолчать перед лицом явной несправедливости, которая всем бросается в глаза?

Что сказали бы его слушатели в Вифлеемской часовне, привыкшие к его призывам отстаивать правду любой ценой? Эту ответственность по отношению к своей народной аудитории Гус глубоко чувствовал и знал, что промолчать — значит предать своих верных, отнять у них доверие к его прежним словам, поколебать их стойкость и самосознание.

Страшную внутреннюю борьбу выдержал Гус в то время. В конце концов все для него свелось к выбору: или он отречется от всего, что защищал до сих пор, уничтожит все, что успел посеять в тысячах душ, или останется стойким, и тогда неминуемо ждут его грозные кары вплоть до ужасной смерти осужденного за ересь.

Друзья только затрудняли эту тяжкую борьбу Гуса. Его любимый учитель Станислав из Знойма заклинал его отступить. Пребывание в болонской тюрьме совершенно сломило этого старого человека; в страхе, полный любви к своему бывшему ученику, Станислав рисовал ту пропасть, куда Гус может рухнуть. Другим его самым близким человеком, тоже устрашившимся и предостерегавшим Гуса, был Штепан Палеч. В прошлом страстный защитник Уиклифа, пламенный сторонник исправления и реформы церкви, он смутился духом, поняв, что начинается борьба против страшного могущества, борьба, в которой ослушники Рима окажутся одинокими, без помощи, даже без прежней поддержки королевского двора. Когда-то противники реформы складывали насмешливые поговорки: «Дьявол породил Уиклифа, Уиклиф породил Станислава, Станислав — Палеча, Палеч — Гуса!» Действительно, Палеч был когда-то энергичнее и непримиримее в своем бунтарстве, чем сам Гус. И вот — Палеч предостерегает, Палеч отговаривает! Палеч заклинает друга Гуса остановиться на своем пути! На что решиться? «Друг Палеч на одной стороне, подруга правда — на другой. Как решить?» — спрашивает Гус, перефразируя классическую цитату.

Только от самого Гуса зависело, какой он выберет путь; и в следующее воскресенье в Вифлеемской часовне от него будут ждать окончательное «да» или «нет».

Мы не знаем, что происходило в душе Гуса прежде, чем 2 июня 1412 года он взошел на кафедру Вифлеемской часовни. Но нам известно, что прозвучало тогда из его уст. Сказанное им было твердо и недвусмысленно: папская булла об индульгенциях не согласуется с учением, Христа. Ибо, если так продавать отпущение грехов, которое может даровать один только бог, тогда и «сам дьявол мог бы явиться и дать деньги, и тотчас попал бы на небо!»

Жребий был брошен.

ГЛАВА 10
КРОВАВОЕ ЗНАМЕНИЕ

С этого дня борьба завязалась не на жизнь, а на смерть. Борьба между могущественной римской церковью и Гусом, за которого уже не заступится король и от которого в страхе отступили его университетские сотоварищи. Один лишь союзник остался у него — его слушатели по Вифлеемской часовне, пражский народ, простые верующие. Но они были беззащитны, у них не было никакой власти, никаких средств спасти любимого магистра. И все же именно из этого источника черпал и почерпнул Ян Гус силу для всей своей последующей борьбы, силу, которая привела его в конце концов к победе, хотя и на костре «еретика».

Прага ответила на слова Гуса торжествующим ликованием. Магистр Ян совершенно ясно выразил в словах то, что все чувствовали. Пражская мостовая загудела под шагами демонстрантов: на улицы вышли студенты, ремесленники, подмастерья, беднота, небогатые горожане. Вывешенные копии папских булл забросали грязью. Студенты устроили комическое маскарадное шествие. На возу, обвешанном карикатурными изображениями папских булл, сидел один из студентов, переодетый публичной женщиной, и покрикивал на зрителей, предлагал покупать отпущения грехов. А на Новоместской площади демонстранты торжественно жгли буллы «еретика и сводника Иоанна XXIII».

Верные королю коншелы поспешили запретить уличные демонстрации, а Вацлав IV предложил богословскому факультету официально высказаться за продажу индульгенций. Деканом богословского, факультета был тогда Штепан Палеч, и он действительно по призыву короля, вместе со Станиславом из Знойма, выступил с ученым трактатом, уже открыто, против Гуса. Одновременно он резко высказался против учения того, кого некогда столь страстно защищал, — против учения Уиклифа. В дело вмешался и королевский совет, который попытался достичь определенного равновесия между обеими партиями: над пламенем разгоравшейся борьбы неудержимо повеяло запахом ереси, а это более чем что бы то ни было могло вывести Вацлава из себя. Ибо ничто сильнее не угрожало его притязаниям на императорский титул, чем сплетни о том, что будто он и собственное королевство не в состоянии уберечь от еретического яда; как же доверить ему империю?

Пока бывшие друзья и союзники Гуса сбивались в единый отряд его противников, на другой стороне росло возмущение его подлинных союзников — возмущение, раздуваемое непрекращающейся агитацией за приобретение индульгенций.

В воскресенье 10 июля 1412 года народные демонстрации достигли особой силы, народ гневно выражал свой протест уже внутри костелов и заставил замолчать священников, торгующих индульгенциями. При разгоне толпы староместские коншелы приказали арестовать самых ярых «бунтовщиков», трех подмастерий, имена которых вошли в историю: Мартина, Яна и Сташека.

Гус понимал: арестованные, собственно, только пытались претворить в дело его слова, и поэтому он несет за них ответственность. На следующий же день Гус отправился в староместскую ратушу, чтобы ходатайствовать за троих юношей и взять вину на себя. Коншелы, испугавшиеся скопления народа, сопровождавшего Гуса и заполнившего всю площадь перед ратушей, сделали вид, что готовы исполнить просьбу Гуса, и обещали выпустить арестованных, как только разойдется толпа. Однако, едва это случилось, члены староместской ратуши спешно отправили городских стражников за арестованными, велев немедленно вести их к плахам на Новоместской площади и казнить без суда для устрашения других. Отряд вооруженных стражников быстро привлек к себе внимание прохожих, стали сбегаться люди, приказ оказался неисполненным. Стража, окружившая пленников, не сумела добраться даже до ближайшей улочки, которая вела с площади ратуши; вынужденные остановиться, наемные солдаты, чтобы исполнить приказ, снесли головы трех подмастерий тут же на месте и на глазах ошеломленной толпы обратились в бегство, оставив тела казненных на мостовой.

Так в Праге пролилась первая кровь в великой борьбе Гуса.

Толпа медленно приходила в себя. Люди не думали о мести, они видели перед собою только своих мертвых, поплатившихся жизнью за правду. Женщины сняли с голов белые платки и прикрыли окровавленные тела, плач и молитвы огласили воздух. Затем кто-то принес носилки, народ положил на них тела казненных и поднял их на плечи. Быстро образовалась колонна, впереди двинулись студенты во главе с университетским магистром Яном из Ичина. Народ нес своих сыновей туда, куда самым естественным образом стремились его помыслы — к Вифлеемской часовне. Над толпой неслась песня «Isti suntsancti» «Се — святые».

Гус был потрясен обманом перехитривших его коншелов, но

еще более трагедией, открывшейся перед ним. Кровь требует новой крови. А Гус не решался подливать масла в огонь, и получилось так, что в первое воскресенье после похорон трех казненных он не упомянул о случившемся в своей проповеди. Но Гус слишком хорошо чувствовал, как преданные ему люди ждут его слов, и после тяжкого раздумья он заговорил о казни в следующей проповеди—24 июля. А уж раз решившись заговорить, он сделал это по-своему, открыто и ясно. В это время прокатилась новая волна возмущения торговлей индульгенциями, и Гус целиком встал на точку зрения трех юношей, умерщвленных безвинно и вопреки всякому праву. Гус высоко поставил их подвиг, закончив свое пламенное выступление призывом: пусть никто под страхом каких бы то ни было мук «не устрашится стоять за правду!»

Коншелы и прочие противники Гуса использовали пражское кровопролитие, чтобы еще больше настроить короля против вифлеемского проповедника. Разве все случившееся не грозное доказательство того, что Гус возмущает народ? Как растет в стране раскол и ересь, какой ненадежной становится жизнь?

Вацлав IV легко выходил из себя; узнав о волнениях, он вспылил: «Даже если бы их (бунтовщиков) были тысячи, пусть с ними поступят так же, как с теми тремя, а если нет у вас палачей и стражников, я велю выписать их из-за границы!» К счастью, у этого слабого короля от слов было далеко до дела; тем не менее он решил по крайней мере заставить Гуса и его партию в университете сохранять покорность и «порядок». По приказу короля были созваны университетские магистры. Их собрали в староместской ратуше, где сторожевая служба на этот раз была поручена королевским наемникам.

На этом собрании прелаты из королевского совета принудили большую часть представителей университета официально отказаться от всякого сопротивления торговле индульгенциями, отречься от всех «еретических заблуждений» и от учения Уиклифа. Только магистры факультета свободных искусств во главе с Гусом и Иеронимом имели мужество выступить против постановления, принятого ратушей. Вскоре после этого в стенах университета было созвано подобное же собрание, на которое, однако, не явились богословы под предлогом того, что это для них небезопасно, ибо там, мол, собрались «сапожники, шинкари и прочие миряне». Почти дословно здесь были повторены выражения, которыми священники пытались унизить Гуса как «проповедника сапожников и портных».

И вот с кафедры Вифлеемской часовни провозгласил теперь Гус свою готовность к бою: «Истинным и неустрашимым ученикам

Христа подобает ныне, вооружившись евангелием и взявши меч, который есть слово Божье, бороться против козней антихриста!»

Для церкви настал удобный момент возобновить старый процесс против Гуса. Этим она теперь не оттолкнет от себя короля, потому что Гус выступал уже не только против Рима, но и против своего государя. Да и в университете он потерял большую часть своих союзников — лишь немногие преданные друзья не отреклись от него. Новый пражский архиепископ, в прошлом личный врач Вацлава, старый Альбик, робкий по натуре, станет, конечно, послушным инструментом в руках своих римских хозяев.

Итак, Рим начал наступление, и Гус был вызван к папе на суд. Этот вызов подчеркивался повторным наложением на Гуса проклятия, на сей раз еще более грозного, дающего лишь краткий срок в несколько недель на то, чтобы жертва могла одуматься, прежде чем проклятие вступит в силу.

Для усиления тягостного впечатления проклятие Гусу было провозглашено в пражских костелах со всей мрачной пышностью этого устрашающего обряда. Перед алтарями священники гасили и ломали свечи и символически метали камни в направлении, где был дом Гуса. При этом читали папскую буллу: «Я, Иоанн, епископ (римский), слуга служителей Божьих, налагаю тягчайшее из проклятий на Яна Гуса, священника, отступившего от веры, заблудшего еретика, навеки изверженного из общины Христовой. А посему да не посмеет никто под страхом отлучения от церкви подать ему хлеб, напоить его водою или принять его под свой кров. Также никто да не посмеет изготовить ему одежду или обувь или любое иное, что ему может потребоваться. Равному наказанию подвергнется тот, кто заговорит с ним, или проводит его пешком или на коне, или окажет еще какую-либо услугу. Сия булла лишает названного Яна Гуса, как отлученного от церкви, всех церковных таинств и милостей; если же он умрет — запрещается хоронить его в освященной земле; если же он умрет и будет похоронен в таких краях, где эта булла еще не обнародовалась, то тело его надлежит вырыть из могилы и бросить непогребенным».

Проклятие усугублялось угрозой, что по прошествии нескольких недель на все места, где в этот момент окажется Гус, будет наложен интердикт. «Будь то в городах или замках, в деревнях или хуторах, надлежит затворить ворота храмов, костелов и монастырей и во все время его пребывания служить мессу при закрытых дверях (следовательно, не для мирян, но только для священников), а равно прекратить свершение всех таинств крещения, благословения, последнего помазания и

отпевания».

Чтобы понять жестокость этой угрозы, нужно представить себе внутренний мир средневекового христианина, который верил в искупление души с помощью таинств и в существование ада, для которого ужаснее всего была мысль, что кто-нибудь умрет без последнего помазания и не будет похоронен в освященной земле.

Гусу приходилось принимать решение под бременем всех этих угроз — угроз обрушить страшные кары не только на него самого, но и на всю его общину.

Для Гуса характерно, что эту тяжелую внутреннюю борьбу он выдержал не в замкнутом одиночестве— наоборот, он вынес свои умозаключения на кафедру Вифлеемской часовни, чтобы проверить их правильность на пражском народе.

«И вот призван я к ответу пред римской курией за то, что проповедовал евангелие; если бы сие была воля Божия — отчего же не быть мне готовым не только явиться, но даже оковы принять и умереть с помощью Господа Иисуса Христа?»

Однако против такого мученического решения было то обстоятельство, что, отправляясь на римский суд, Гус добровольно и окончательно сам себе зажимал рот и закрывал возможность дальнейшей деятельности, ибо не было надежды на возвращение с суда, на котором обвинитель одновременно и наивысший судья. А приговор суда можно было точно предугадать уже по тексту папского проклятия.

Идти на верную смерть было неразумно. А для христианина считалось не только недостойным, но даже и недозволенным подчиняться, по существу своему, нехристианским распоряжениям. И Гус в конце концов, с согласия своих слушателей, решился на последний выход, не дожидаясь истечения льготного сроку.

В октябре 1412 года он говорил с кафедры Вифлеемской часовни: «Вот, дражайшие сыновья и дочери, сегодня я пред вами возношу жалобу на недостойного сего папу, который называет себя наместником Христовым, и направляю жалобу свою прямо к Иисусу Христу!»

По поводу этой апелляции к Христу Гуса упрекали на констанцском процессе в том, что он обращался к недосягаемой инстанции, находящейся вне пределов земных, а ведь это нарушало весь правовой строй церкви. Впрочем, апелляции такого рода случались и раньше, и некоторые официальные теоретики признавали возможность подобного обращения. Но дело все в том, что для Гуса обращение с жалобой к Христу вовсе не было хитроумным юридическим приемом, а совершенно

логически вытекало из его понимания сущности церкви, как сообщества праведных, главой которых является не папа, а Христос.

Практически же эта апелляция, конечно, значения не имела, срок наложения интердикта приближался, и на Гусе по-прежнему лежала ответственность за решение: упорствовать ли в своем отрицании, навлечь ли на себя и на своих верных тяжесть грозивших им церковных наказаний, или смириться.

Изо дня в день возрастала самоуверенность противников Гуса. Скоро стало известно, что король не решится выступить в защиту Гуса против папы, а только что происшедшая замена в пражском архиепископстве была выгодна для противников Гуса.

Старый архиепископ Альбик, напуганный предгрозовым смятением в своей епархии, продал свою должность Конраду из Вехты. Новый архиепископ по старому доброму обычаю, вступая в новую должность, оповестил духовенство епархии, что ждет от них «добровольных» даров. Кое-кто из священников буквально поняли выражение «добровольно», и, когда архиепископ прибегнул к вымоганиям, они обратились к папе. Как же было Конраду из Вехты не изображать вернейшего из папских подданных, когда речь шла о «его» деньгах? А так как Гус был противником папы, то новый архиепископ очень охотно сделался принципиальным врагом Гуса.

Теперь, наконец, решился действовать и пражский немецкий патрициат, который уже давно чувствовал опасность со стороны чешских горожан. А ведь именно мелкие горожане, ремесленники вместе с беднотой и составляли ядро Гусовой аудитории. Немецкие купцы и оптовые торговцы упорно держались партии Рима и папы, и когда Прагу покинули немецкие магистры и студенты, патриции остались, собственно, единственной опорой римской политики в Праге среди мирян.

Однажды, во время проповеди Гуса, в октябре 1412 года, вооруженные немецкие патриции собрались возле Вифлеемской часовни, готовясь напасть на нее. Стоило, однако, безоружным слушателям Гуса выйти на улицу, чтобы мужество тотчас оставило нападающих. Немцы разлетелись, как пушинки одуванчика. Народное остроумие немедленно высмеяло их малодушное чванство:

А немцы лезут вон из кожи, сошлись к часовне неспроста и в воскресенье, в праздник божий, пошли походом на Христа.

И хотя эта демонстрация патрициев закончилась смехотворным поражением, все же она была признаком того, что Праге грозят длительные волнения. А что же будет, когда вступит в силу интердикт? Какая, вероятно, тяжелая борьба происходила

в душе Гуса: с одной стороны, опасение показаться малодушным, с другой — бремя страшной ответственности за катастрофу, которая постигнет всю христианскую общину. Гус должен был думать о себе, о том, чтобы последовательно отстаивать свое мировоззрение, но он должен был думать о себе не как о частном лице, а как о вожде и образце для своих верующих. Не мог он не думать и о верных своих слушателях и обо всем том, что поразит их глубже, чем его.

И думы о Праге, о духовных сынах и дочерях по Вифлеемской часовне, наконец, взяли верх и не могли не взять верх. Гус не отказывался от борьбы, готов был нести ее тяжесть и заплатить за нее нужную цену, но он считал себя обязанным бороться один и не мог допустить, чтобы стрелы, направленные в него, сразили множество других, самых близких ему людей. Этот довод оказался решающим.

Итак, раньше, чем интердикт вступил в силу и обрушился на Прагу, Гус решил покинуть город и уйти в провинцию.

ГЛАВА 11
В ЮЖНОЙ ЧЕХИИ

Гус отправился в края своего детства, в южную Чехию; так человек в беде прибегает к матери или по крайней мере стремится повидать места, где она когда-то жила. Однако выбор пал именно на южные районы еще и потому, что некоторые чешские дворяне с готовностью предложили Гусу гостеприимство, заверяя, что уберегут его в своих поместьях от всех опасностей.

Чешское дворянство в целом действительно стояло за Гуса. Ему была весьма на руку борьба магистра против светской власти церкви, ибо владения церкви своими размерами далеко превосходили поместья мирян и являлись для них слишком невыгодным конкурентом. Призывы Гуса отобрать у церкви «светское владычество» звучали очень сладко для слуха светских феодалов, и позднее, когда начнется гуситское революционное движение, будет видно, как охотно дворянство проводило в жизнь это положение, ибо оно захватило большую часть церковных владений. Даже немилость короля к Гусу не оттолкнула дворян; Вацлав IV не был сильным правителем, и его не стоило слишком опасаться. Кроме того, было ясно, что его отношение к магистру Яну определяется исключительно расчетами на титул императора, но что лично король ничего против него не имеет. Гус вызывал симпатию Вацлава тем, что ставил королевскую власть выше церкви. Вдобавок проповедник Вифлеемской часовни имел ходатая и в самой королевской семье в лице супруги Вацлава Жофии, постоянной слушательницы проповедей Гуса. Честолюбивая и энергичная королева, разочарованная слабостью коронованного супруга, подпала под обаяние неустрашимого, мужественного, пламенного проповедника.

Помимо всего этого, Гус надеялся, что, покинув Прагу, он обломит главное острие церковников. Он полагал, что его деятельность в провинции, конечно, будет не так раздражать Рим. В Праге же она вызывала слишком бурные страсти.

Но и в провинции Гус отнюдь не собирался молчать. В то же время, вынужденный следить за ходом своего процесса, он несколько раз приезжал в Прагу, чтобы предпринять необходимые для этого шаги.

Сначала Гусу казалось, что для него наступило время небывалой свободы, когда он может целиком отдаться своим мыслям. Отпали обязанности по университету, лекции, собрания, отпала и необходимость читать проповеди, и он с радостью

взялся за перо. Но что характерно: его произведения этого периода все написаны по-чешски. Таким образом, пусть неофициально, но Гус продолжал проповедовать, проповедовать письменно, и обращаясь не к ученым, а к читателям из народа.

Неизвестно, куда Гус направился сразу после своего ухода из Праги. Но постоянное убежище он нашел в небольшом замке земанов из Козьего, недалеко от Табора. Эта небольшая крепость, расположенная на дне холмистой котловины, напоминала гнездо, укрытое от сильных ветров, бушевавших вокруг. И в этом тихом месте дух Гуса взлетал таким стремительным полетом, что перо не поспевало за ним. Еще в ноябре первого года своего изгнания он дописал «Толкование веры, десяти заповедей Божьих и молитвы Господней». Автор сам адресовал свое сочинение «простым людишкам», чтобы побудить их выполнять заповеди божьи. Он затрагивает в нем все основные вопросы, волновавшие в ту эпоху каждого человека: порочность жизни священников, их надменность, торговлю индульгенциями, войны, значение молитв, почитание икон и скульптурных изображений святых, неправедность светской власти, судопроизводство, торговлю, национальный вопрос и др. Но все это он излагает так, что сразу можно угадать в авторе практика-проповедника, который знает, чем заинтересовать слушателей. Это сочинение Гуса страстно, полно жизни, выражает все в конкретных примерах и использует понятия, хорошо знакомые читателю из повседневного быта.

С иронией высмеивает Гус формальные, механические молитвы священников: «Этот же без помощи зубов и губ слова мелет; и как жернов на мельнице, так и молельщик сей грохочет: тр, тр, тр… Сорока или иная птица. И говорит слова молитвы, да не молится на деле; и орган-хор звучит, да не молится, так и монахини: щебечут, не зная что, и тем подобны сорокам суть».

Сколько народного остроумия и меткости наблюдений было в словах Гуса, когда он критиковал тех, кто лишь для проформы посещает богослужения: «Миряне идут туда (в костел), чтобы в роскошном одеянии показаться, или для любовного свидания. И смеются в костеле, а некие из женщин ссорятся и бранятся, толкая друг друга на скамье. Панич озирается— нет ли красотки: куда она, туда и он, и прежде ей поклонится, чем телу Божьему на алтаре; я сам сие видел, он (панич) спину к алтарю повернул, а к ней (к пани) лицо, говорил *с* ней и смеялся. Да и крестьяне не молятся, стоят словно оленята (испуганные), а горожанам — тем тоскливо: боятся, как бы выгодный торг не пропустить».

Поистине этому сочному и реалистическому описанию посетителей костела мог бы позавидовать любой художник.

Далее Гус пишет о судах, где бедный и подневольный всегда

проиграет в тяжбе против господина хотя бы по той причине, что «в присяге одно слово не так произнес», пусть даже по существу дела и был прав. «А скажет слово против господина, и наказан будет за поношение господ; господа же — судите как хотите— никогда наказания не понесут. Иначе рассудит Господь Иисус, судия праведный, и скажет он в судный день всем таковым: «Вы, священники, с законниками грабили бедноту лицемерием, хитростью, торговлей святыми таинствами, а вы, миряне, грабили их же ростовщичеством, судом несправедливым, насилием, измышленной виной и выморочным правом» [26].

Интересно, что именно в бытность свою среди сельских жителей Гус уделяет столько внимания светским феодалам и тому, как они обращаются со своими подданными; он упрекает панов в трех способах «ограбления»: первый — когда сверх меры обирают бедноту; второй — когда берут возмещение за действительную вину, но чрезмерное (то есть когда требуют чрезмерного возмещения убытков); третий — когда взимают дань, или пошлину, или налоги (сверх меры). «Ибо по закону Божьему обязаны господа учить, направлять и защищать своих подданных. И недаром владеет господин владением своим, но получит его от Всевышнего, дабы служил ему, народу, как добрый правитель, правил и в том отчет Богу своему отдал. Дай, Боже, понять им (господам и священникам), что надо прекратить этот грабеж».

Столь же конкретно обнажает Гус и дела городских торговцев, перечисление которых тоже заканчивается риторическим восклицанием: «И кто может описать их уловки и корыстные сделки, которыми они души свои унижают и людей грабят?» Гус весьма точно различает «ремесленников, пахарей и прочих, которые продают дело рук своих, от «купцов-торговцев», которые сами не производят, но «ищут прибыли», продавая товары, сделанные другими. Это признак уже очень развитого социально-экономического мышления!

Интересно также, как Гус выступает в защиту чешского языка, опять совершенно конкретно показывая, до какой степени он засорен чужеродными элементами. «Пражане и другие чехи, говорящие наполовину по-чешски и наполовину по-немецки, называют полотенце «хантух», передник — «шорц», конюшню — «маршталь», верхнюю залу — «мазхаус», плащ — «мантлик», батрака — «хаускнехт», возницу — «форман».

Здесь уместно остановиться на национальном чувстве Гуса. Противники — и это нашло свое отражение в обвинениях, предъявленных Гусу в Констанце, — упрекали его в национальной нетерпимости, шовинизме. Это было глубоким и сознательно распространяемым заблуждением. Так, Гусу ставили в упрек его

участие в издании кутногорского декрета, вызвавшего уход из Чехии немецких магистров и студентов. Но Гус вовсе не изгонял их из Праги — они ушли по собственному решению, не желая подчиняться новому уставу Пражского университета.

Противоречия между немецким и чешским элементом в Праге вообще были связаны с тем, что немцы представляли собой экономически более сильную прослойку, заинтересованную в том, чтобы общественный порядок оставался неизменным, и опиравшуюся поэтому на консервативных представителей феодализма, в первую очередь на римскую церковь. Гус и его последователи находились, естественно, на противоположной стороне, так что это на первый взгляд национальное противоречие имело исключительно экономические и социальные корни.

К тому же Гус ясно высказался о своем «национализме», и его слова снимают с него всякое подозрение в однобоком патриотизме или в шовинизме. Он подчеркивал, что оценивает людей не по их национальности, а по характеру: «А посему говорю по совести: если б знал я иноземца, откуда бы ни был он, в добродетели его еже Бога любит и за добро стоит более, чем мой собственный брат, и был бы мне милее брата. Потому и хорошие священники-англичане (намек на Уиклифа) мне милее, чем нечестные священники чешские, а добрый немец милее злого брата».

Другое свое сочинение, «Зеркало грешного человека», Гус снова посвящает почти исключительно критике духовенства. И снова оно написано образным, сочным, понятным для народа языком.

«Нет более погрязших в наслаждениях, нежели священнослужители, отрекшиеся от Христа… Они не знают страданий — разве что брюхо заболит от обжорства и пьянства; велики труды их, если и на конь их сажают и на ложе уносят. В бедности видят мерзость, в гордыне — величие, разврат слывет состоянием естественным… О, если бы могли они заглянуть в конец, ибо не помогут им после смерти папские грамоты, если им не предшествуют добрые дела!»

Из круга этих резких, боевых трактатов выделяется произведение «О познании истинного пути к спасению», которое по первым словам своим «Слушай, дочка!» кратко называется: «Дочь». В этом небольшом сочинении Гус обращается к женщинам и прежде всего к тем, которые с молодых лет посвятили себя служению Христу. Это произведение, которое ставит перед молодыми женщинами самые высокие моральные цели, полно сердечной нежности, что сообщает ему неожиданную и

необычную прелесть.

Но всей этой богатой литературной жатвы было недостаточно, чтобы удовлетворить Гуса. И снова из-под его пера выскальзывает фраза: «Я, к сожалению, не смел поднять свой голос против явного зла, неразумно опасаясь гонений, проклятий, осуждения и смерти убоявшись. Но милосердный Спаситель, допустивший меня исправлять дело его, теперь внушил мне смелость не страшиться, но правду говорить наперекор любому, кто противится закону Иисуса Христа».

И Гус возобновил свою проповедническую деятельность. «Раньше я проповедовал в городах, ныне же под частоколами, возле замка по названию Козий градек, на дорогах между городами и деревнями».

Район его действий действительно расширялся, и для дальних поездок ему приходилось брать лошадь у владельца Козьего градка. Увеличивалось и число тех, кто приходил услышать его, люди шли из близких и далеких мест, иногда проведя целые сутки в пути. Вместо бревенчатого потолка Вифлеемской часовни над Гусом и его слушателями простирался синий шатер небес, а балдахины кафедры заменяли ветви раскидистой липы. Но те же страдания, которые приводили к Гусу пражских слушателей, собирали теперь вокруг него «верных» из деревень. Так Гус снова оказался среди своих, среди людей, которые слушали его, понимали и любили так же, как и он их.

Но литературную деятельность Гус не прекращал.

В начале 1413 года он закончил одно из известнейших своих произведений — «О симонии», то есть о вопросе, который особенно беспокоил его, потому что был связан с важнейшим пороком церкви, утратившей первоначальную чистоту. В этом трактате Гус снова очень убедительно и конкретно показывает, как проявляется симония в действиях отдельных членов церкви — от папы, епископов и аббатов до рядовых монахов и белого духовенства, то есть приходских священников. В сельской тиши своего уединения Гус с железной логикой связывает причину со следствием и отыскивает самые разнообразные симптомы этой «золотой болезни» церкви. Несомненно, сочинение именно этого трактата оказалось его тягчайшей виной в глазах констанцского судилища.

За этим весьма пространным сочинением Гус написал еще трактат «О шести заблуждениях», носящий столь же яркий пропагандистский характер, здесь он разбирает заблуждения, которыми священники заразили христианство. Основные положения этого труда Гус приказал начертать «а стенах Вифлеемской часовни.

Затем последовали еще два трактата: «О церкви», где Гус изложил свое известное понимание церкви, и «Постилла», или «Изложение священных чтений воскресных», представлявшее собой, по сути дела, собрание проповедей.

Вероятно, в этот период Гус был счастливее всего и жил наиболее полной жизнью. Казалось, стены Вифлеемской часовни раздвинулись, превратившись в простор под открытым небом, простор, заполненный более многочисленными толпами, чем это могло быть в Праге; и мысли здесь рождались быстрее, чем их могло записать перо.

Но Гус не подпадал под влияние теперешнего своего настроения, каким бы убедительно радостным оно ни было. Он воспринимал действительность как нечто целое, и хотя был удовлетворен своей деятельностью в провинции, не забывал и о Праге. Он несколько раз приезжал в Прагу и поддерживал с ней постоянную письменную связь. Писал он друзьям, писал и послания, предназначенные для публичного прочтения, главным образом в Вифлеемской часовне. Одна мысль является общей для всех этих посланий — призыв к верности и стойкости. «Посему, возлюбленные, не бойтесь, и да не тревожит вас страх оттого, что некоторых из вас искушает Господь, допуская антихристовых слуг пугать вас гонениями (судебными)… Стойте твердо на правде, кою познали… Наконец прошу вас, возлюбленные, молитесь за тех, кто возвещает правду Божию, и за меня молитесь, чтобы и я усерднее писал и проповедовал против злобы антихриста и чтобы, когда настанет труднейшее время, привел меня Господь в ряды воителей своих, дабы мог я защищать правду его».

В этих писаниях Гуса нет ни слова о его личной судьбе. Он хлопочет лишь о том, чтобы выполнить свою миссию, и о том, чтобы приверженцы его не изменили общей борьбе.

В одном письме, написанном в конце 1412 года ректору Пражского университета, Гус открывает основной источник силы, на которую он опирается, и одновременно указывает слабые стороны своих противников: «Люди, ослепленные гордыней, честолюбием, величием и скупостью, позволившие отвратить себя от правды, лишены терпения, а тем самым — любви и всех добродетелей; они слабеют духом, испытывая странное смятение в сердце своем, ибо, с одной стороны, их теснит сознание правды, а с другой — страх; боятся они лишиться величия своего и отдать на смерть грешное тело. Я же пойду на смерть, если таково будет милосердие Божие, ибо не хочу жить в этом жалком мире, если мне не дано побуждать себя и других раскаяться согласно воле Божией».

Достаточно освободить эти слова от шелухи религиозных

понятий, диктуемых духом эпохи, и они зазвучат как боевое оружие «Божьих бойцов» — наследников Гуса.

Уход Гуса из Праги не принес, однако, желанного успокоения для Чехии. Волнения выплеснулись за пределы городских стен, больше всех бряцали оружием враги Гуса, из них наиболее отличался бывший близкий друг Гуса — Штепан Палеч.

Итак, над головой Гуса простиралось тихое и спокойное синее небо южной Чехии, но на горизонте собирались тучи, предвещая грозную бурю. Тучи эти стягивались не только из отдаленных уголков Чехии, но и со всего мира.

ГЛАВА 12
ИГРА КОВАРСТВА И ХИТРОСТИ

В чем угодно можно было упрекать римскую церковь, только ее в забывчивости. Стоило ей однажды понять, какую опасность представляет для нее Ян Гус, и можно было не опасаться, что его процесс не будет доведен до конца. Она была упорна, но хитра. Она умела ждать, умела приостановить свои действия, но была готова к нападению в любой момент, как только ход событий позволял надеяться на успех.

Первой победы церковь добилась тогда, когда лишила Гуса поддержки короля, архиепископа и большинства в университете: тогда она выжила его из Праги. Но и в изгнании Гус не переставал быть для нее опасным. Он продолжал проповедовать, писал, но главной его виною было то, что он вообще существовал. Теперь пора было приступить к крайним мерам — к его физическому уничтожению. Но для этого нужно было, чтобы он фактически попал во власть церковного суда. Ввиду слабости Вацлава церковь не надеялась, что можно побудить чешского короля арестовать Гуса и выдать его духовным властям, тем более что этого еретика защищало чешское дворянство. Но можно было выждать, как уже не раз, удобного случая.

Этот случай представился, когда зародилась надежда на созыв нового всехристианского собора, главной целью которого было окончательно устранить троепапство и навести в церкви радикальный порядок.

В течение всего 1413 года папа Иоанн XXIII вел переговоры о созыве такого святого собора с королем Сигизмундом, который тем временем был провозглашен наследником Вацлава IV на троне Чешского королевства. При переговорах *оба* партнера преследовали свои интересы. Иоанн XXIII считал себя единственно законным папой и надеялся, что собор избавит его от двух пал-самозванцев; Сигизмунд приветствовал созыв всехристианского собора из других соображений: хотя он еще не был коронован германской короной в результате сопротивления своего брата Вацлава IV, но был фактическим государем Германской империи, страны, подобно льдине, рассеченной сотнями трещин, раздираемой борьбой несчетного множества антагонистических сил. Сигизмунду поэтому необходимо было усилить свой авторитет, а это могло случиться, если он будет иметь столь значительные заслуги в объединении расколотой церкви. Сигизмунд хотел возложить на себя обязанности

светского председателя намечаемого собора и втайне надеялся, что в конце концов ему удастся захватить руководство собором вообще, даже против воли папы и кардиналов. Если он доведет переговоры до успешного конца и возвратит христианству его былое единство или хотя бы внесет в это дело значительную лепту, то заработает на своих заслугах изрядно и прежде всего укрепит свою политическую силу и положение в мире. А то и другое ему нужно было для того, чтобы утвердить свою власть над империей. Таким образом, римский папа и римский (германский) король нуждались друг в друге, искали один в другом опоры, хотя одновременно и стремились отнять друг у друга первенство в отношении заслуг, а главное— в отношении их материальных следствий.

После трудных, полных коварства (переговоров Сигизмунду удалось склонить Иоанна XXIII к тому, чтобы созвать собор в начале ноября 1414 года, причем отнюдь не на итальянской, а на германской территории, в городе Констанце на Боденском озере.

Созыв представителей всего христианства поставил и Гуса перед совершенно новой ситуацией, и его процесс выступал в новом свете. Пока Гуса вызывал на суд папа, он отказывался подчиниться вызову, и его возражения, как мы уже говорили, были полностью обоснованы. Теперь же в лице собора образовалась новая инстанция, где уже не папа решал дела в качестве единственного судьи, но где сошлись представители всей «видимой» части церкви, то есть в полном смысле этого слова вся церковь. А Гус никогда не переставал себя считать членом оной. К тому же этот собор провозгласил своей главной целью произвести реформу в делах церкви, то есть, другими словами, программа его совпадала с программой Гуса. Разве это не был для него подходящий случай принять участие в такого рода обсуждении? Разве не в этом была его прямая обязанность? Следовало помешать лишь одному — чтобы собор стал судилищем для Гуса. В качестве вызванного и обвиняемого Гус не мог бы даже явиться на собор. Он мог и должен был предстать перед ним не как «привлеченный» судом, а как свободный участник собора. Но и враждебная сторона считала собор удачным предлогом для того, чтобы захватить Гуса в свои руки. Теперь было очень удобно завершить затянувшийся процесс и заманить жертву в ловушку. В этом деле церковь обрела помощника в лице Сигизмунда — будущего наследника чешского трона (предназначенного Сигиэмунду еще при жизни Вацлава), а Сигизмунд сам стремился к тому, чтобы в Чехии установился порядок и были подавлены все опасные бунтарские, «еретические» элементы. Нужно было только преодолеть

колебания Гуса, рассеять все его сомнения и побудить явиться в Констанц. Так началось усиленное наступление на Гуса посредством обещаний, уговоров, коварных заверений и угроз. Эту кампанию интриг, лжи и дипломатических уловок Сигизмунд начал заманчивым предложением охранять Гуса в случае, если тот отправится в Констанц. Однако вызов, сформулированный в такой необычной форме, не внушал доверия. Еще меньше доверия внушал его автор. Слишком свежи были воспоминания о том, как часто Сигизмунд нарушал свое слово, а особенно с какой легкостью он предавал родного брата, короля Вацлава. И все же Гус серьезно взвешивал предложение Сигизмунда. Если только заручиться надежной гарантией. Но Гус имел в виду большее: не только личную безопасность, но и возможность говорить перед собравшимися представителями христианского мира. Ему важно было добиться открытого разбора своего дела. В этом он видел главную цель своей поездки, если только он решится отправиться в Констанц.

Большинство друзей предостерегало Гуса, советуя не верить Сигизмунду: «Он сам выдаст тебя врагам!» Их доводы настолько убедили Гуса, что он решил пока отказаться от предложения Сигизмунда, обосновав это тем, что он-де не собирается ехать туда в качестве привлекаемого к суду, но хотел бы участвовать в соборе как его член, чтобы иметь возможность изложить собравшимся представителям христианства свои взгляды и учение, дискутировать о них, с тем чтобы или убедить собор в своей правоте, или быть убежденным своими коллегами в том, что их учение лучше, и выслушать наставление. Поэтому Гус не прервал переговоров с Сигизмундом, а продолжал их в этом плане. Сигизмунд, со своей стороны, усиливал гарантии безопасности Гуса, предлагая все более точные формулировки «охранной грамоты».

В то время Гус подвергся нападению еще с одной стороны: в конце апреля 1414 года папа Иоанн XXIII приказал пражскому архиепископу Конраду из Вехты, оломоуцкому епископу Вацлаву Кралику и инквизитору Микулашу резко и всеми способами выступить против Гуса, против того, что он все еще свободно действует в Чехии. Исполнение своего приказа папа обеспечил довольно грозной мерой, поручив литомышльскому епископу Яну Железному надзирать за действиями исполнителей. Ян Железный принадлежал к числу самых горячих противников Гуса, теперь он получил от папы все полномочия для применения тягчайших наказаний к названным церковным сановникам в случае, если они окажутся нерадивыми.

А тут еще и за рубежом объявился новый противник Гуса, что,

несомненно, предусматривалось организаторами кампании. Это был знаменитый богослов и канцлер Парижского университета Жан Жерсон, который в своем письме архиепископу Конраду обрисовал страшную опасность, какую Гус представлял для церкви, и настаивал на устранении еретика.

Кульминационной точкой кампании, имевшей целью изгнать Гуса из Чехии и предать его в руки собора, было послание Иоанна XXIII Вацлаву IV, написанное в конце июня того же года. Папа снова призывал короля отказаться от предоставления убежища опасному еретику в своей стране и выдать Гуса церковному суду. Но на этот раз призыв папы подкреплялся угрозой самых страшных последствий для королевства Чешского, буде приказ папы останется неисполненным. Намек очень понятный: Чехии угрожали крестовым походом!

Вместо безучастного разочарованного в жизни и ослабевшего духом короля обдумать эту новую угрозу пришлось королевскому совету. Дворяне, члены совета, были, за небольшим исключением, сторонниками Гуса. Но на них легла огромная ответственность: им предстояло принять очень серьезное решение. Ведущую роль среди них играл тогда пан Лефл из Лажан, один из опытнейших дипломатов своего времени. План, который он придумал, был достоин его остроумия и репутации хитрого дипломата и должен был, по крайней мере насколько это было в человеческих силах, действительно обеспечить Гусу безопасность, если тот решит ехать в Констанц. Этот план, предложенный паном Лефлом королевскому совету, казался весьма удачным. Он основывался на сложности отношений между Вацлавом IV и Сигизмуидом,

Пан Лефл занимал выгодное положение — в ту пору он как раз был главным посредником между обоими братьями. Переговоры велись вокруг окончательного определения сана и правомочий каждого из них в Германской империи. Вацлав IV когда-то обязался помочь Сигизмунду добиться короны короля Римского[27], Сигизмунд, со своей стороны, пообещал не короноваться при жизни брата, чтобы Вацлав IV хотя бы формально сохранил право претендовать на власть в империи. Теперь же, когда Сигизмунду предстояло вместе с папой председательствовать на Констанцском соборе, ему было очень кстати, если бы он мог занять это место уже коронованным королем Римским, это значительно укрепило бы его авторитет.

И вот Лефлу удалось склонить короля Вацлава к особому договору: Вацлав согласился на «преждевременное» коронование брата, но с условием, что тот обеспечит безопасность Гусу! Удивительное условие, когда за жизнь еретика, преследуемого церковью, предлагалась корона Римско-Германской империи!

Сигизмунд, конечно, с жадностью ухватился за это предложение. Он ни секунды не колебался, неожиданный выигрыш был у него в кармане, и он ни в малейшей степени не заботился о будущем. Он был уверен, что позднее ему как-нибудь удастся развязаться с Гусом и собором. Как именно? Да, конечно, так, чтоб извлечь из этого пользу.

Но пан Лефл, даже имея на руках гарантию, надежнее которой не могло и быть, если вообще существует хоть что-то, что люди считают надежным, не хотел сам решать судьбу Гуса. Поэтому он пригласил магистра Яна в свой замок Краковец, где ознакомил его с результатами своих хлопот и вместе с тем дал прочитать Гусу угрожающее послание папы королю Вацлаву. Теперь Гус должен был сам сказать решающее слово — поедет он или нет.

Гус был глубоко потрясен. Он хорошо представлял, какие опасности и беды обрушатся на любимую родину в случае крестового похода. С другой стороны, охранная грамота Сигизмунда, за которую была уплачена такая дорогая цена, казалось, обещала. наконец, исполнение давней мечты Гуса: он сможет свободно говорить перед всем христианским миром, который будет слушать. его в лице своих представителей на Констанцском соборе, он сможет отстаивать свою правду, имя и честь правоверного христианина!

Снова и снова вопрошал Гус пана Лефла: действительно ли все так, как кажется? Пан Лефл пожимал плечами. Да. Вот обещание Сигизмунда. Его исполнение обусловлено высокой ценой — согласием на коронацию в Аахене. Но можно ли поклясться, что все будет исполнено, можно ли целиком на это положиться? Ведь в конце концов обещания и обязательства выполняют люди, а Сигизмунд к тому же в этом отношении — характер особенно сложный и неустойчивый. Нет, пан Лефл может только констатировать, какова ситуация, окончательный вывод Гус должен сделать сам, ведь речь идет о его жизни и миссии на земле.

Трудно было принять решение. Гусу приходилось выбирать из двух возможностей: если он ослушается и останется дома, то сможет целиком положиться на слово многих дворян, которые похвалялись тем, что в состоянии укрывать магистра в своих замках в течение любого количества лет. Такая дерзость была вполне обоснована, трудно было ожидать, чтобы король сумел решительно, вооруженной силой призвать своих вассалов к порядку. А крестовый поход? Это тоже было одной из тех мер, которыми легче угрожать, чем осуществлять на деле. Вторая возможность была — довериться охранной грамоте Сигизмунда,

скрепленной на сей раз столь реальной гарантией, и предстать перед констанцским собранием.

Гус был слишком умен, чтобы питать излишние надежды на подлинную неприкосновенность и на сохранение своей жизни, но он верил, что добьется единственного, единственного и главного, — что его слова дойдут до сознания и совести всего мира. Он давно уже перестал интересоваться личной безопасностью, и все его помыслы сосредоточились на дилемме: должен ли он остаться учителем и вождем своего народа, доморощенным пророком, или обратиться ко всему христианству, к целому миру?

И вот, взвешивая и оценивая сущность и цель своей миссии, он мог решить только так, как решил: ехать в Констанц!

1 сентября 1414 года он написал ответ Сигизмунду:

«Светлейший князь и милостивейший государь! Недавно я послал ответ Вашей светлости, что, согласно уведомлению пана Индржиха Лефла из Лажан о желании Вашего Величества, замыслил я покорно выю склонить и под надежной охраной Вашей грамоты явиться, если того пожелает Всевышний, на предстоящий собор в Констанце. А посему покорнейше прошу Ваше Величество, во имя славы Божьей и пользы святой церкви, а также во имя чести королевства Чешского, распространить Вашу милость на мою особу в такой мере, дабы, с миром придя, мог я на сем общем соборе обнародовать веру, кою исповедую.

Ибо никогда не учил я ничему тайно, но всегда открыто там, где собиралось более всего магистров, бакалавров, священников, панов, рыцарей и прочего люда; так и теперь желаю не в тайности, но при всем соборе услышан и испытан быть, при всех проповеди читать и с помощью Духа Господня отвечать всем, сколько бы ни было желающих обвинить меня. И надеюсь, не убоюсь признать Господа нашего Христа, а буде потребуется, и смерть приять за его праведнейший закон. Ведь сам царь царей и владыка властителей в образе человека бедного, кроткого и покорного приял за нас мученический венец, заповедав нам идти по стопам его, он, греха не сотворивший и уста свои не осквернивший ложью, унизился, дабы своею смертью нашу смерть попрать, и положил нам страдать во смирении, ибо не напрасно сказал он: «Блаженны те, кто пострадал за справедливость, ибо их есть царствие небесное».

Об этом постоянно размышляя, я, недостойный в уповании слуга его, хотел побудить духовенство и народ следовать примеру его. И за то пожал я ненависть — не всего народа, но тех, чьи нравы Богу самому противны. Быв часто вызываем ими ко двору архиепископскому, всегда оказывался невиновным. Наконец,

вызванный пред папский престол, я никогда не мог добиться аудиенции для своих защитников и представителей. А посему вверился я в руки праведнейшего судьи, во имя славы которого, надеюсь, Ваша милость устроит так, чтоб мог я, если даст Господь наш Иисус Христос, открыто и без опасений изложить свое учение. Писал собственноручно в день св. Ильи, я, именем Господа Иисуса Христа, магистр Ян Гус, смиренный слуга Вашего Величества».

Ни единым словом не упоминает Гус о безопасности для себя лично; во всем письме звучит единственное желание — получить возможность высказаться публично. Не вопрос жизни или смерти — идея важна для Гуса!

ГЛАВА 13
ПРОЩАНИЕ. ДОРОГА

Как только было принято окончательное решение, Гус начал собираться в дорогу. Прежде всего он готовился освободить себя от обвинения в ереси. От инквизитора Микулаша он получил подтверждение своей правоверности и добился признания, что тому неизвестна ни одна ересь, в которой был бы обвинен Гус. Далее он заручился заверенными копиями документов о разных стадиях процесса, возбужденного против него бывшим архиепископом Збынеком. После этого, в августе 1414 года, он обратился к широкой общественности, предлагая всем, кто мог упрекнуть его в ереси, выступить против него с обвинениями. Воззвания с таким призывом Гус велел распространить на трех языках: чешском, немецком и латинском.

Наряду с этим он улаживал и свои личные дела, писал друзьям письма, на конвертах которых иногда значилось: «Прошу тебя не открывать сего письма, разве только будешь уверен, что меня нет в живых». Он отдал также последние распоряжения, а свое идеологическое завещание изложил в замечательном письме «Друзьям на прощание», написанном в октябре того же года.

«Магистр Ян Гус, в уповании священник и слуга Господа нашего Иисуса Христа, всем верным и любезным братьям и сестрам во Иисусе Христе, слышавшим и приявшем через меня слово Божье, милость и мир от Бога Отца нашего и духа святаго; да пребудут они незапятнанны во истине его.

Верные и любезные друзья мои!

Вы знаете, что я долгое время верно трудился с вами, проповедуя вам слово Божье без ереси и заблуждений; вы знаете также, что моим желанием было, есть и будет, вплоть до самой моей смерти, ваше искупление. И задумал я написать для вас проповедь прежде, чем уеду на собор в Констанц, а особливо уведомить вас о лжесвидетельствах и лжесвидетелях, коих описал я вместе с их показаниями. Сие будет вам оглашено для того, дабы вы, если меня опозорят или осудят на смерть, узнав об этом, не боялись, что я осужден был за некую ересь, в коей упорствовал, А еще для того, дабы вы без страха и колебаний стояли на правде, которую Господь Бог дал вам познать через его верного проповедника — через меня, недостойного. А в-третьих — для того, дабы умели вы лживых и лицемерных проповедников остерегаться.

И изготовился я уже без охранной грамоты в дорогу к

могущественным и многочисленным врагам моим, из коих худшие — наши соотечественники; это вы поймете по свидетельским показаниям и дознаетесь, когда собор закончен будет. А врагов у меня гораздо больше будет, чем было у вашего милосердного Искупителя епископов, и магистров, и князей светских, и законников.

Но уповаю на своего милостивого, мудрого и всемогущего Спасителя, что он по обещанию своему и по вашей верной молитве дарует мне мудрость и мужество духа святаго, дабы выстоял я и они не могли бы совратить меня на ложный путь, коли ниспошлет мне Господь претерпеть искушение, поношение, заточение или смерть, как он сам претерпел и возлюбленных слуг своих тому же обрек. Он дал нам пример, чтобы страдали мы во имя его и во имя спасения души своей.

А посему, милые братья и милые сестры, молитесь усердно, да дарует мне Господь твердость и да избавит он меня от осквернения. И если смерть моя послужит во славу ему и на пользу нам, да допустит он меня приять ее без страха злого, если же больше пользы будет в моем возвращении, да охранит он меня в дороге туда и вспять, дабы мы, оставшись чистыми, еще совместно могли законы его изучать и сети антихристовы по мере сил разрывать, да грядущим братьям добрый пример завещать.

Но, верно, вы уже не увидите меня в Праге перед смертью моей. Если же всемогущий Бог пожелает возвратить меня вам — тем радостнее мы узрим друг друга; паче же возрадуемся, встретясь во царствии небесном… Дано лета Господня 1414 по празднике св. Вацлава при отъезде в Констанц».

Это прощальное письмо, которое сознательно приведено здесь почти полностью, по форме своей напоминает скорее молитву. Оно полно набожных чувств, и речь его близка по духу библии. Но как оно при этом человечно, как по-человечески возвышенно! Ведь это один и тот же, без конца видоизменяющийся, но неувядающий призыв к моральной стойкости, к верности, истине. Почему Гус постоянно возвращается здесь к этому мотиву? Прежде всего для того, чтобы ободрить тех, кому адресовано письмо. Снова он думает о них, не о себе, им стремится он придать мужества и стойкости. Сколько раз он упоминает о смерти! Но ни разу — со страхом. Он просто предполагает такой исход и даже приветствует смерть, если она послужит делу правды и принесет всем пользу.

В письме есть и два более конкретных замечания.

В одном месте Гус упоминает, что выедет в Констанц без охранной грамоты. Он и действительно не стал дожидаться, пока Сигизмунд пришлет ему охранный лист. Вероятно, его друзья и

сопровождающие не сомневались, что получение грамоты — дело верное и можно положиться на то, что она вовремя будет вручена Гусу. Маршрут был выработан с таким расчетом, чтобы встретиться с двором Сигизмунда, не доезжая до Констанца. Сам Гус, возможно, вообще об этом не думал, он был уже целиком во власти своей задачи — выступить с живым словом на заседании собора.

Второе замечание касается врагов-соотечественни-ков, которые уже опередили его на пути в Констанц или намеревались это сделать. К тому времени, когда Гус выезжал из Чехии, в Констанце уже находился известный Михал де Каузис. Этот человек давно следил за процессом Гуса и стремился ускорить его еще тогда, когда исполнял должность прокуратора по вопросам веры в Риме. Затем пражский архиепископ отправил в Констанц особое посольство, которое должно было представлять на этом церковном съезде чешское архиепископство. Возглавлял эту церковную делегацию литомышльский епископ Ян Железный, заклятый враг Гуса. В Констанц отправились и два человека, некогда самые близкие сердцу Гуса: его бывший учитель и образец — Станислав из Знойма и «друг» Штепан Палеч. Первому судьба не позволила до конца сыграть его мрачную роль: магистр Станислав умер по пути, в Индржиховом Градце. Зато Палеч доехал. Доехал, и как только очутился в Констанце, немедленно объединился с Михалом де Каузисом, чтобы всеми средствами погубить бывшего друга и соратника.

Фигура Палеча и вся его эволюция представляют печальный интерес. Огромный интеллект и разум соединились в нем со слабым характером. Палеч начал свой путь так же и в том же направлении, что и Гус. Он правильно понимал окружающую действительность ir верно видел и ее основу и ее пороки. Он живо на все это реагировал, и даже гораздо горячее и непримиримее, чем более спокойный и уравновешенный Гус. Но если в Гусе жила глубокая внутренняя уверенность, то у Палеча ее не было, и потому он возмещал ее внешней эффектностью своих выступлений. Как вызывающе, например, в сравнении со своим другом Яном защищал он когда-то Уиклифа.

Но вот появилась опасность. Более спокойный и твердый духом Гус не согнулся перед ней, Палеча охватил страх. И в тот момент, когда Гус, сознавая всю опасность, понимая все последствия своего поведения, остался на своей точке зрения, у Палеча вспыхнула ненависть к Гусу.

Почему? Потому, что он завидовал его мужеству и силе, которых сам не имел, потому, что, когда он заколебался и отступил, он не мог не стыдиться Гуса! Слабый человек не в

состоянии простить сильному, если обнаруживает при нем свою слабость.

А встав на путь ненависти, подгоняемый жгучим чувством неполноценности, Палеч безудержно падал все глубже, переходя от несогласия к открытой вражде, которая и бросила его в объятия врагов Гуса. Палечу не оставалось выбора — он отождествил себя с ними, не сознавая уже, что в душе своей больше борется с собою, чем с Гусом.

Сколько таких палечей веками сеяло и сеет яд своих измен, разочарований в себе!

В свой последний приезд на несколько дней в Прагу — еще в то время, когда он жил в Козьем замке, — Гус от одного из постоянных посетителей Вифлеемской часовни, портного Ондржея Полака, услышал пророческие слова прощания: «Да будет Бог с тобою! Кажется мне, ты не вернешься…»

Мы, знающие, куда именно отправлялся Гус, навстречу какой судьбе и какому концу, со странным чувством читаем набросок проповеди, которую он писал в последние дни для того, чтобы произнести ее на Констанцском соборе. Он хотел начать ее словами «Мир дому сему…» и собирался говорить в ней о мире, о мире божьем и человеческом, о справедливости и законе Христа.

11 октября 1414 года Гус пустился в свой славный путь из замка Краковец. Его свита насчитывала около тридцати всадников, на двух возах везли припасы и корм для лошадей.

Гуса сопровождали чешские дворяне Ян из Хлума и Вацлав из Дубы — оба выбранные и назначенные Сигизмундом на роль «живой охранной грамоты», Ян Кардинал в качестве представителя Пражского университета, и бакалавр Петр из Младоневиц, которому мы обязаны подробным описанием дальнейшей судьбы Гуса; остальную часть свиты составляли слуги.

Наконец настал момент, когда Гус и его друзья пересекли границу Чешского королевства и оказались на немецкой земле. Они знали, сколько россказней распускали в чужих землях о еретичестве Гуса, и были готовы к тому, чтобы на каждом шагу встретить враждебное отношение, которое может даже представлять опасность для жизни.

Это ощущение опасности усугублялось еще и тем, что Гусу предшествовала весть о его приближении, той же дорогой впереди него двигались купцы со своими караванами, и слух о чешском еретике передавался из уст в уста торговцами, гонцами, возницами, проникал в деревни, села и города. Еще хуже было то обстоятельство, что Гуса примерно на день опередил какой-то епископ, тоже направлявшийся в Констанц и кричавший повсюду,

что за ним едет проклятый еретик, колдун, обладающий волшебной силой «читать мысли» людей.

А Гус и не стремился сохранять инкогнито, «едучи явно, с открытым лицом, как священник, и сам повсюду громко объявляя свое имя и звание народу», как писал он в одном из писем домой, в Чехию.

К великому своему изумлению, Гус и его спутники не встретили ничего такого, к чему мужественно подготовились. Гус нигде «не встретил явного врага». Всюду его встречали с одним чувством — с глубоким любопытством.

Почти сразу за чешской границей, в Бэрнау, его пригласил к себе побеседовать тамошний приходский священник. «И когда я вошел в комнату, он тотчас налил мне большую чару вина и ласково весьма вместе с друзьями своими все мое учение принял и заявил, что всегда был мне другом. Затем в Новом Граде (Нейштадте) все немцы дружелюбно на меня смотрели. Проехали через Вейден, где среди многочисленных жителей вызвали удивление. А когда прибыли в Сульцбах, зашли в корчму, в которой (как раз) заседал ландрихт (Landgericht — земский суд). Там, в зале, пред коншелами и старшинами, я сказал: «Вот я, магистр Ян Гус, о котором, полагаю, вы слышали много дурного; вопрошайте же меня!» И когда мы многое обсудили, дружелюбно весьма меня приняли. Затем мы миновали город Хиршфельд, в котором нас опять встречали с великим радушием. Миновав же город Херсбрук, переночевали мы в городе Лауф. Там пришел ко мне приходский священник, весьма сведущий в праве, и я беседовал с ним, и он со всем охотно согласился»,

«И вот достигли мы Нюрнберга, где о нашем приезде уже разгласили купцы, опередившие нас. Поэтому на улицах стоял народ, выглядывая и выспрашивая, который же магистр Гус. А перед обедом мне прислал письмо магистр Иоганнес Хелвел, священник церкви св. Лаврентия, пишучи, что с давних пор мечтал поговорить со мною. Я ему на том же письме написал, чтобы он пришел. Тем временем прислал за мной пан Вацлав из Дубы, сообщив, что собрались горожане и магистры, желающие видеть меня и со мной беседовать; тогда я сразу встал из-за стола и вышел. И магистры передали мне, чтобы нам беседовать тайно. Я же ответил: «Я проповедую открыто и теперь хочу, чтобы слушали все, кто захочет!»* И с этого часа я говорил перед коншелами и горожанами вплоть до ночного сумрака.

Был здесь доктор один, картезианец (монах картезианского ордена), который диспут вел великолепно. И я заметил, что магистру Альберту, священнику церкви св. Зебальда, не по нраву было, что горожане соглашались со мной. К концу беседы все

магистры и горожане были удовлетворены.

Знайте также, что до сих пор я не заметил ни одного врага. И в каждой корчме я оставляю на прощание «Десять заповедей» (краткое изложение десяти заповедей, написанное Гусом и переведенное на немецкий язык) и кое-где приклеиваю их мукой (в общественных местах). А все хозяйки с мужьями принимают меня весьма приветливо. И нигде не запрещают богослужений (из-за присутствия Гуса, на которого было наложено проклятие и интердикт), а немецкое изложение (речь идет о десяти заповедях) все хвалят. Следовательно, должен я признать, что нет ко мне большей враждебности, чем у жителей Чешского королевства»[28].

Гус с воинственной горячностью использовал любую возможность, чтобы провозгласить свои взгляды, и всюду находил живой отклик. Особенно немецкий народ, сельские жители и низшее духовенство, задавленные такой же нуждой и заботами, как и чешский народ, хорошо понимали его и открывали ему не только уши, но и сердце.

И, так же как в Чехии, высшее духовенство в больших городах слушало его с настороженностью и опаской.

Благоприятные обстоятельства, сопутствовавшие ему, побудили Гуса отказаться от первоначального плана — ехать сначала ко двору короля С!игизмунда, который в то время находился в Аахене, чтобы получить у него обещанную охранную грамоту. Это очень удлинило бы путь. Итак, путешественники двинулись дальше прямой дорогой. «Король (Сигизмунд) теперь на Рейне, к нему едет (за охранной грамотой) пан Вацлав из Дубы, а мы ночью выезжаем в Констанц, к которому приближается уже и папа Иоанн. Рассудили мы, что невыгодно сворачивать к королю, сделав крюк в шестьдесят миль и (потом только) возвращаться в Констанц».

3 ноября 1414 года Гус и сопровождающие его увидели, наконец, цель своего пути — город, где созывался святой собор.

ГЛАВА 14
КОНСТАНЦ

«Констанция» — латинское название Констанца — в переводе означает «постоянство», «надежность», «верность». Когда же сюда съехались участники собора, а вслед за ними хлынули все те, кто намеревался поживиться на таком сосредоточении власти и денег, — следовало бы изменить название города, ибо прямые противоположности всех перечисленных добродетелей заполнили его улицы, дворцы и ночлежки.

Неожиданный, неудержимый поток затопил спокойный город. Со всего мира собралось здесь духовенство всех званий и титулов: Иоанн XXIII, кардиналы, архиепископы, епископы, аббаты, монахи и белое духовенство, университетские магистры и светские вельможи, князья, герцоги, графы и бароны, все со своими дружинами, придворными, слугами и воинами; прибывали посольства и послы из самых разных стран — с севера из России, из Испании, Франции, Англии и даже из Азии и Африки. За толпами этих могущественных и богатых пришельцев следовали в еще большем множестве те, кто хотел извлечь из них законную и незаконную выгоду. Приезжали и приходили всякие торговцы и финансисты — от крупных итальянских банкиров до менял и мелких лавочников; тянулись за заработком всевозможные ремесленники, писари, нотариусы, а также и астрологи, комедианты, публичные женщины, нищие и мошенники.

А из деревни в город устремлялись непрерывным потоком поденщики и безработные, ибо в Констанце вдруг стало столько работы, что не хватало рук.

Для Констанца всего этого было слишком много. В небольшой торговый городок, насчитывавший около семи тысяч жителей, за время собора последовательно съехалось до восьмидесяти тысяч пришельцев (добросовестный летописец отметил, что из этого числа было тысяча сто публичных женщин). И всех приехавших следовало разместить со всеми их лошадьми и повозками. Бюргерские дома, из тех, что получше, были освобождены для высоких сановников и иноземных посольств, а в остальных жилых домах и гостиницах были заняты все места, до последнего крошечного клочка. Город выплеснулся далеко за свои пределы; все здесь кипело и бурлило не только благодаря притоку множества людей, но и оттого, что сразу в десятки раз возросла торговля, развращая людей возможностью легкой наживы и разнообразнейших мошенничеств.

Прельстительная роскошь, большая свобода и изменение привычных порядков только ускорили разложение этого искусственно возникшего и разношерстного общества. В немецкой сатирической песенке того времени говорилось:

Несутся из Констанцы слухи:
святой собор собрался здесь.
Бегут в Констанцу потаскухи —
им тут пожива нынче есть!

В Констанце царили два божества; Мамона и Венера.

Город святого собора быстро превращался в Вавилон, где смешались языки и нравы. По окончании собора в мире повсюду стали говорить, что Констанц и «через тридцать лет не искупит грехов, которые сотворил собор в этом городе». Какое же впечатление должен был произвести Констанц на Гуса и его спутников, когда они ступили на его улицы! Наверняка впечатление это было прямой противоположностью тому, чего они ожидали. Но им предстояло еще более горькое разочарование — когда со временем они познакомились с характером самого собора.

Какова же была цель Констанцского собора и что представлял он собой в действительности?

Собор поставил перед собой три задачи: устранить папскую схизму путем утверждения единого папы, провести реформу церкви и искоренить всякую ересь.

Но. эти возвышенные планы то и дело нарушались, так как ход собора определялся самыми разнообразными и притом нередко противоположными интересами — материальными, династическими, политическими, а по сути дела — экономическими.

Но в этой борьбе каждого против всех выделялись три главные силы.

Одной из них был Сигизмунд, к тому времени уже коронованный Римский король Германской империи. Он стремился использовать собор исключительно в своих собственных династических интересах. Сигизмунд больше чем когда бы то ни было нуждался в упрочении своего авторитета в глазах мира. Германская империя, властителем которой он теперь стал, была раздроблена на бесчисленные княжества, большие и меньшие провинции и самостоятельные имперские города. А Сигизмунд мечтал стать императором крупнейшего и сильнейшего в Европе государства, такого, как империя его отца Карла IV. Такая крупная объединенная империя была нужна ему

еще и потому, что он хотел с ее помощью окончательно отразить и ликвидировать турецкую опасность, которая постоянно угрожала в первую очередь его Венгрии. Таким образом, Сигизмунд намерен был любой ценой довести собор до успешного конца, и тот, кто вздумал бы ему в этом препятствовать, сделался бы его врагом. Так, например, когда папа Иоанн XXIII, поняв, что собор становится опасным для него, попытался бежать, чтобы сорвать разбирательство, Сигизмунд приказал его настичь, задержать и арестовать. Да и все прочие его действия в Констанце диктовались только личными интересами и выгодой. И когда позднее Сигизмунд добился, чтобы кардиналы предоставили Гусу право быть выслушанным всем собором, то он сделал это не для того, чтобы исполнить хоть часть своего обещания, но единственно из опасения оттолкнуть представителей Чешского королевства, на трон которого ему предстояло вступить. Наоборот, он не решился настаивать на последовательном выполнении гарантий, данных им Гусу, и потребовать от собора его освобождения: стоило Сигизмунду попытаться отнять у кардиналов их «добычу», как они тотчас ответили бы угрозой распустить собор.

Второй ведущей силой на соборе был папа Иоанн XXIII, сосредоточивший все свои усилия на одном: удержать на своей голове папскую тиару. Он пойдет на сделки с кардиналом, с Сигизмундом, которого попытается прямо подкупить, а в деле Гуса будет вести себя так, как этого потребуют его интересы. Он спокойно нарушит обещание, данное и Гусу и Сигизмунду, и позволит кардиналам арестовать Гуса из опасения восстановить их против себя. После этого он даже постарается ускорить процесс Гуса и как можно больше выдвинуть его на первый план, лишь бы отвести внимание от собственной персоны и выиграть время для интриг.

Третьей силой, которая влияла на ход событий, была коллегия кардиналов, высших сановников церкви после папы. До папы им было мало дела — для них важно было только укрепить могущество церкви, ибо оно было и их могуществом. Кардиналы собирались поэтому провозгласить принцип главенства собора над папой, и единственный их интерес заключался в том, чтобы не допустить ослабления могущества церкви. Вот почему те из них, которые более подробно ознакомились с делом Гуса и его учением, будут решительно настаивать на его устранении. Таковыми оказались наиболее умные и хищные из числа кардиналов — француз Пьер д'Айи, архиепископ из Камбрэ, замещавший председателя Констанцского собора, и флорентийский архиепископ Франческо Забарелла, выдающийся

знаток церковного права.

С этой «высокой» политикой переплетались в Констанце сотни других интересов больших и меньших светских властителей, которые тоже принимали участие в заседаниях, лично или через своих представителей. Сюда примешивались политические проблемы французского королевства, расколовшегося в ту пору на две династические партии, дела германские и австрийские, испанские интересы, спор рыцарей Тевтонского ордена с Польшей и т. д. и т. п., а на втором плане сталкивались интересы итальянских и немецких банкиров. На соборе затрагивались даже вопросы Восточной Европы — ведь Сигизмунд мечтал заслужить славу, объединив римскую церковь с православной.

И в этот огромный механизм, движимый всемогущими интересами империй, правительств, денег, а также тысячами мелких эгоистических побуждений, попало дело Гуса — зернышко между жерновами. Наиболее дальновидные из церковников быстро угадали, какой опасностью угрожает им Гус, и готовы были покончить с ним, другие — и таких было больше (в том числе папа и Сигизмунд) — использовали процесс Гуса в своих собственных целях, передвигая его в своей беспощадной шахматной игре так, как было нужно высокопоставленным игрокам для достижения совершенно иных целей, чем те, которые преследовал Гус. И, наконец, остальные, то есть большинство, вообще вряд ли уделяли внимание тяжбе Гуса, считая ее обычным процессом еретика, и занялись ею лишь тогда, когда уж им прямо под нос сунули официальное и публичное разбирательство. Один из кардиналов в день смерти Гуса записал в своем дневнике: «Сегодня сожгли какого-то еретика из Чехии».

По нашему мнению, раньше по незнанию считали, будто процесс Гуса был центром Констанцского собора. Но достаточно сказать, что собор заседал три с половиной года, а разбору дела Гуса было посвящено лишь несколько дней — неполная неделя! (Впрочем, следствие, допросы и работа комиссии продолжалась, конечно, значительно дольше.) И все-таки такие люди, как д'Айи, Забарелла, парижанин Жерсон и другие правильно поняли, что это, казалось бы, «мелкое дело» имеет несравненно большее и грозное значение. Чтобы разделаться с Гусом, достаточно было представить его собору как еретика — после этого можно было с уверенностью полагать, что дело пойдет обычным путем.

Однако для этих дальновидных и искушенных противников Гуса одну неприятную сторону имел и «обычный путь»: он завершался сожжением еретика. А этого они любой ценой хотели избежать, вовсе не из гуманных соображений, а потому, что им

совсем не улыбалось сделать Гуса мучеником своих убеждений и веры. Они слишком хорошо понимали, насколько слава героя-мученика повысит действенность его идеологического, нерукотворного наследия. Поэтому целью, к которой стремился собор, было публичное покаяние и отречение, вот к чему надо было принудить Гуса.

Так в планах сильных мира сего судьба Гуса была уже решена и предначертана раньше, чем он вступил на констанцскую землю.

Для Гуса было приготовлено жилище на улице св. Павла в доме почтенной вдовы ремесленника — Фиды. Его окружала здесь атмосфера приветливости и достоинства. Так же как и везде, он скоро завоевал сердца всех обитателей дома. В город он решил вообще не выходить — там ничего не привлекало его, да, кроме того, друзья просили, чтобы он не подвергал себя опасностям и по возможности реже появлялся на улицах. Но более всех этих предостережений на Гуса действовал покой, царящий в его временном убежище, покой, который он тотчас решил использовать для работы. Помимо обширной корреспонденции, его ждала прежде всего подготовка большой речи, которую он собирался произнести перед собором. И так же как в Праге и в Козьем замке, так и в Констанце стол Гуса тотчас же покрылся бумагами и книгами, и его неутомимый, боевой дух готовился к новым взлетам.

Личное обаяние Гуса уже с первых дней стало привлекать в дом многочисленных посетителей, соседей, знакомых Фиды. Со временем у них вошло в привычку участвовать в домашних молитвах Гуса, а он, пользуясь случаем, обращался к ним с краткими проповедями. Таким образом, и здесь повторилось то, что происходило во время его путешествия через Германию.

Ничто не нарушало спокойной обстановки. Тотчас по приезде чешские паны официально доложили папе о прибытии Гуса. Иоанн XXIII заверил при этом Яна из Хлума, что Гус может не опасаться никакого насилия: «Даже если бы он убил брата самого папы, ему не^удет причинено вреда». Одновременно папа отменил интердикт, вступавший в силу всюду, где появлялся Гус. Он сделал это, конечно, не ради магистра Яна, а в интересах самого собора и города, где собор заседал. Вскоре приехал от двора Сигизмунда и Вацлав из Дубы с долгожданной охранной грамотой. Ее содержание, однако, значительно расходилось с тем текстом, который обещал вписать туда Сигизмунд. Грамота не гарантировала неприкосновенности, это была, собственно, обычная дорожная охранная грамота, поручающая ее владельца благосклонности тех, кому он ее предъявит. Но это, казалось, было лишь мимолетной тенью, над которой больше задумались

оба искушенных чешских дипломата, чем сам Гус. Гус был уже целиком захвачен своей работой, тем более что в эти дни ему предстояло обдумать ответ Якоубеку из Стришбра по очень важному вопросу. Якоубек в своем письме спрашивал мнения Гуса о причащении вином не только священников, но и мирян. Гус ответил на это самостоятельным небольшим сочинением, в котором, опираясь на библию, одобрил это революционное новаторство Якоубека. Одобрил, хотя без сомнения знал, что тем самым дает в руки своих врагов новое оружие. Так было всегда у Гуса — мог ли он отречься от чего-либо, если признавал это правильным и справедливым?

Констанц, казалось, не заметил даже приезда Гуса. Никто не нарушал спокойного течения его жизни, и даже осторожным и недоверчивым чешским панам будущее стало казаться не столь мрачным.

Единственными, кто и здесь не переставал преследовать Гуса, были его соотечественники. И в первую голову Михал де Каузис, которому усердно вторил пассаусский декан Тай, тот самый, которому когда-то Гус помешал торговать индульгенциями в Чехии и чуть не сорвал все предприятие. И к этой паре, конечно, присоединился Штепан Палеч. Они расклеивали на вратах констанцских церквей публичные обвинения Гуса в ереси и усердно обхаживали кардиналов, добиваясь ареста Гуса. Но даже они не сумели привлечь к этому делу внимание отцов собора, занятых более важными заботами.

Интерес констанцских церковников к Гусу пробудился лишь после того, как в его дело вмешалась гораздо более значительная особа, — а именно кардинал д'Айи, который еще в ноябре приехал из Парижа. Д'Айи был не только образованный богослов и философ, но превосходный политик и дипломат. Этот страстный и честолюбивый старец явился в Констанц ради «высокой цели»: подготовить почву для избрания себя на папский престол после того, как собор сместит Иоанна XXIII, на что д'Айи твердо рассчитывал. Поэтому он всюду старался выставить на вид свои заслуги перед церковью, для чего стремился безжалостно устранить всякие следы ереси. Даже по дороге в Констанц он приказал казнить двух монахов, виновных в еретических заблуждениях. На Гуса его внимание обратил парижский богослов Жерсон, который еще ранее настоятельно советовал пражскому архиепископу устранить его. Девизом этого аскетически строгого и сурового француза было: с еретиками не объясняются, еретиков жгут!

Оба эти француза уже знали по примеру собственной страны, что слова еретиков могут стать искрами, воспламеняющими

пожар социальных волнении.

Так к Гусу приближалась грозная опасность, о которой не подозревали ни он, ни его друзья.

ГЛАВА 15
УЗНИК

Днем 28 ноября в покои Гуса вошли необычные гости: два епископа, бургомистр города Констанц, рыцарь Бодман, весь закованный в доспехи, и еще несколько лиц, судя по одежде, высокопоставленных. Они явились спросить Гуса, разрешит ли он им проводить его в папский дворец; пришли же они от имени святого отца и кардиналов, и это предложение следует понимать как любезное приглашение. Пану Яну из Хлума не понравился железный рыцарь среди таких высоких господ, а еще меньше понравилось то, что он увидел из окна: вся улица была заполнена городской стражей.

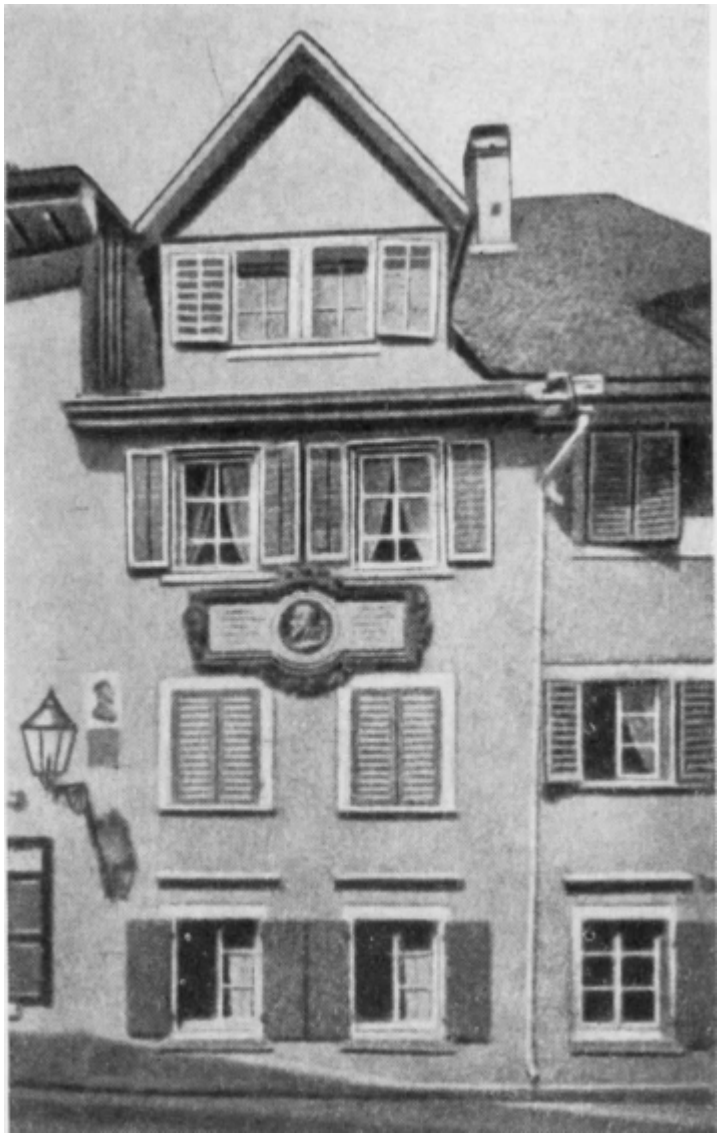
Ян из Хлума был человек вспыльчивый, и он тотчас обрушился на подозрительно вежливых гостей и с возмущением напомнил им, что Сигизмунд совершенно ясно распорядился, чтобы Гуса не трогали, пока он сам не приедет в Констанц, а если кто-либо вздумает помешать Гусу свободно высказаться перед собором, тот нарушит волю Римского короля и папы Иоанна XXIII. «Если бы сам дьявол пришел со своей тяжбой, — кричал он, — и его обязаны выслушать!»

Взволнованная речь чешского пана не вызвала и тени движения на равнодушных лицах послов. «Пан неправильно понял их визит, — возразили они. — кардиналы хотят только побеседовать с Гусом». А стража? Это охрана для чешского магистра. Спор прервал Гус: он, правда, приехал в Констанц, чтобы выступить перед всем собором, но готов говорить и с кардиналами, если они того желают. Тут Хлум заявил, что он по крайней мере будет сопровождать магистра Яна, так как отвечает за его безопасность перед Римским королем.

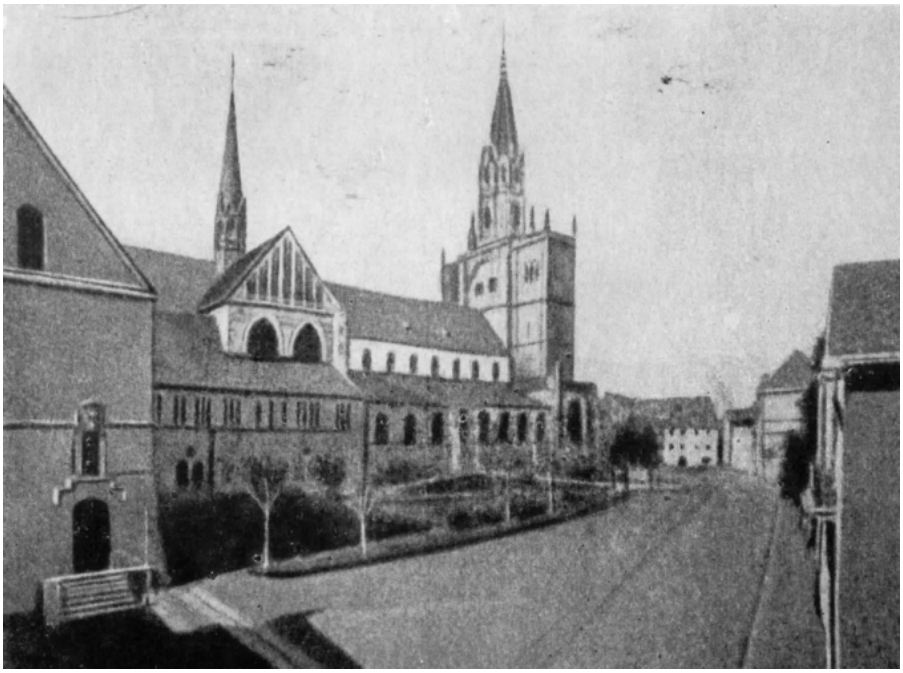
В папской резиденции Гуса действительно ожидали несколько кардиналов; они предложили ему некоторые вопросы, на которые он ответил заверением, что никогда никаких ересей не распространял, что в Констанц приехал свободно, никем не понуждаемый, и что, наконец, готов исправить свои взгляды, если его убедят, что существуют лучшие. Затем кардиналы оставили обоих чехов, и с Гусом вступил в разговор какой-то старый монах, который допекал его сначала простыми, а потом и очень сложными теологическими вопросами. Только после его ухода Гус узнал, что это был один из образованнейших богословов Испании. Эта таинственность и повторные испытания только усилили подозрения Хлума. Когда же ему предложили

отправляться домой, так как кардиналы продолжат беседу с Гусом и ждать магистра не нужно, подозрение Хлума перешло в уверенность. Он добился приема у папы и потребовал соблюдения гарантий, данных Сигизмундом.

Но в какую паутину коварства и хитрости попал этот прямодушный и воинственный человек! Люди, пришедшие пригласить Гуса, утверждали, что явились от. имени папы и кардиналов. А теперь папа со вздохами жаловался Хлуму, что бессилен, что все решают и всем руководят кардиналы, сам же он тут совершенно ни при чем. А Сигизмунд? Когда позже он узнает, что его гарантия была нарушена, он притворится возмущенным, а на самом деле? Вознаграждение за охранную грамоту Гусу — коронацию в Аахене — он уже получил, и теперь если он не будет настаивать на исполнении обещания, данного Гусу, то окажет большую услугу церковной партии.



Жилище Гуса в Констанце.



Вид констанцской соборной церкви снаружи. (Место сожжения книг Гуса 6 июля 1415 года).

Император Сигизмунд на Констанцском соборе (из хроники Рнхенталя).

Папа Иоанн ХХШ на Констанцском соборе (из хроники Рнхенталя).

Ночью Гус был отведен во временную тюрьму, так как приготовленная для него темница в подземелье доминиканского монастыря еще не была оборудована крепкими цепями и запорами. Через неделю он был переведен туда и провел в ней самые страшные месяцы — до марта следующего года. Доминиканский монастырь был построен на маленьком острове у берега Боденского озера, и зимний холод проникал в камеру через окно и каменные стены вместе с тяжелым зловонием от расположенных поблизости отхожих мест. Неожиданный и крутой поворот судьбы, физические страдания, разлука с друзьями и с внешним миром вообще — все это угнетающе подействовало на Гуса. В этом нездоровом, промозглом помещении он вскоре заболел, его мучила горячка, рези в желудке, зубная боль. Но

хуже всего было полное неведение того, что происходит вне стен тюрьмы, какова судьба его тяжбы. Если судить по тому, как с ним поступили, он мог предположить худшее. Одно пугало Гуса: что его уже не выпустят из заточения, никогда не дадут высказаться. Но Гус не терял надежды и начал работать в тюрьме, как только позволила болезнь: он принялся писать свою защитительную речь, объяснение своих взглядов, изложение некоторых вопросов — в глубине своего сердца Гус не терял надежды, что ему удастся выступить на соборе.

И вот однажды открылись двери его тюрьмы, и в камеру вошли посетители, которых ему суждено было отныне видеть очень часто. Это были члены следственной комиссии; папа поручил им подготовить материал к процессу чешского еретика. Комиссию возглавляли два епископа — они-то и руководили всеми допросами, вызывали в камеру свидетелей для очных ставок с обвиняемым.

Гус сначала отказался отвечать; он настаивал на том, что приехал в Констанц не на суд, а для того, чтобы изложить свое учение перед собором. В ответ на это один из комиссаров прочитал ему уже подготовленный смертный приговор; если же Гус не будет защищаться, приговор немедленно вступит в силу. Гусу ничего не оставалось, как прекратить сопротивление, но не для того, чтобы спасти себя, об этом Гус не думал — ему необходимо было получить возможность публично говорить перед собором.

Следственная комиссия действовала с жестокой беспощадностью, она не принимала во внимание физическое состояние узника, ее вопросы напоминали скорее брань и угрозы, и вызовы свидетелей преследовали главным образом ту же цель — запугать допрашиваемого. Среди свидетелей были немецкие профессора, которые после событий 1409 года покинули Прагу и теперь обвиняли Гуса в ненависти к немцам; пришли давать показания и заклятые враги Гуса — его соотечественники. Михал де Каузис, наконец, мог торжествовать. И когда кто-то из свидетелей заявил, что ему нечего сказать против Гуса, де Каузис оборвал его: «Ты еще не знаешь, о чем тебя будут спрашивать, и уже присягаешь, что тебе не о чем говорить? Я готов был бы свидетельствовать даже против родного отца, если бы он совершил что-либо против веры!» Зато другой, поистине «надежный» свидетель охотно заявил: «Хотя я никогда не слышал сто проповедей, но знаю, что он еретик, и скажу все что нужно». И был среди свидетелей… Палеч. Он не поколебался явиться к Гусу — как раз в дни тяжелейших приступов его болезни — и в лицо ему заявить, что «от рождения Христа не было больших еретиков,

чем Уиклиф и Гус».

Тем временем друзья Гуса в Констанце всячески старались облегчить его судьбу. Пан Ян из Хлума обивал пороги с охранной грамотой Сигизмунда и показывал ее всем встречным, жалуясь на произвол, совершенный над Гусом. Чешские дворяне позаботились о том, чтобы весть об аресте магистра как можно скорее дошла до Римского короля, и, когда Сигизмунд к рождеству прибыл, наконец, в Констанц, они беспрестанно ему об этом напоминали.

Но в то время Гус не представлял уже такой ценности для Сигизмунда, как до коронации. Римский король, правда, сделал попытку побудить кардиналов считаться с обещанием безопасности, данным им Гусу, но, встретив решительный отпор, поостерегся настраивать против себя весь собор из-за такой мелочи, как собственное слово. Но чтобы не оттолкнуть от себя и другую, чешскую партию, Сигизмунд пообещал добиться публичного выступления для Гуса. Он же устроил так, чтобы Гуса перевели в лучшее, более просторное тюремное помещение. Ни то, ни другое ничего не стоило Сигизмунду, зато для Гуса обещание, что он будет говорить публично, равнялось осуществлению самой заветной мечты. Ведь именно ради того и приехал он в Констанц, чтобы обратиться ко всему миру. Значит, ему будет дано совершить это главное и для него единственно важное деяние! С этого момента все прочие заботы о личной судьбе, о ходе процесса и о его результатах как бы отступили в мыслях Гуса на второй план.

Несколько ослабела и неусыпная бдительность сторожей, обрекавших его на полную изоляцию: Гус мог теперь связаться с миром, правда, пока лишь посредством писем, которые его тюремщики тайно проносили из тюрьмы и в тюрьму. Январем 1415 года начинается ряд писем. Их сохранилось более пятидесяти. Они адресованы панам, сопровождавшим Гуса в Констанц, а также далеким друзьям в Чехии.

Письма Гуса из тюрьмы проникнуты заботой о тех, кому они адресованы, но не о своей судьбе. Он не жалуется на свою долю и в большинстве писем обращается к верным своим с одной лишь просьбой — молиться за него, вернее, за то, чтобы он не утратил стойкости и твердости. И когда он в виде исключения говорит о себе, то всегда уверяет, что он в хорошем настроении, и добавляет: «Не печальтесь обо мне. Кого это может касаться?» Зато как озабоченно он призывает и наставляет друзей, чтобы они дома не устрашились, не поколебались в вере, остались стойкими и бесстрашными, чтобы они не верили клеветникам и тем, кто лжесвидетельствовал здесь, в Констанце, будто Гус еретик.

Поэтому Гус часто в своих письмах подробно анализирует свой процесс и обвинения, предъявленные ему, опровергая и отвергая их, — и все для того, чтобы помочь выстоять своим верным. И если в письмах иной раз и прозвучат нотки озабоченности, то это, как правило, озабоченность судьбою других людей! Так, в одном из первых своих писем он запрещает Иерониму, своему верному другу и соратнику, ехать вслед за ним в Констанц, ибо это значит подвергаться опасности; дело в том, что когда-то Иероним обещал Гусу прийти на помощь, где бы тот ни оказался.

Письма Гуса, которые он писал «в темнице сидя, за что не стыжусь», — великое, гордое свидетельство любви, любви к правде и к людям.

Перед этим большим сердцем не устояли даже тюремщики Гуса: из сторожей, ключников и надзирателей они стали со временем его друзьями. Как глубоко характеризует Гуса то, что он, беспомощный узник, находившийся под угрозой смерти, нашел время и душевную силу написать для своих стражников несколько маленьких трактатов, которыми они могли бы руководствоваться в жизни. В одном и в этих трактатов говорилось «О покаянии», во втором — «О грехе», узнав же, что тюремщику Роберту предстоит свадьба, Гус написал специально для него сочинение «О браке».

Тем временем на воле, за стенами тюрьмы, происходили решающие события.

Положение папы Иоанна XXIII ухудшалось с каждым днем. Коллегия кардиналов явно брала над ним верх. И когда папе стало ясно, что ему не удержать за собой престола апостола Петра, он решился на смелый шаг. 20 марта Иоанн, переодетый, бежал из Констанца, надеясь добраться до французской территории, чтобы оттуда распустить собор и начать новую борьбу со своими соперниками.

Когда на другой день весть о бегстве папы облетела Констанц — город и собор охватила паника. Итальянские кардиналы, приверженцы Иоанна XXIII, попытались последовать примеру своего пастыря, торговцы запирали лавки, опасаясь уличных беспорядков, и многие были уверены, что собор разваливается.

Сигизмунд, понимая, что такой конец сорвет все его планы, предпринял решительные шаги. Он приказал закрыть городские ворота, купцам велел опять разложить товары и пригрозил тяжелым наказанием каждому, кто осмелится распространять тревожные слухи. Сам он с трубачами объезжал улицы, призывая людей к спокойствию. За бежавшим папой Сигизмунд выслал вооруженную погоню с повелением арестовать беглеца. Эти крутые меры спасли собор.

Крупные события, связанные с бегством папы, отразились и на окружении Гуса. Папские стражники покинули тюрьму, и епископ, которому был поручен надзор над заключенным, обратился к кардиналам за дальнейшими указаниями; но во всеобщем смятении никто не знал, что надо делать, и даже коллегия кардиналов не хотела принять ключи от тюрьмы Гуса, так что он некоторое время вообще находился без охраны, о чем Гус догадался лишь потому, что никто не являлся в камеру и не приносил ему пищу. В конце концов кардиналы передали ключи… Сигизмунду!

И вот Гус очутился в руках Римского короля — человека, который когда-то обещал ему защиту и гарантию свободы. Хлум и пан из Дубы тотчас обратились к Сигизмунду с настоятельной просьбой немедленно открыть двери тюрьмы Гуса.

И действительно, вечером 22 марта тюремные двери открылись. Но вошли в них не друзья Гуса, которых он ждал с минуты на минуту, а многочисленные вооруженные стражники; они вывели узника на берег Рейна, где уже стояла на якоре приготовленная лодка. Когда все погрузились, она поплыла по течению в ночную тьму. Еще до рассвета лодка пристала к берегу, над которым высился замок епископа констанцского Готтлибен.

Там, в высокой башне, и был заключен Гус, с этой минуты совершенно отрезанный от мира. Связь с волей стала невозможной, ибо прежних приветливых надзирателей сменила суровая военная стража, с которой немыслимо было договориться.

Одиночество Гуса стало теперь полным.

Сигизмунду и в голову не приходило действительно освобождать Гуса. Собираясь со временем наследовать королю Вацлаву, он вовсе не желал, чтобы в Чехии жил такой опасный человек, причиняющий постоянные беспокойства и затруднения, кроме того, Сигизмунд знал, что, защищая Гуса, он раздражит кардиналов, которые сейчас больше чем когда-либо были полны решимости продолжать заседания собора.

Но кардиналы тоже намеревались довести до конца процесс Гуса. Допросы были окончены, и следователи передали дело в комиссию по делам веры, чтобы та, рассмотрев материал с богословской точки зрения, подготовила бы выводы для окончательного судебного разбирательства. Во главе этой комиссии был поставлен кардинал д’Айи.

Когда чешские паны, жившие в Констанце, убедились в тщетности своих усилий добиться помощи от Сигизмунда, они отправили срочных гонцов в Чехию и Моравию с просьбой помочь Гусу дипломатическим путем.

По инициативе земского гетмана Моравии, пана Лацека из Краваржей, 8 мая 1415 года в городе Брно собрались моравские дворяне, которые решили послать Римскому королю грамоту протеста. В грамоте моравские дворяне, напомнив Римскому королю его гарантии Гусу, писали: «Мы слышим и с трудом верим тому, что затрагивает честь Твоей Милости, милостивого наследника нашей короны и государя. И мы надеялись, что Твоя Милость соблаговолит обдумать, как сделать, чтоб охранная грамота сохранила силу свою… Теперь же, по слухам, после бегства папы, Гуса перевели в суровейшую темницу и противно христианским законам сковали ему руки и ноги так, что не может он добиться никакой справедливости, а сего и язычники не учинили бы». В заключение моравские паны призывали Сигизмунда «избавить справедливого человека от жестокого заточения и выслушать его публично, да не бесчестить его так коварно, втихомолку, нарушая закон, право и охранные гарантии!» Четырьмя днями позднее подобный протест принял и общий сейм Чехии и Моравии. Это послание чешско-моравского дворянства, скрепленное двумястами пятьюдесятью печатями, было срочно отправлено Сигизмунду. Аналогичный протест выразили на заседании всего собора и чешские дворяне, присутствовавшие в Констанце, их поддержали поляки.

Все это в конце концов заставило собор согласиться на выполнение обещания, данного Сигизмундом чехам в Констанце: Гусу было разрешено выступить публично, был установлен и день выступления — 5 июня. Такое решение было принято главным образом ради Сигизмунда как будущего повелителя Чешского королевства.

Дня за два до этого Гуса перевезли из готтлибенской темницы обратно в Констанц, во францисканский монастырь[29], в трапезной которого ему назначено было выступать. Он знал уже, что наступает решающий день, которого он так добивался, на который направлены были все его мысли и надежды последних месяцев.

Во францисканской тюрьме для него сделали многие послабления и кормить стали лучше — ведь ему предстояло выступить перед людьми, а все должны видеть, как человечно обходится церковь со своими противниками.

Так 5 июня 1415 года магистр Ян Гус впервые предстал перед отцами собора.

ГЛАВА 16
СЛУШАНИЕ

Первое заседание 5 июня носило странный характер. В зал не был допущен никто из друзей Гуса; из-за дверей они слышали лишь однообразные и бесконечные чтения обвинений и показаний свидетелей да еще крики возмущения, раздававшиеся сразу, как только Гус собирался заговорить. «Слушание» превратилось в «заглушение». Только когда его выводили из зала, друзья могли обменяться с ним несколькими словами. Под свежим впечатлением только что вынесенного — всех этих окриков, оскорблений, клеветы и унижения, на которые не поскупились его судьи, он воскликнул при виде друзей: «Не стыдитесь за меня!» Те тотчас стали уверять его, что никогда и не подумали бы об этом. Но Гус уже и сам опомнился и с улыбкой сказал: «Знаю, знаю».

Бешеная травля, какой подвергся Гус на этом заседании генерального комитета собора, не поколебала его. Оставалось лишь одно: отложить дело в надежде, что если оно не удалось в первый раз, удастся позднее. Гус приветствовал такую отсрочку, он рассчитывал, что за это время его друзьям удастся склонить Сигизмунда к тому, чтобы он добился для Гуса настоящего «слушания».

Продолжение «слушания» последовало 7 и 8 июня.

На этот раз оно проходило уже не «при закрытых дверях». Присутствовали и сопровождавшие Гуса чехи. В числе их находился бакалавр Петр из Младоневиц, который подробно записывал для себя все, что он видел и слышал, начиная с того самого дня, когда выехал с магистром из Чехии. Разбор дела Гуса генеральным комитетом собора записан особенно подробно — нет сомнения, что Петр из Младоневиц не только был очевидцем его, но и делал заметки прямо во время заседания.

К удивлению многих, Сигизмунд принимал участие в обоих заседаниях. Очевидно, это была еще одна уступка грозным требованиям, прозвучавшим в грамотах протеста чешско-моравских дворян.

Допросы, производимые в течение обоих дней, основывались на показаниях свидетелей как пражских, так и констанцских и на выдержках из книг Гуса; тот и другой материал готовила следственная комиссия. Прежде всего рассматривались богословские вопросы о том, например, остается ли во время мессы хлеб хлебом или же превращается в тело господне. Гуса

снова обвиняли в том, что он защищал Уиклифа и одобрял его. Конечно, весь «разбор» снова свелся главным образом к перечислению жалоб и обвинений, и как только Гус делал попытки дать объяснение или выступить в свою защиту, в трапезной раздавались крики возмущения и угрозы со стороны его врагов, так что Гус даже заметил с горьким презрением: «Я надеялся на большую честность, большую доброту и порядок в этом собрании, чем это имеет место здесь».

Но тут на него набросились с жалобами, что он повинен в «изгнании» немцев из Пражского университета, что тем самым он «погубил» университет и что в Констанц он приехал не по своей воле, как он постоянно хвалится, но будучи вызванным на суд.

Этого не мог уже стерпеть Ян из Хлума и с возмущением крикнул на весь зал, что эго ложь, ибо магистр Ян мог спокойно и в полной безопасности остаться в Чехии и жить там сколько угодно; он сам, Ян из Хлума, хотя он всего лишь один из мелких и бедных чешских дворян, «отважился бы целый год укрывать Гуса от любых сил, но в Чехии есть и более могущественные паны, которые почитают магистра и не поколебались бы защищать его в своих замках, даже против обоих королей (Чешского и Римского)!».

Заседание грозило превратиться в беспорядочное беснование, и только вмешательство Сигизмунда успокоило страсти.

Включившись в дебаты, Сигизмунд попытался объяснить характер своей охранной грамоты, доказывая, что ее цель достигнута, раз Гус предстал перед отцами собора для «публичного слушания» — ведь именно этого хотел Гус. Затем король обратился непосредственно к нему: «Мне, как и кардиналам, ничего не остается больше, как призвать тебя, оставив упрямство, отдаться безоговорочно на милость собора. Ради меня, ради моего брата, ради королевства Чешского, собор примет тебя милостиво и наложит на тебя не слишком тяжкую эпитимию [30]. Если же ты будешь упорствовать — отцы собора найдут, как с тобой поступить».

После этого король с угрозой заявил, что никогда не стал бы спасать еретика, а, наоборот, первый отправил бы его на костер. «Поэтому советую тебе еще раз: отдайся на милость, и как можно скорее, чтобы не навлечь на себя еще горшую вину!»

На это Гус повторил, что он явился в Констанц по своей воле, без принуждения и не для того, чтобы безрассудно настаивать на чем-то, а чтобы получить разъяснения, если он в чем-либо заблуждается.

Так и второе «слушание» закончилось неудачно для церковных обвинителей.

Следующий день был посвящен разбору сочинений Гуса. Гусу пришлось жестоко бороться почти за каждое слово своего учения. Он доказывал, что сознательно или невольно, но выдержки из его книг часто были приведены неточно или что отдельные фразы, вырванные из текста, приобретают иной смысл, и все же между взглядами Гуса и точкой зрения церкви оставалось слишком много расхождений, и цитаты из его произведений снова вызвали гнев, крики и проклятия.

И как же было не возмущаться представителям могущественной и неприкосновенной церкви, когда они слышали слова Гуса о том, что сам папа, не исполняющий заповедей божьих, — антихрист, все грешные священники недостойны того, чтобы их слушали. При этом д'Айи не забыл указать на одно из самых опасных прегрешений Гуса, состоявшее в том, что подобные «еретические» взгляды он без колебания возвещал народу. Что это, как не удар по самой церкви и попытка разрушить ее здание?

Всем этим Гус затрагивал самую основу не только церковного, но и всякого авторитета вообще. И умный д'Айи не упустил такого случая, чтобы еще больше возбудить гнев Римского короля против своей жертвы. Когда Гус признался в своем убеждении, что «папа, епископ или священник, живущий в смертном грехе, не является папой, епископом или священником перед Богом», д'Айи быстро спросил: «А король, который грешит?» — «Да, — ответил Гус, — также и король, который живет в смертном грехе, не является в глазах Божьих подлинным королем».

Победоносно взглянул д'Айи на Сигизмунда, но тот как раз беседовал с одним из своих придворных и не слышал, о чем идет речь. Однако кардинал-прокурор не отказался от своей мысли: он обратил внимание Римского короля на то, что сейчас разбирается очень интересный вопрос, и заставил Гуса повторить его слова. И Гусу, который прекрасно видел ловушку, оставалось только подчиниться. Весь зал замолк в напряжении, ожидая, что ответит Сигизмунд. Но, к великому всеобщему разочарованию, Сигизмунд только ухмыльнулся и сказал: «Ян Гус, кто же живет без греха?» Случайно или, может быть, в результате минутного настроения вместо оскорбленного императора в нем заговорил циничный светский человек. Тогда, чтобы спасти положение, д'Айи сам обрушился на Гуса: «Мало тебе того, что ты своими сочинениями и своим учением порочишь духовное сословие? Теперь ты хочешь подрывать и основы королевства и свергать королей с их тронов?»

Впрочем, обвинению представилось еще много случаев выставить Гуса в роли еретика и опасного мятежника. Поводом к

этому послужил, например, взгляд Гуса на церковь как на невидимое сообщество тех, кому предуготовано спасение души с Христом во главе; присутствовавшим «видимым» представителям церкви это показалось нападкой на них самих. А Гус осмелился даже поставить под сомнение сам принцип папства, совершенно логично заявляя, что ведь существование церкви не прекратилось, хотя именно этот собор только что сместил «единственно законного» папу Иоанна XXIII.

Еще одной причиной возмущения была апелляция Гуса к Христу, что, собственно, перечеркивало всю систему инстанций церковного суда. Или точка зрения Гуса, что неправильно карать еретика смертью. «Еретика, — заявлял Гус, — следует мягко и с любовью к Богу убеждать выдержками из Священного писания и разумными доводами, как это делал св. Августин». В ответ тотчас поднялся шум: присутствовавшие кричали, что Гус говорит так из страха, желая избежать смертного приговора. Но настоящую бурю вызвала фраза Гуса, что «слепое послушание церкви — не что иное, как человеческая выдумка священников, которая противоречит Священному писанию».

Однако самый бешеный взрыв негодования вызвали известные взгляды Гуса на имущество и собственность, право на которые он признавал только за праведниками. «Но каждый, кто владеет собственностью, хотя живет во грехе, — вор».

Поток жалоб, обвинений и клеветы остановил, наконец, главный обвинитель, ведущий процесс, — кардинал д'Айи. «Магистр Ян, две дороги открываются ныне перед гобой, — выбери одну из них. Или ты отдашься на милость собора и подчинишься его решению, а мы поступим с тобою мягко и справедливо, или, если ты и дальше хочешь защищать некоторые свои взгляды и потребуешь повторного «слушания»— мы не откажем тебе. Но помни, что здесь присутствует много ученых мужей, докторов и магистров, которые привели столько убедительных и неопровержимых доказательств против твоего учения, что я опасаюсь, как бы ты не впал в еще худшую ересь, упорствуя в защите его. Говорю тебе все это потому, что хорошо к тебе отношусь — не как судья твой, но как отец и друг».

Это д'Айи — друг и отец Гуса! Как ясно проглядывало из этих нарочито приветливых слов то же стремление, что так недвусмысленно ощущалось и в предшествующих нападках и угрозах: «Отрекись! Отрекись!»

И Гус понял эту ласковость так же хорошо, как и недавние крики. И не мог ответить иначе:

«Достойные отцы, я приехал сюда свободно и Богом прошу вас выслушать меня и дальше, чтобы мог я разъяснить свое

учение. Если же мои доказательства *и* примеры из Священного писания не будут убедительными, я рад буду поучиться у вас».

Это показалось отцам собора поистине злостным упрямством: «Как? Он готов подчиниться только доводам разума? А не выговорам, не приговору?!»

Обе стороны оказались на противоположных и непримиримых позициях. Гус добивался того, чтобы с ним дискутировали, чтобы ему доказали, если он не прав, убедили бы его, церковное же собрание требовало подчинения диктату, не дискуссий с Гусом, а суда над виновным.

«Знай же тогда, — отвечал д'Айи, разгневанный уже до последней степени, — что, по мнению шестидесяти ученых докторов, «убеждать» тебя надо только так: заставить тебя признаться, что ты заблуждался в артикулах, как мы тебе указали, и принести клятву, что ты не будешь ни учить по этим артикулам, ни проповедовать, в-третьих, отречься от них, в-четвертых, с этой минуты писать и проповедовать обратное тому, что ты до сих пор ошибочно защищал!»

Гус столь же взволнованно ответил:

«Во имя милосердия Божия, но ведь это противоречит моей совести — отрекаться от фраз, которых никогда не произносил. Не надевайте мне на горло петлю проклятия, не вынуждайте меня лгать и отрекаться от того, чему я никогда не учил, ибо это показали против меня лжесвидетели! Нельзя же отречься от выдуманного и несуществующего, ибо клятвенно отречься можно лишь, когда отказываешься от ереси, в которой пребывал ранее!»

То, чего не сумели достичь прелаты, попытался сделать Сигизмунд: он стал уговаривать Гуса подчиниться мнению стольких ученых, умнее которых он, вероятно, не хочет себя считать. А что касается отречения от взглядов, которых он, дескать, и раньше не придерживался, так и на это у Римского короля нашелся совет, отвечающий его циничному характеру: «Почему бы тебе не отречься клятвенно от всех ересей, даже если их ты и не проповедовал? Я бы это сделал без колебаний, разве из этого следует, что я их признавал?» — «Ваша милость, — отвечал Гус, — совсем не одно и то же — просто отказаться от ереси или клятвенно от нее отречься. Я не хочу оскорблять ни свою совесть, ни бога, а это и случилось бы, если б я клятвой подтвердил отречение от ересей, которых никогда не исповедовал».

Не было ни малейшей возможности договориться. Здесь столкнулись два мира.

Еще какое-то время продолжались попытки запугать, сломить Гуса — все тщетно, хотя Гус был уже на грани физического изнеможения. Надежды на возможность принудить Гуса к

отречению явно слабели; поток обвинений, правда, еще долго не иссякал, но все уже чувствовали, что они напрасны. Наконец замолчал и д'Айи, озлобленный и неудовлетворенный: грозило свершиться именно то, чего он так не хотел, — склонить Гуса к отречению не удастся, и собору ничего не останется, как осудить его и тем самым увенчать мученическим венцом.

В это время в собрании прозвучал голос, который должен был тягостно подействовать даже на самых заклятых врагов Гуса, — слово взял Штепан Палеч. До этой минуты он всеми средствами старался сделать положение Гуса как можно более тяжелым, не колеблясь, прибегал ко лжи и искажениям фактов, лишь бы только достичь заветной цели: уничтожить своего бывшего друга, а ныне смертельного врага.

Подстегиваемый личной ненавистью, уязвленным самолюбием и иными страстями, он заявил теперь:

«Беру в свидетели его королевское величество и вас, достопочтенные отцы, что в своих обвинениях против Гуса я не руководствовался личной злобой, в чем богом клянусь; все это я делал лишь для того, чтобы остаться верным присяге, которую я принес как доктор богословия». В наступившем тягостном молчании раздались последние слова Гуса:

«Ныне стою пред судом Божьим, который по заслугам рассудит и меня и вас».

Когда Гуса увели из зала заседаний, чешские дворяне стали случайными свидетелями разговора, происшедшего между Сигизмундом, кардиналом д'Айи и некоторыми другими сановниками.

«Вы уже слышали, — сказал король, — одного того, что содержится в его (Гуса) книгах, достаточно для осуждения. Поэтому, если он не захочет отречься от ереси, пусть его сожгут. Но знайте, как бы он ни обещал, что готов отречься или уже отрекся, не верьте ему, даже я ему не поверил бы. Ведь если он вернется в Чехию к своим сторонникам, он начнет проповедовать новую ересь, и тогда будет еще хуже».

Этот случайно услышанный разговор был одной из самых важных вестей, привезенных чешскими дворянами из Констанца. Он был предзнаменованием всех будущих отношений Сигизмунда к чешскому наследству. Излишни были опасения Сигизмунда, что Гус может когда-нибудь вернуться в Чехию. Даже в том невероятном случае, если бы Гус отрекся, как этого от него требовали, собор уже имел для него готовый приговор, поистине милостивый: пожизненное заточение!

ГЛАВА 17
В ОЖИДАНИИ СМЕРТИ

Это третье «слушание», — а оно явно было последним, — безжалостно разрушило все надежды Гуса, надежды не только на то, что он сумеет вырваться из рук врагов, но и на то, что исполнится его единственная мечта — свободно обратиться с речью к совести христианства. Завтрашний день был скрыт от него темной завесой, а когда она подымется, Гус мог ждать уже только одного — смерти.

Мир не услышит больше его слов.

И все же он услышал! Услышал в свидетельских показаниях и цитатах, прочитанных на суде, и хотя были эти слова искажены и извращены, их революционное содержание прогремело грозно и породило несмолкаемое эхо; а тем словам, которые Гус посеял в человеческих сердцах на родине своей, — им предстояло прорасти и дать миру двойной урожай: золотой урожай правды и кровавой расплаты.

Как же воспринял Ян Гус все, что произошло во время этих трех «слушаний», как подействовало на него трехкратное разочарование?

Лучше всего это объяснит нам письмо, которое он написал друзьям в Чехию 10 июня, то есть через два дня после последнего вызова на суд собора:

«Магистр Ян Гус, в уповании слуга Божий, всем верным чехам, кои любят и будут любить Господа Бога, шлет пожелание свое, дабы Господь Бог дал им в милости его жить и умереть и в радости небесной навеки пребывать. Аминь.

Ян Гус, ведомый к месту казни (из хроники Рихенталя).

Ян Жижка.

Верные и возлюбленные во бозе паны и пани, богатые и бедные!

Прошу вас и внушаю вам повиноваться Господу Богу, прославлять слово его, внимать ему охотно и исполнять его. Прошу вас, ту правду Божию, о которой я вам по Божьему закону и по речам святых писал и проповедовал, — держитесь правды той. Прошу также, если кто слышал от меня на проповеди или в частной беседе что-либо противное правде Божией или если я где-нибудь что-либо подобное писал — чего, надеюсь на Бога,

нет, — того не держитесь. Прошу также, если кто видел легкомыслие в моих речах или в делах, тому не следовать, но Бога за меня просить, дабы изволил он простить меня.

Прошу вас любить и восхвалять и чтить священников добрых нравов, во славе Божией (проповедников). Прошу вас остерегаться людей лукавых, а пуще того, священников недостойных, о них же Спаситель говорит: «Овечья на них шкура, внутри же — волки хищные».

Прошу господ быть милостивыми к бедноте и обращаться с ними по справедливости. Молю горожан честно вести свою торговлю. Прошу ремесленников добросовестно ремесло свое исправлять и пожинать Плоды его в мире. Прошу слуг верно служить своим господам и госпожам. Молю магистров, чтобы они, ведя праведную жизнь, учеников своих по совести учили и прежде всего любить Бога, учить во славу его, на процветание общества и своего спасения ради, а не ради корысти или для почестей мирских. Прошу студентов и прочих учеников, дабы наставников своих они во всем добром слушали, и подражали им, и учились бы усердно во славу Божию и для спасения своего и других людей.

Всех же я прошу благодарить панов — пана Вацлава из Дубы, пана Яна из Хлума, пана Индржиха из Плумлова, Вилема Зайца, пана Мышку и других панов Чехии и Моравии, а также и верных панов королевства Польского за их заботу и быть признательными им за то, что они, как доблестные Божии защитники и ревнители правды, восставали против всего собора (Констанцского), часто в спор вступая и требуя освобождения моего, и в особенности пан Вацлав из Дубы и пан Ян из Хлума; верьте тому, что они расскажут вам, ибо и они были на соборе, когда я несколько дней ответы давал. Они знают, кто из чехов какие многие и недостойные вещи на меня возводил, как весь собор против меня кричал, как я отвечал на то, чего от меня требовали.

Прошу вас также молить Господа Бога за его милость короля Римского и Чешского (Вацлава IV) и за свою королеву и панов, дабы ниспослал Господь наш возлюбленный им и вам милость свою ныне, и присно, и во веки веков, аминь.

Письмо сие писал я в тюрьме, в оковах, ожидая смертного приговора, уповая на Бога, что не даст он мне от правды Божией отступиться и отречься от ересей, неправедно возведенных на меня лжесвидетелями.

Насколько милостив был ко мне Господь Бог и как он был со мною в тяжких испытаниях, узнаете, когда мы встретимся в радости у Бога и с помощью его.

О магистре Иерониме, возлюбленном моем товарище, ничего не слышал, кроме того, что и он ввержен в строгое узилище и ожидает смерти, как и я, за веру свою, которую он доблестно *чехам доказал* [31]. А те чехи, что злейшие враги наши, предали нас другим врагам во власть и в заточение. Прошу вас, молите *за* них Господа Бога.

А к вам, пражанам, особая просьба моя: не забывайте Вифлеемскую часовню, пока угодно Богу, чтобы проповедовалось там слово Божье. За это место и разгневался дьявол, видя, что там рухнуло царство его. Уповаю, что сохранит Господь это место, доколе ему угодно будет, и даст другим успешнее проповедовать слово свое, чем дал он мне, недостойному.

Еще прошу вас: любите друг друга, добрых насилием теснить не давайте и за каждым правду его признавайте.

Дано сие в понедельник, в ночь на св. Витта, через доброго немца».

И в этом письме Гус не упоминает ни о себе, ни о своих заботах. Прощаясь со своими верными, он говорит лишь о том, что им могло бы принести пользу, и единственная просьба, с которой он обращается к ним, касается Вифлеемской часовни.

Открытое «слушание» представляло собой не что иное, как грандиозную попытку запугать Гуса — попытку, в которой приняли участие многочисленное собрание высших прелатов, и король Сигизмунд, и все грозные и мрачные обычаи строгого судебного процесса. Но ничто не поколебало стойкости Гуса. Поэтому после неудачных попыток «слушания» прекратились. Гуса оставили в тюрьме, куда приходили теперь отдельные кардиналы и прелаты в надежде сломить его сопротивление настойчивостью, угрозами и заманчивыми предложениями, обещая смягчить формулу отречения так, чтобы сделать ее приемлемой для Гуса. Но и эго не имело успеха; бесполезно было искать согласия относительно внешних формальных деталей, когда принципиальные точки зрения обеих сторон столь непримиримо расходились. Одного не могли понять церковные сановники: откуда у этого простого священника, чем-то напоминающего крестьянина, берется столько силы, что он, сын маленькой «варварской» страны, в состоянии отражать и угрозы страшной, могущественной церкви и доводы разума ученейших представителей итальянской и французской церковной иерархии. Так и не поняв этого, они облегчили себе разгадку, объяснив все упрямством и «закоренелостью» еретика.

Но источники силы Гуса были иные. В сущности, их было два: Гус знал, что борется за дело истинное и справедливое, за правду; нет и не будет в мире и в человеке источника силы более

могучего и животворного, чем этот. Вторым источником, укреплявшим его дух, было сознание того, что в этой тяжбе он не одинок, что речь идет не только о нем, что он, изменив, сбил бы с толку и поколебал бы тысячи людей, слушавших его и веривших ему. Гус чувствовал себя органически связанным с массами своих верных, о которых (не о себе!) он не переставал думать; он не имел права разочаровать, не имел права отнять у них уверенности, не имел права затемнить для них смысл великой борьбы, в которую все они вместе вступили.

В этот период произошло еще одно событие, которое стало новым препятствием на пути к возможной договоренности между Гусом и церковью: собор торжественно осудил причащение мирян из чаши. Эту реформу мессы завел в Чехии Якоубек из Стрщибра. Гуса это безмерно взволновало: «О, какое безумие, — писал он в одном письме, — осуждать как ересь евангелие Христа, послание апостола Павла, которое, как он сам говорит, принял от Христа, и осуждать деяния Христа, деяния апостолов — я имею в виду причащение из чаши, установленное для всех взрослых верующих».

Вскоре после этого собор постановил сжечь книги Гуса.

Вообще июньские дни, последовавшие за «слушанием» Гуса, наполнили его тюремное уединение волнением и тревогой. Собор велел еще раз подвергнуть изучению статьи, взятые из сочинений магистра, и, хотя на этот раз они уже не были столь искажены и от некоторых из них обвинители отступились, все же это не приблизило примирения. Не привели к нему и все новые и новые варианты формулы отречения. Все чаще проникали в камеру вести, заставлявшие понимать, что роковой конец неотвратим. Наиболее жестоко, вероятно, выразился Михал де Каузис, умышленно громко крикнув за дверьми темницы Гуса: «С Божьей помощью мы скоро сожжем этого еретика, на которого я потратил уже много денег!».

То время, когда Гусу не надо было отвечать на судебную корреспонденцию, на запросы и призывы и когда он не был занят с незваными посетителями, приходившими увещевать его, он отдавал главным образом письмам своим друзьям. От этого периода сохранилось более тридцати его писем, и даже тогда, когда Гус ожидал смерти, они ни в чем не меняют и не искажают образ его духа и сердца; скорее наоборот — эти письма еще яснее очерчивают его героический характер.

В письме, где он благодарил своих спутников по дороге в Констанц, он напоминал им, что нужно идти «не за королем смертным и слабым, но за королем славы, который дает жизнь вечную… Всегда звучало в сердце моем: «Не полагайтесь на

князей!» Гус проявлял трогательные заботы о расходах, связанных с пребыванием его сторонников в Констанце, — ведь они понесли их ради него; думает он и о том, достаточно ли позаботился о своих людях на родине: «Моего Иржика и Фараржа (ученики, прислуживавшие Гусу, когда он жил еще в Праге) попросите не сетовать на то, что я не вознаградил их достаточно за службу, ибо не мог… я. А те, кто одолжил мне деньги (на дорогу), — не знаю, кто им заплатит, кроме Иисуса Христа, ради которого они одалживали. Все ж я хотел бы, чтобы те, кто богаче, сложились и заплатили беднейшим».

Пану Индржиху Шкопеку из Дубы он писал, чтобы тот «жил, как закон Божий велит, и хранил бы то, что от него (от Гуса) слышал». В письме магистру Мартину из Волыни, своему «ученику и брату»,

Гус посылает несколько советов и замечаний и перечисляет множество лиц, которым Мартин должен был передать привет, в том числе «докторам, милым братьям во Христе, сапожникам, портным и писателям — их тоже приветствуй и передай им, чтобы тщательно блюли закон Христа и следовали бы не своим, а святым учителям». «Сыновей брата моего, — продолжал Гус, — если тебе удастся, обрати к ремеслу, ибо боюсь, если вступят они в духовное сословие, не соблюдут сан свой как должно. Кредиторов, которым я должен, вознагради, как сумеешь; если же согласны они Бога ради и из любви ко мне простить (долги), Господь воздаст им сторицею. Если научился ты от меня чему хорошему — того держись; если же что заметил у меня нехорошее — отвергни и проси Бога, чтобы изволил смилостивиться надо мной. Постоянно думай о том, кто ты есть, кем был и кем будешь».

Какому-то прелату, который действительно искренне хотел помочь Гусу, он ответил: «Весьма благодарен за вашу любезную отеческую помощь. Но я не решаюсь, как вы предложили, подчиниться собору. Во-первых, потому, что тогда я должен буду осудить много правд, которые, как я слышал, они называют возмутительными; во-вторых, потому, что совершу грех клятвопреступления, если клятвенно отрекусь от ересей, которых якобы придерживался; а это смутит дух очень многих людей Божьих, ибо они слыхали от меня в проповедях прямо противоположное… Должен ли я из страха перед наказанием, которое продлится мгновение, тяжко погрешить против закона Божьего — во-первых, отступившись от правды, во-вторых, преступив клятву и, в-третьих, возмутив ближних своих?»

В другом письме он одобрял решение пана Яна из Хлума уйти с королевской службы: «Пан Ян, оставьте же службу королям

смертным и со своею женой и детьми пребывайте дома в служении Богу. Вы ведь видите, как вертится колесо мирской суеты — одного вознося, другого пригибая к земле; а высоко поднятому на краткий лишь миг дает оно радость, за которой следует в огне и тьме наказание вечное».

Смещение Иоанна XXIII Гус сопроводил словами: «Теперь уже известно вам поведение духовных, называющих себя истинными и несомненными наместниками Христа и его апостолов, именующих себя святой церковью и святейшим собором, который не может заблуждаться, хотя заблуждался! Ибо раньше Иоанну XXIII кланялись коленопреклоненно, ноги ему целовали и святейшим звали, хотя ведомо им было, что — мерзкий убийца, содомит, симонист и еретик, как записали они при его осуждении».

Передавая в своих письмах приветы, Гус всегда боялся, как бы кого-нибудь не забыть: «Приветствуйте всех друзей, коих не могу перечислить, а если бы одних назвал, а других нет, те, которых не назвал бы, не подумали бы, что не помню о них или не люблю их». Не только для себя, но ради поддержки всех своих верных снова и снова приводил Гус слова Христа: «Благословенны будете, когда люди будут ненавидеть вас, и изгонят вас, и поносить будут, и извергнут имя ваше как злое для Сына человека».

И нет ни одного письма друзьям в Чехии, где бы он не просил их *«не* бояться и не устрашиться… Помня об этом, стойте крепко!»

Письмо за письмом рисует облик магистра Яна, и даже эти несколько случайно выбранных фраз указывают, сколь цельным, твердым и последовательным человеком был Гус; в самых разных обстоятельствах характер его проявлялся всегда под одним и тем же знаком: под знаком глубокой правдивости и великой, чистой моральной силы.

В длинном письме от 24 июня с небывалой силой зазвучал несломленный дух борца: «Ну, отвечайте, проповедники, учащие, будто папа есть Бог земной, будто он не может грешить, не может впадать в грех симонии, как говорят юристы, будто папа есть глава всей церкви святой, ею же правит достойно он весьма и духовно питает ее, будто он — прибежище для каждого христианина. И се — уже снята *сия* глава, связан Бог земной, обличен во грехах и отвержен, дабы никто к нему не прибегал. Собор поносил его как еретика и в том винил, что продавал он индульгенции, епископства и прочие прибыльные должности, а осудили его те, из коих многие у него же покупали… Был среди них и Ян, епископ литомышльский, который дважды торговал архиепископство пражское, да другие его перекупили… О, если бы Господь Иисус сказал в собрании сем: «Кто из вас без греха

симонии, тот пусть обличает папу!» Думается мне, что выбежали бы один за другим…» А в письме, написанном двумя днями позже, Гус еще раз возвращается к характеристике собора: «Поелику же в беспорядке таковом проходил собор, сотворивший больше зла, чем добра, — вы, верные и Богу милые христиане, не приходите в ужас от решений их, которые, уповаю на Бога, не пойдут им впрок. Разлетятся они мотылькам подобно, а решения их будут — паутина. Так хотели они запугать меня — и не могли Божью силу во мне одолеть… Пишу вам это, дабы знали вы: никакие писания их и доводы не одолели меня, хотя и хитростью пытались и угрозами заставить меня отречься и в том ложную клятву принести. Но милостивый Бог, закон которого я славил, был со мною и, надеюсь, будет до конца. Писано в тюрьме, в оковах, в ожидании смерти».

А время текло над крышами тюрьмы, и с каждым днем приближался конец.

ГЛАВА 18
«И НА ПРАВДЕ СЕЙ ГОТОВ С ВЕСЕЛИЕМ УМЕРЕТЬ НЫНЕ…»

День 1 июля 1415 года стал днем, когда Гус, наконец, прекратил непрерывные попытки собора и соборных отцов склонить его к отречению. Этим днем датировано послание, которое он направил церковному собранию: «Я, Ян Гус, в уповании священник Иисуса Христа, боясь оскорбить Бога и боясь впасть во грех клятвопреступления, не хочу отречься ни в целом, ни поодиночке от артикулов, кои приводили против меня лжесвидетели, ибо я — видит Бог, — я таких артикулов не проповедовал и не придерживался. Далее: что касается отрывков из моих сочинений, хотя бы тех, которые были приведены правильно, говорю: если какой-либо из них ложен (но ложность его следует, конечно, доказать с помощью Писания), то я от сего отрекаюсь. Боясь, однако, оскорбить правду и говорить против мнения святых праведников, я не хочу отрекаться ото всего огульно… Говорю сие и пишу свободно и добровольно. Писано собственной моей рукой, дня первого июля».

Тем самым Гус бесповоротно решил свою судьбу. Теперь, отрезав себе путь к отступлению, он ожидал уже только физической расправы.

Тем не менее, к великому его удивлению, кардиналы предприняли еще одну попытку и снова воспользовались для этого всем своим ослепительным могуществом: 5 июля Гуса опять вызвали в монастырскую трапезную, где собрались представители собора, и там прочитали ему формулу отречения, составленную кардиналом Забарелла. Этот проект был верхом уступчивости, какую только мог проявить собор по отношению к Гусу. Вместе с тем он красноречиво свидетельствовал о том, как неприятно было для церкви сознавать, что, осуждая Яна Гуса, она делает из еретика мученика. Проект отречения полностью согласовался с тем, что сказал Гусу Сигизмунд во время июньского «слушания». Гус должен был поклясться, что *не* защищает и не будет защищать еретические положения, и от него вовсе не требовали признания в том, что он придерживался их ранее. Гус правильно заключил, что даже такой текст все же содержит признание в том, что произносящий его осознает теперь свои прежние еретические заблуждения. И в ответ Гус лишь еще раз сослался на свое послание от 1 июля и заявил, что не изменил своей точки зрения.

«И остановились на том, чтобы его все-таки сжечь, не дав ему никакого поучения из Священного Писания, как он об этом просил».

Сигизмунд тоже попытал еще раз счастья. Он послал к Гусу в камеру четырех епископов вместе с панами Яном из Хлума и Вацлавом из Дубы. Король рассчитывал главным образом на то, что чешские паны сумеют найти способ уговорить Гуса отречься, тем более что именно они так близко принимали к сердцу судьбу магистра. Хлум и Вацлав из Дубы, правда, охотно согласились отправиться к Гусу — это давало им возможность лишний раз свидеться с любимым другом, но они не позволили злоупотреблять своей привязанностью к нему, как бы ни стремились к спасению жизни Гуса. Пан Ян из Хлума обратился к Гусу мужественно и открыто: «Магистр Ян, мы миряне и не слишком-то учены; но если ты чувствуешь себя на неверном пути и виновным хоть в немногом из того, в чем обвиняет тебя этот собор, не стыдись отступиться и отречься от этого. Если же твоя совесть говорит тебе, что ты не повинен в этом, не делай ничего против совести, не солги пред лицом Божьим, но лучше до смерти стой за ту правду, которую познал ты из закона Божьего». И Гус, заплакав, смиренно отвечал: «Пан Ян, знай твердо — если б было мне ведомо, что я когда-нибудь что-либо еретическое писал, учил или проповедовал против закона Божьего и святой церкви, я был бы готов с покорностью отречься от этого, Бог свидетель! И я все еще прошу их дать мне более правильные выводы и поучения из Писания. Если покажут они мне лучшее Писание (лучший вывод из библии), чем тот, которому я учил, о котором писал и проповедовал, — и я всем сердцем отрекусь». Едва он договорил, один из епископов спросил его: «Неужели ты мнишь себя мудрее всего собора?» И магистр Ян ответил: «Я не мню себя мудрее, но дайте мне самого малого из собора сего, дабы наставил и поучил меня лучшими и более непоколебимыми выводами из Священного Писания, и я готов тотчас отречься».

Оставшись к вечеру один, Гус закончил этот предпоследний день своей жизни написанием двух писем.

Одно из них было адресовано «друзьям правды» и обращалось ко всему христианскому миру; в нем Гус призывал читателей не верить ложной вести о его осуждении и смерти — он никогда не был еретиком и никогда не был упрямцем. До последней минуты он готов был отречься, если бы ему доказали, убедили, что он не прав. Затем он коротко рассказал, какие способы применял против него собор, как ему недвусмысленно приказывали отречься, как старались воздействовать на него угрозами и обещаниями. «И какие тогда я изведал соблазны, знает один Бог!»

В другом письме он прощался с друзьями в Чехии:

«Бог да пребудет с вами! И да наградит он вас наградой вечной за то многое добро, что вы мне сделали. Еще прошу — ради меня, хотя уже и мертвого телесно — не допустите вреда какого для пана Яна, верного и доблестного рыцаря, благодетеля моего; прошу о сем ради Господа Бога, милый пан минцмистр [32] Петр и пани Анна! Еще прошу вас хорошо жить, слушать Бога, как до сих пор слушали.

Королеве, милостивой госпоже моей, передайте благодарность от меня за все, что она для меня сделала.

Передайте привет челяди вашей и другим верным друзьям, перечислить коих невозможно.

Прошу также всех молить за меня Господа Бога, его же святою милостию мы скоро, с помощью его, увидимся, аминь.

Писано в ожидании осуждения на смерть, в тюрьме, в оковах, в надежде, что терплю муки за Божий закон.

Ради Господа Бога не допустите погибели добрых священников!

Магистр Гус, в уповании слуга Божий».

Дальше следуют обращения к друзьям. Одно из них гласит так: «Петр, друг любезнейший, оставь себе мою шубу в память обо мне!» Имеется б виду Петр из Младоневиц.

Благодаря подробным записям очевидца Петра из Младоневиц можно рассказать и о последнем дне жизни Гуса — 6 июля 1415 года.

В этот день с утра (была суббота) Гуса забрал из тюрьмы архиепископ рижский и под усиленным конвоем отвел его в главный констанцский храм, где собрался весь собор на торжественное заседание в присутствии Римского короля. Сановники церкви были в праздничных облачениях, Сигизмунд — в королевских одеждах; по бокам четверо высших придворных держали знаки его императорской власти: императорскую корону, державу, скипетр и меч.

Гуса оставили за дверью до тех пор, пока в храме не закончилось утреннее богослужение — чтоб «сей еретик» не осквернил его своим присутствием. Только после окончания мессы Гуса ввели и поставили перед собравшимися. После мессы, которой открывалось заседание, один из епископов произнес проповедь, тему для которой выбрали многозначительную: «Да уничтожен будет телесный сосуд греха!» Проповедь закончилась прямым призывом. «А посему уничтожьте всякую ересь и заблуждение и прежде всего сего закоренелого еретика, которого зрите пред Собою, злоба же его поразила мором многие края».

После этого началось заключительное заседание суда над

Гусом.

Сначала был дан обзор предшествующих этапов: тяжба с пражским архиепископом; вызов в Рим; разбирательство и расследование, проведенные в Констанце. Затем прочитали выдержки из положений Уиклифа и Гуса, осужденных собором. Несколько раз, когда выдержки из его сочинений искажались, Гус попытался прервать чтение, но ему не давали говорить, заглушая окриками; наконец в бессильном возмущении он воскликнул: «Именем Бога прошу, выслушайте меня, дабы не думали близстоящие, будто я ересь проповедовал, потом делайте со мной, что хотите!»

Но и теперь ему не дали высказаться; кардинал Забарелла грубо отвечал ему: «Молчи, мы уже достаточно тебя слушали!»

Тогда Гус отвел глаза от своих врагов и, возведя их к сводам храма, опустился на колени и стал тихо молиться.

Во время свидетельских показаний все повторилось: те же попытки Гуса восстановить в них истину или вскрыть их лживость, те же злобные окрики, которые заставили обвиняемого замолчать.

И такая же, для Гуса заранее проигранная борьба, поднялась по поводу его апелляции к Христу, по поводу проклятия, которому он не подчинился, по поводу толкования св. Троицы и тому подобное.

Этим завершился перечень грехов Гуса, составленный обвинителями. Затем поднялся один из епископов и огласил приговор: лишить Яна Гуса духовного Сана, предать проклятию и выдать светским властям для наказания.

Гус выслушал приговор спокойно, не переставая молиться. Потом он еще раз повторил, что не считает себя виновным в учении и распространении ересей, и еще раз подчеркнул, что признает любые свои заблуждения, если ему это докажут на текстах писания. Он закончил обращением к Христу, умоляя простить его врагов, которые его «несправедливо осудили, очернили и обвинили, ложных свидетелей призвали, ложные артикулы выдумали».

К лишению священнического сана приступили безотлагательно. Обряд исполняли семь епископов; они надели на Гуса сутану и дали ему в руки чашу. Гус сопровождал эту жестокую церемонию замечаниями, полными горькой иронии: «Когда господина моего Иисуса Христа отправили к Пилату в белом одеянии, его насмешкам подвергли!» Одетого таким образом Гуса возвели на приготовленный помост, где епископы торжественно отобрали у него чашу и сорвали с него сутану. Тут настала заминка — епископы не могли договориться, чем остричь

Гуса, чтоб сравнять тонзуру[33], — бритвой или ножницами. И Гус сказал: «О, епископы сии даже в кощунстве к согласию Прийти не умеют!»

Все эти обряды означали, что Гус перестал быть «членом церкви» и «храму и церкви Божьей больше нечего делать с ним и предают его суду и власти светской».

На голову Гуса в знак того, что он еретик, надели бумажную корону с нарисованными фигурами чертей и с надписью: «Ecce heresiarcha!» («Се — ересиарх»!), сопровождая это проклятием: «Вручаем душу твою дьяволам». А Гус ответил: *«Я* же вручаю ее воплощению добра, Господу Иисусу Христу».

Отлученный от церкви и переданный светским блюстителям порядка, Гус вторично оказался во власти человека, который собственноручной грамотой обещал ему безопасность. Но и на этот раз Сигизмунд не собирался держать слово. Он передал теперь осужденного одному из вельмож своего двора, тому, кто стоял у трона и держал императорскую державу. Петр из Младоневиц отметил его имя: «Клемов сын»; ему выпало на долю сопровождать Гуса в его последний путь. «Сняв с себя одеяние княжеское, в котором он ту державу (императорскую) держал, взял он магистра Яна Гуса и передал его в руки палачей. И приступив к магистру Яну, сказал: «Магистр Ян, отрекись еще — и жизнь сохрани». Тогда магистр Ян сказал ему: «А кто ты есть?» Тот отвечал: «Геркулес молодой». И молвил Ян Гус: «Не гневайся на меня, я-то думал, что ты палач». Тогда тот, покраснев, оглянулся на короля».

О последнем пути Яна Гуса, о пути, на котором он переступил порог, отделяющий жизнь от смерти, послушаем слова очевидца Петра из Младоневиц. Эти слова «простые», как сам он замечает, но они лучше всех изображают кончину Гуса, ибо это слова любви, восхищения и глубокой преданности.

Петр из Младоневиц написал обширную повесть о констанцском периоде жизни Гуса — с момента, когда тот пересек границу Чешского королевства, и до его смерти. Он ежедневно делал заметки о том, что видел и слышал, присовокупляя к своим записям многочисленные копии документального материала. Из последней части этой повести он сделал позднее извлечение, составленное на чешском языке; оно должно было познакомить широкие слои читателей с историей осуждения Гуса и его смертью. Это небольшое произведение, которое ставило своей целью увековечение памяти магистра Гуса для поощрения стойкости его верных, носит название «Страсти магистра Яна Гуса». В нем Петр из Младоневиц следующим образом описывает последний путь Гуса с того момента, когда он

вышел из храма:

«Идя на смерть, он говорил тем, кто шел рядом, чтобы они не думали, будто он хочет принять смерть за ереси, в которых его ложно и несправедливо обвинили свидетели по наущению его смертельных врагов: «Ибо все время просил я доказательств из Писания, и того мне до сего времени не дали». Люди же из этого города (Констанца) были в доспехах, провожая его на смерть.

И когда он пришел на место, где должен был умереть, преклонил колени и, руки сложив и очи горе возведя, набожно молился. А паче псалом: «В руки твоя, Господи, вручаю душу свою», неоднократно прочитал громко и радостно, так что стоящие рядом хорошо его слышать могли.

Место, на котором он был сожжен, представляет собой как бы деревенский луг, среди огородов констанцского предместья, на пути из города в крепость Готтлибен, где перед тем магистр Гус пребывал в заточении.

Когда он так молился, некоторые миряне, стоявшие около, сказали: «Мы не знаем, какие вещи он до сих пор говорил или делал, но вот видим и слышим — святые слова говорит он и молится». Иные же сказали: «Поистине хорошо было бы дать ему исповедника». А один священник, сидя на коне в зеленом кафтане, красной тафтою подбитом, с манжетами раструбом, сказал: «Негоже слушать его, и исповедника нельзя ему дать, ибо еретик есть!»

Преклонив колени, Гус продолжал молиться и только усмехнулся, когда с его головы упала позорная бумажная корона. Кто-то из наемников, стоявших около, сказал: «Возложите ее опять ему на голову, да сожгут его вместе с чертями, хозяевами его, которым он служил здесь».

Тогда, восстав от места сего по приказу палачей, высоким и ясным голосом, так что хорошо слышен был, так стал молиться: «Господи Иисусе Христе, готов я с любовью и покорностью принять сию жестокую и ужасную смерть за светлое твое Писание и за то, что проповедовал святое слово твое; прости же, прошу, всем врагам моим!» Тотчас его вокруг стали водить, а он увещевал их и всех просил не думать, будто он проповедовал, учил или придерживался какой-либо из тех ересей, что ему ложно приписывали. Еще просил дать ему говорить с тюремщиками его. И когда они приступили к нему, он благодарил их, говоря: «Спасибо вам, мои милые братья, за все доброе, что вы мне сделали, ибо были вы не только стражами моими, но и милыми братьями. И знайте, уповаю на Спасителя своего, во имя его же святого закона, хочу с любовию смерть сию принять, что с ним буду царствовать». Так по-немецки сказал он им.

Тогда, сняв с него черный кафтан и оставив в одной рубашке, привязали его руками назад к какому-то толстому просверленному колу, стянули веревками в шести или семи местах: в первом — у щиколоток, во втором — под коленями, в третьем — над коленями, в четвертом — над чреслами, в пятом — у поясницы, в шестом — у пояса, в седьмом — под мышками, а руки связали сзади; кол же, с одного конца заострив, в этот луг, в землю воткнули. И когда лицом его к восходу солнца обратили, некоторые из стоявших около сказали: «Поверните его лицом к западу, а не на восток, ибо он еретик!» И сделали так. Затем за шею привязали его к колу какой-то черной, сажею покрытой цепью, на ней бедняк один котелок свой над огнем вешал. А под ноги ему две вязанки дров положили. На ногах же еще были у него башмаки его и оковы. Тогда вокруг него со всех сторон уложили вязанки дров вперемежку с соломой, до самого живота и по самое горло.

И прежде чем поджечь, подъехали к нему императорский маршал, а с ним Клемов сын, в последний раз увещевая магистра жизнь свою во здравии сохранить и клятвенно отречься от учения своего и проповедей. Магистр же отвечал высоким и ясным голосом: «Бог свидетель, никогда я не учил тому и не проповедовал того, что мне несправедливо лжесвидетелями приписывается. Ибо первой целью моих проповедей, учения и сочинений и прочих всех деяний было только спасти людей от греха. И на правде этой, которую писал и проповедовал, которой учил я, взяв ее из закона Божьего и толкований святых докторов, готов с веселием умереть ныне…»

Услышав это, маршал и Клемов сын хлопнули в ладоши (дав знак для палачей) и отъехали в сторону. И палачи его (Гуса) тотчас подожгли (зажгли костер). И магистр Ян гласом великим запел: «Христос, Сын Бога живаго, помилуй нас!» И еще раз: «Христос, Сын Бога живаго, помилуй меня!» А в третий раз, когда пел: «Иже родился от Девы Марии», поднялся ветер 'И бросил ему пламя в лицо. Тогда он умолк, молясь про себя до тех пор, пока не испустил дух. А перед тем как умереть, тихо шевелил губами и качал головой, как человек, который скороговоркой три раза произносит: «Отче наш».

А когда вязанки дров, сгоревшие вокруг него, рассыпались, а тело еще на колу за шею держалось, будучи привязано цепью, тогда палачи, палками повалив тело вместе с колом в огонь, еще гораздо больше дров подбросили и, обходя кругом, кости палкой разбивали, чтобы быстрее горели. А найдя голову, палкой ее развалили. А сердце, найдя среди внутренностей, палку заострив, особо на палку ту насадили. Сжигая его на сем

вертеле, еще палкой били. Тем временем палач одежду его (Гуса) держал, а Клемов сын, узнав, что сия одежда магистра, приказал ему со всем прочим, что там было от Гуса, с кафтаном и с поясом в огонь бросить, говоря: «Чехи это святыней сочтут и почитать станут»; палачу же обещал сам заплатить [34].

Сжегши все дотла, весь пепел с землею вместе довольно глубоко выкопали, на тележку насыпали и бросили в Рейн, текущий поблизости, желая память о нем навеки — поскольку это в их силах — изгладить из сердец его верных».

ГЛАВА 19
ПОБЕДИВШИЙ СМЕРТЬ

Как безрассудны были те, кто приказал уничтожить всякий материальный след Гуса, чтобы чехи не могли унести с собой в память о нем даже горсть пепла! Великие люди — творцы, связавшие свою жизнь, свое дело и борьбу свою с судьбами своих современников, не могут исчезнуть, они не умирают, когда смерть разрушает их тело. Их вклад в дело будущего живет вечно, и его нельзя уничтожить. Уже во времена сожжения Гуса ревностным отцам Констанцского собора пришлось бы сжечь все Чешское королевство, чтобы искоренить идеи Гуса, ибо он по-прежнему жил в сердцах и в памяти всех тех, кто когда-либо слушал или читал его. Слова его не умолкли и по-прежнему звали к борьбе.

Процесс Гуса представлял собою лишь незначительный эпизод в ходе всего собора. И даже те, кто понимал, насколько опасен Гус, рассматривали все дело лишь как случай проявления ереси, которую нужно любой ценой устранить, как, впрочем, и всякую ересь вообще. На первый план интересов и действий собора выдвигались заботы и проблемы гораздо большего европейского и даже мирового значения. Но вскоре стало ясно, что эпизод с чешским «еретиком» Гусом по своим серьезным последствиям затмил все эти «всемирно-исторические проблемы».

После сожжения Гуса Констанцский собор продолжался еще почти три года, до апреля 1418 года. Но результаты его были плачевны. Из трех основных задач, стоявших перед собором, была выполнена, по сути дела, лишь одна: собор покончил с затяжным расколом и восстановил единство в верхах католической церкви, низложив трех пап и избрав (в ноябре 1417 года) на их место нового, «единственно законного», — Мартина V Зато все задуманные великие реформы церкви свелись к нескольким мелким, частичным изменениям. Собор не решился вскрыть корень зла — это слишком затронуло бы интересы духовенства и главным образом материальные. Что же касается борьбы с ересью, то здесь собор мог похвалиться лишь осуждением трудов Уиклифа и казнью Гуса, за которой менее чем через год последовала мученическая смерть еще одного чеха, друга и соратника Гуса — Иеронима Пражского.

Бесконечные и сложные совещания, торжественные заседания, политические шаги, договоры, заявления, планы, программы, вся дипломатия и интриги Констанцского собора

легким дымом развеялись в вихре времен. До последнего слова и буквы исполнились пророческие слова Гуса: «Разлетятся они (члены собора) мотылькам подобно, а решения их будут — паутина».

Единственное из всех дел Констанцского собора пережило века, оставаясь нетленным, было именно то дело, которое собор старался уничтожить, изгладить из памяти людской: воспоминание о Гусе и сила его учения. Искры констанцского костра зажгли вскоре пожар. Из слов Гуса выковали гуситы и духовное оружие свое и булаву Жижки. Старый феодальный мир вынужден был созвать под свои знамена стотысячные армии крестоносцев, снова и снова пытаясь расправиться с гуситской Чехией, как Констанцский собор расправился с Гусом. Но несокрушима мощь правды! Неудача за неудачей постигала судей Гуса, исполнителей их воли и последователей. И когда крупнейший поход крестоносцев потерпел в 1431 году позорное поражение у Домажлиц (крестоносцы обратились в бегство, едва заслышав боевую песнь приближавшихся гуситов), папе, императору и их вассалам пришлось признать свое бессилие, признать, что мечом нельзя одержать победу над «Божьими бойцами», нельзя одолеть тех, за которыми правда будущего. «Божья правда» — называли ее гуситы, но что это было, как не та правда, те законы, тот строй, который делает мир более справедливым, таким, чтобы людям лучше жилось? И это понимание «Божьей правды» гуситы сознательно внесли позднее в свою программу, доказательством чего являются современные им проповеди, статьи и организации и, наконец, как самый выразительный пример — сам гуситский Табор[35] периода его основания и первых лет существования. Естественно, что именно этим стремлениям установить более справедливый общественный порядок препятствовал бесчеловечный, устаревший феодальный строй, поддерживаемый и поощряемый прежде всего церковью — самым могущественным феодалом средневековья.

Чтобы по достоинству оценить все величие мужества, с которым Гус выступил против церкви, нужно представить себе ее безграничное могущество в ту эпоху. Она действительно была сильнейшей мировой державой. Вознесенная над всеми мирянами — от монарха до последнего крепостного, она царила над ними именем бога как его наместник и провозглашала себя единственным посредником между богом и людьми. Она утверждала, что в ее руках спасение души человека и что она властна распоряжаться душами верующих в посмертной жизни: послушные церкви попадут в рай, прогрешившие против нее не минуют ада. К тому же все учение церкви основывалось на том,

что загробная жизнь с ее вечными блаженством или муками гораздо важнее преходящего земного существования. За этим крылась тщательно продуманная мысль: к чему заботиться о том, как прожить эту короткую часть жизни? К чему стремиться изменять ее, улучшать, если она столь мало значит? Лучше использовать ее для того, чтобы обеспечить себе блаженство в «царствии небесном». А этого можно достичь прежде всего покорностью и служением церкви и власти, данной от бога. Зачем же противиться и восставать против тягот такого служения? Ведь наоборот, только в страданиях и испытаниях земной жизни добивается человек права на посмертное вознаграждение — вечное блаженство, которого нет и быть не может в этом тленном мире! А человек средневековья глубоко верил в рай и ад и потому находился в плену страха, который церковь использовала для господства над ним.

Именно это позволило ей править верующими в своих собственных интересах и в интересах светской власти, охотно поддерживавшей выгодную для них политику церкви. Так церковь усиливалась в политическом отношении, богатела и укрепляла свое положение. Огромные материальные богатства, принцип непререкаемости авторитета, в котором никто не смел усомниться, и учение о неизменности порядка в мире, созданного по воле божьей, — вот три краеугольных камня, на которые опиралась римская церковь.

И против этой-то сильнейшей державы мира ополчился Гус!

Только в самом начале своей борьбы мог он рассчитывать на поддержку университета и королевского двора. Церкви удалось вскоре лишить его этих союзников и обезвредить их. Под конец Гусу остались верны лишь несколько самых смелых друзей, бессильных поодиночке — как Иероним! — и большая община его слушателей из народа, у которых уже и подавно не было средств защитить его. Так в столкновении со страшным противником Гусу оставалось надеяться исключительно на свои собственные силы.

Это был поединок маленького безоружного Давида с тысячью всемогущих Голиафов.

И в этом поединке Гус победил!

Церковь и ее союзники — феодалы — физически уничтожили Гуса. Но перед мыслью его, неустрашимой, нетленной, они капитулировали. Капитулировали тогда, когда дух Гуса, его слова и борьба стали духом, словом и борьбой тысяч людей, чье право на жизнь с самого начала было той почвой, на которой возросло учение Гуса.

Через семнадцать лет после смерти магистра Яна феодальному миру пришлось отбросить меч, выбитый из его рук

гуситами, и смиренно согласиться на то, в чем было отказано Гусу. По поручению папы и императора Сигизмунда новый вселенский собор, созванный в Базеле, пригласил в 1432 году гуситов, но уже не для суда над ними, а чтобы вести с ними, как с равными, переговоры и диспуты по тем самым вопросам, за которые был сожжен магистр Ян.

О том, в каком затруднительном положении оказались церковь и Германская империя после неоднократных провалов крестовых походов, ярче всего свидетельствует послание кардинала Юлиана, в котором он умолял папу не чинить гуситам зла. Юлиан возглавлял последний крестовый поход в Чехию, столь печально закончившийся у Домажлиц. Теперь ему было поручено организовать заседание Базельского собора, на которое были приглашены гуситы. Из этого послания видно, что гуситская проблема вышла уже далеко за пределы Чехии и оказывала сильное влияние на социальные отношения во всей Европе и что причины этого движения, грозившего подорвать основы феодального строя во всем мире, носят широкий международный характер.

Юлиан начинает свое письмо с предупреждения, что будет говорить откровенно, «не избегая суровых слов, ибо истинный друг подчас укоряет, но никогда не раболепствует». Затем он обрушивается на тех, кто предпочитает распустить Базельский собор, лишь бы не вести переговоры с чехами: «Если распустить собор, что скажут еретики? Не возмутятся ли они еще больше против нас? Скажут, что мы не решились дождаться их, и как раньше многотысячное войско, так теперь и вся церковь обратилась пред ними в бегство; что не только оружием, но и словом невозможно одолеть их. Не будет ли это как перст Божий и знак того, что их вера правильнее нашей? Не примкнут ли многие к их учению, тем более что они неоднократно и недавно снова распространяли в Германии артикулы своей веры, подкрепляя их текстами из священных книг и жалуясь, что им отказывают в слушании для того лишь, чтоб не могли они правоты своей доказать? (Это намек на манифесты, которые гуситы, пропагандируя свои взгляды, рассылали по всей Европе, вплоть до Англии и Испании) Народы ждут также, что теперь, наконец-то, осуществится долгожданное упорядочение жизни духовенства, чего не умели добиться столько соборов на нашем веку. Велико напряжение во всем человечестве, и только надежда на новый собор держит его в узде; если же она рухнет, то все миряне восстанут на' нас по-гуситски и будут нас истреблять, надеясь тем угодить Богу. Как раз на этих днях жители Магдебурга выгнали своего архиепископа и священников из

города, окружили город повозками, как гуситы, и, по слухам, даже просили у них гетмана. Дело сие тем более опасно, что многие соседние города присоединяются к ним. Жители города Пассау также изгнали своего епископа и осаждают его теперь в собственном его замке. Оба эти города расположены поблизости от Чехии, и если они установят с ней связь, а этого можно опасаться, то обретут много помощников и последователей. Между жителями Бамберга и их епископским капитулом также происходят весьма опасные раздоры… Многие феодалы и многие города вдоль чешских границ после бегства наших войск заключили с гуситами перемирие… Я кончил. Может быть, я взывал голосом более резким, чем подобает послушному сыну, однако когда горит дом, дозволено и рабам кричать и будить господина даже вопреки его желанию».

Действительно, горело уже все здание старого мира, занявшись от констанцского костра, и могущественные господа при виде рушащейся крыши волей-неволей смирились ради своего спасения.

Базельский собор, предлагая гуситам переговоры, заранее выдал им такие гарантии свободы выступлений, каких до сих пор никто не видел и не слышал;

«Посланники королевства Чешского и маркграфства Моравского, которые приедут на собор в Базель, смогут свободно и беспрепятственно высказаться перед лицом всего собрания Столько раз, сколько они потребуют, без отлагательств и так, как им будет угодно; собор же не будет уславливаться ни о чем таком, что могло бы помешать их выступлению и ведению дела. В собрании будет отведено им место достойное и прилитое… Все речи, обращенные против них, будут вручены им также и в письменной форме, если они того пожелают… Никакие каноны (церковные законы), декреты, декреталии, статуты, кем бы они ни были изданы, никакие решения, направленные против любых отклонившихся от веры, никакие крестовые походы, ни проклятия, наложенные кем бы то ни было на господ чехов и мораван, в особенности никакие постановления Констанцского собора не должны и не могут каким-либо мыслимым образом помешать им или нарушить гарантии, данные в сопроводительных грамотах, и препятствовать свободе их выступлений… В диспуте о четырех артикулах [36] нелицеприятным судией будут избраны закон Божий и деяния Христа, апостолов и ранней церкви… И смогут они свободно говорить перед собранием, упрекать любое сословие в проступках его и вскрывать пороки, кои заметили».

Какая огромная разница в сравнении с тем, как Констанцский

собор обращался с Гусом!

В истории римско-католической церкви еще не бывало случая, чтобы она отказалась от права безоговорочно повелевать и требовать слепого послушания Только гуситы впервые заставили ее это сделать. Итак, в Базеле католическая церковь уступила свое место верховного судьи высшей инстанции — «закону Божьему», библии — и перед этим судией сама заняла место спорящей стороны на одном уровне с гуситами.

Это было первым крупным поражением церкви с самого момента ее возникновения. Она вынуждена была отказаться от одного из своих основных принципов— от принципа непререкаемости авторитета.

Гус первым начал борьбу, увенчавшуюся этой победой.

Откуда взялось в нем столько отваги и силы?

В сущности, на это уже был дан ответ: борьба Гуса совпадала с направлением развития его времени, и за Гусом стояла его правда.

Но что же внушало ему сознание правильности его пути, откуда и как черпал он силу этой правды?

Все это стало возможным единственно потому, что он не утратил тесной связи со своим народом, с массами, как мы сказали бы теперь, то есть с теми людьми, у кого он учился познавать жизнь, к кому он обращался, ради кого боролся. Гус всегда был вместе с народом, был спаян с ним силой любви и всеми своими помыслами, он был плотью от плоти народа, и именно поэтому он мог стать народным проповедником и пропагандистом. Он обладал исключительным талантом проникать мыслью в проблемы своей эпохи, обладал исключительным нравственным и человеческим мужеством; поэтому он стал рупором тысяч.

Он прекрасно понимал, что его идеи и выводы порождены реальной окружающей его жизнью. Отсюда конкретность его речи и сама речь, доступная пониманию самых простых слушателей. Вот почему этот идеолог стал вождем. Это один из нагляднейших примеров роли выдающейся личности в истории, один из примеров взаимоотношения между идеей и массами. Из жизни народа, с которым он был органически связан, выводил Гус свои заключения, придавая им четкую форму программы; сформулированные таким образом идеи, в свою очередь, влияли на массы, принимавшие их в силу самой своей природы. Идеи же, воспринятые массами, становились в их руках реальной революционной силой.

«Гус — первый революционер нового времени». (З д. Неедлы, «Гус и наша эпоха»). Предшественники Гуса, правда, тоже

указывали на пороки церкви, корили ее и предлагали устранить их. Гус же не ждал устранения пороков от самой церкви. Он не только критиковал ее — он шел значительно дальше: на глазах своих слушателей он сорвал с нее фальшивый ореол и вскрыл причины ее упадка. А вскрыв их, указал и путь к устранению пороков, к исправлению церкви даже против ее воли. Он выдвинул совершенно конкретное требование — отобрать у церкви собственность, основу ее светского могущества; с такой же конкретностью он отвергал слепое повиновение церковному авторитету, на который опиралась ее мощь. Церковь утверждала незыблемость существовавшего в мире порядка. Гус, наоборот, говорил, что этот порядок необходимо изменить!

Это было, бесспорно, революционное наступление не только на позиции крупнейшего феодала того времени— это было наступление на самую сущность феодального строя. А из многих приведенных нами высказываний Гуса ясно видно, что его борьба действительно затронула и другую часть тогдашнего общества — светскую. Разве не говорил Гус об обязанностях каждого сословия? О том, что лишь тогда законна власть светских властителей, когда они честно выполняют свой христианский и человеческий долг по отношению к своим подданным? И теперь, когда мы научились понимать Гуса, несмотря на церковную терминологию его текстов, разве не видим мы, что его учение в целом образует основу революционной социальной программы?

Что это было именно так, доказывают ход и результаты позднейшего движения гуситов, сформировавших свою идеологию на основе учения Гуса.

Вернемся же в заключение к личности Гуса, к Гусу-человеку. Мы уже говорили, какое богатство любви заложено было в его душе. Отсюда вытекало и его особое новое отношение к людям, необычное для окаменевших форм феодального мира, ибо Гус находил совершенно иные мерила и критерии, которыми оценивал человека и определял его место в жизни. В чем Гус видел ценность человека?

«Найдется ли такой глупец на свете, — говорил он, — который предпочел бы быть плохим епископом, нежели хорошим крестьянином? Поистине нужно быть безумцем, ослепленным дьяволом, чтобы не понять, что лучше!»

Отсюда и вывод Гуса о том, на кого следует опираться в борьбе за исправление мира: не на сильных, как того требовал феодальный обычай, а на праведных. Понятие же «праведный» совпадало у Гуса с понятием «бедный и униженный». В самых разных трудах вновь и вновь цитировал он место из библии, где сказано, что Христос «возвестил истину» не богатым и ученым, но

неимущим и презираемым. «Простые бедные священники, миряне и женщины неимущие защищают правду честнее, нежели доктора. В страхе бегут они от правды и не осмеливаются высказать ее».

На почве этой идеологии, которая превратилась в реальную силу, как только стала достоянием масс, действительно могло вырасти и выросло гуситское революционное движение. В период долголетней борьбы с церковью и феодалами Гус и его последователи разоблачали сущность феодального строя, а их борьба и дальнейший ход истории все больше и больше подрывали его основы.

Образ Яна Гуса, революционного мыслителя, народного вождя и борца, живым и понятным приходит к нам из прошлого, и таким же останется он для будущих поколений. Его последовательная и непримиримая борьба, вдохновленное им гуситское движение были для чешского народа первым великим и славным опытом революционной борьбы, и этот пример ободрял и увлекал наш народ в его дальнейшем историческом развитии, во всех последующих революциях.

Основные даты жизни Яна Гуса

1371— в семье крестьянина селения Гусинед близ г. Прахатиц родился Ян Гус.

1393 — Ян Гус заканчивает Пражский университет и получает звание бакалавра свободных искусств.

1396— Ян Гус — магистр (профессор) с правом чтения лекций.

1400–1401 — Ян Гус получает звание бакалавра богословия и посвящается в сан священника.

1401 — Ян Гус — проповедник Вифлеемской часовни в Праге. Декан философского факультета Пражского университета.

1402 — Гус избирается ректором Пражского университета, продолжая свою проповедническую деятельность в Вифлеемской часовне.

1402–1409 — Выступление Гуса с обличительными проповедями против официальной церкви, борьба с немецкими магистрами в Пражском университете.

1409 — Кутногорский декрет, изменивший структуру и устав Пражского университета, предоставив в университетском совете большинство голосов чехам. Немецкие магистры покидают университет.

1409 — вторичное избрание Яна Гуса ректором Пражского университета.

1410, 18 июля— пражский архиепископ отлучает Гуса от церкви за распространение учения английского реформатора Уиклифа.

1410, осень — обвинение Гуса в ереси. Начало процесса против Гуса, подготовленного пражским архиепископом Збынеком.

1412, май — выступления Гуса против индульгенций.

1412, июль — народные демонстрации в Праге против папских продавцов индульгенций.

1412, осень — Гус покидает Прагу и уезжает в южную Чехию.

1413 — проповедническая и литературная деятельность Гуса, в южной Чехии. Создание им сочинений «О симонии», трактат «О шести заблуждениях», «О церкви», «Постилла».

1414, 11 октября — 3 ноября — поездка Яна Гуса на заседания Констанцского собора.

1414, 28 ноября — арест Гуса в Констанце.

1415, май — составление петиций чешскими дворянами, требующими освобождения Гуса.

1415, 5, 7, 8 июня — заседания Констанцского собора по

поводу «слушания» дела Яна Гуса.

1415, 5 июля — отлучение Гуса от церкви и передача его как еретика в руки светских властей для казни.

1415, 6 июля — сожжение Яна Гуса.

Краткая библиография

Маркс К., Хронологические выписки. I–II. Архив К Маркса и Ф. Энгельса, т. V–VI. М., 1938–1939 г.

Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии. М., 1952 г.

Бильбасов В. А., Чех Ян Гус из Гусинца. Письма Яна Гуса, выбранные М. Лютером. Спб., 1869 г.

Дювернуа А, Станислав Зноемский и Ян Гус. Две главы об истории Пражского университета. М., 1871 г.

Мацек И., Гуситское революционное движение. М., 1954.

Неедлы З., Гуситы и русские. «Исторический журнал». М., 1941 г., кн. 10–11.

Рубцов Б. Т., Гуситские войны (Великая крестьянская война XV в. в Чехии). М., 1955 г.

Сазонова А. С., Социально-политические и национальные требования в учении Яна Гуса. № 9, М., 1952 г., К. С. Ин-та слав.

Филиппов М. М., Ян Гус, его жизнь и реформаторская деятельность. Изд. 2-е. Спб., 1902 г.

Ящуржинский Х., Социально-политическое учение Г уса. Варшава, 1878 г.

«История Чехословакии», т. 1. АН СССР. М., 1956 г.

notes

Примечания

Можно назвать, например, работы И. Мацека, «Гуситское революционное движение» (19М) или Б. Т. Рубцова «Гуситские войны» (1955). Сюда относятся и обстоятельные главы о гуситском движении в коллективных трудах советских историков — «История Чехословакии» (т. 1) и «Всемирной истории» (т. 3).

2

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч, т. VIII, стр. 128.

3

Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. М., 1952, стр. 42.

4

Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. М., 1952, стр. 35.

5

См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 158–159.

6

Пребенды — вознаграждение духовных лиц за совершение богослужений в церквах.

7

Вигилии — обрядовые песнопения на вечерних богослужениях в католической церкви.

8

Средневековая Прага не была единым городом, как теперь, а состояла из самостоятельных королевских городов: Старого Места, Нового Места, Малой Страны и зависимых Градчан, принадлежавших Пражскому кремлю.

9

Борьба Вацлава IV против панов в союзе с мелкой шляхтой и городами окончилась поражением союзников. В 1394 году король попал в плен. Вторично Вацлав IV столкнулся с панами в 1402 году.

10

Десятина — десятая часть доходов, которую каждый христианин обязан был платить церкви.

11

Светское папское государство — государство в средней Италии во главе с неограниченным светским государем— папой римским. Возникло в VIII веке и прекратило свое существование в 1870 году.

12

Римско-Германская империя — точное название: Священная Римская империя германской нации. Провозглашена Оттоном I в X веке. В ее состав входили не только германские государства, но и Италия, Чехия, Бургундия и т. д. В XIV веке начинается распад империи. Окончательно прекратила свое существование в 1806 году.

13

Ремесленные цехи — в средние века объединения городских ремесленников определенной профессии для защиты от посягательств феодалов и сохранения монопольного положения в производстве и сбыте товаров.

14

Копа — древняя единица счета, равная шести десяткам.

15

Перевод стихов в книге Станислава Рассадина.

16

Миряне — светские люди, не имеющие священнического сана.

17

Мамона — божество (сирийское), олицетворяющее богатство, сребролюбие, алчность.

18

Схизма — раскол. В средние века схизмой называли случаи двойных или тройных выборов в папы.

19

Симония — практика продажи и покупки церковных должностей в католической церкви.

20

Диакритические знаки — значки, изменяющие значение букв.

21

Прерогатива — исключительное право, преимущество.

22

Тайная вечеря — евангельская притча о прощальном ужине Христа со своими учениками накануне ареста. В более позднее время к притче были приписаны изречения Христа о хлебе и вине, как его теле и крови. Вокруг этой евангельской притчи шли жаркие диспуты между богословами.

23

Гостии — облатки из пресного пшеничного теста с изображением агнца и креста. Употребляются при причастии в католической церкви.

24

Фара — дом приходского священника, усадьба.

25

Булла - грамота, постановление или распоряжение папы римского.

26

Выморочное право означало в те времена право феодала забирать себе все имущество умершего подданного, если после него не осталось прямых наследников, то есть супруги, сына и т. п. *(Прим. авт.)*.

27

Главой Римской империи германской нации был император, и Вацлав IV не отрекся от этого титула и от притязаний на него даже после того, как был смещен. Король Римский являлся заместителем императора, а в действительности — настоящим «исполнительным» правителем. Внешним признаком этой власти была, однако, только коронация.

28

Из письма Гуса в Чехию.

29

Францисканский монастырь — монастырь, принадлежащий нищенствующему монашескому ордену, основание му в XIII веке Франциском Ассизским.

30

Эпитимия — наказание, возмездие за грех.

31

Иероним, несмотря на то, что Гус серьезно предостерегал его в письме, приехал к нему в Констанц. Поняв, что не может помочь арестованному другу, он решил возвратиться в Чехию, чтобы там договориться о помощи. На обратном пути, когда он ради большей безопасности ехал переодетым, его по несчастной случайности почти на самой границе узнали и арестовали люди баварского герцога (это было во второй половине мая). Связанным его доставили обратно в Констанц и отправили в тюрьму. Менее чем через год после казни Гуса Иеронима постигла та же участь.

32

Минцмистр — начальник монетного двора.

33

Тонзура — выстриженное место на гемени у католических духовных лиц. Символ отречения от мирских интересов.

34

По обычаю одежда осужденных переходила в собственность палача. *(Прим. авт.)*

35

Табор — название города, основанного гуситами в центре восставших провинций Чехии.

36

Четыре статьи, в которых собрана сущность учения гуситов.